

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГБОУ ВО «РГГУ»)**

Институт психологии им. Л.С. Выготского

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»**

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Коллективная монография

**Под редакцией Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой,
О. В. Гавриченко**

**МПГУ
Москва • 2019**

УДК 304+316.772.5
ББК 60.524.224.56
Ц752

Рецензенты:

А. Ш. Тхостов – доктор психологических наук,
профессор, заведующий кафедрой нейро- и патопсихологии
факультета психологии, МГУ им. М.В. Ломоносова
Е. И. Щепланова – доктор психологических наук,
профессор, заведующая лабораторией психологии одаренности
Психологического института РАО

Ц752 Цифровое общество в культурно-исторической парадигме :
коллективная монография / под ред. Т. Д. Марцинковской,
В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. – Москва : МПГУ, 2019. – 264 с.

ISBN 978-5-4263-0722-3

В монографии собраны статьи, посвященные психологическим аспектам современного цифрового общества. Вопросы, связанные с проблемами сетевого или, в более широком аспекте, цифрового общества становятся все более значимыми и актуальными как для науки, так и для общества в целом. Поэтому естественно, что психология не могла пройти мимо этой проблематики.

В содержании раскрываются различные аспекты цифрового общества – от новых закономерностей развития когнитивного, личностного и социального пространства до особенностей обучения в цифровом пространстве; от проблемы развития ВПФ в новой социокультурной ситуации до отношения современных людей к технологическому обществу. Таким образом, содержание монографии доказывает актуальность поднятой проблемы и необходимость ее дальнейшего исследования в рамках междисциплинарной парадигмы.

УДК 304+316.772.5
ББК 60.524.224.56

ISBN 978-5-4263-0722-3

© МПГУ, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Homo digital: человек в цифровом мире	6
Войскунский А.Е. Современные тенденции киберпсихологических исследований.....	6
Нестик Т.А. Перспективы психологических исследований внедрения технологий искусственного интеллекта.....	13
Поддьяков А.Н. Ложные подсказки и троянское обучение: цифровая перспектива.....	23
Богачева Н.В. Основные проблемы психологии компьютерной игры	30
Гусельцева М.С. Трансформации идентичности в информационной культуре.....	36
Полева Н.С. Психология смешанной реальности цифрового пространства.....	43
Дубовская Е.М. Информационное пространство транзитивного общества.....	48
Никитина Е.А. Психологическая феноменология публикаций селфи в социальных сетях.....	53
Орестова В.Р., Ткаченко Д.П. Герои массовой культуры в современном кинематографе: представления современных подростков и юношей	58
Глава II. Экзистенциальные проблемы самореализации и идентичности в виртуальном пространстве	65
Марцинковская Т.Д. Психология идентичности в современном смешанном пространстве.....	65
Белинская Е.П. Психологическая феноменология и тенденции сетевой идентичности	73
Аянян А.Н. Реальная и виртуальная идентичность современных подростков и юношей	80
Бусыгина Н.Р., Аблов О.И. Социальные сети в образе мира современной молодежи.....	85
Тихомандрицкая О.А., Малышева Н.Г., Шаехов З.Д. Современные исследования психологического благополучия цифрового поколения.....	89
Фоломеева Т.В., Винокуров Ф.Н. Исследования культурной памяти в социальных сетях.....	95
Хорошилов Д.А. Исследование феномена «глубинной медиатизации» повседневности.....	100
Гришина Н.В. Научные и обыденные представления о личностных изменениях.....	104
Гавриченко О.В. Специфика самопрезентации в интернете представителей разных профессиональных групп	112
Борисова Н.В. Цифровое общество в контексте творчества С.Л. Рубинштейна.....	118
Глава III. Новые тенденции развития детей и подростков в современном мире	124
Головей Л.А., Данилова М.В. Психозмоциональное благополучие подростков в современной социальной ситуации развития.....	124
Хузеева Г.Р., Калинин М.И. Специфика развития социокультурной идентичности современных подростков и юношей.....	130

Голубева Н.А. Особенности общения современной молодежи в цифровом пространстве	133
Иванова И.В. Информационные предпочтения молодежи в цифровом обществе	139
Бахадова Е.В. Специфика родительских отношений к детям в условиях киберсоциализации	144
Ткаченко Д.П. Социализация подростков в условиях социальной транзитивности	150
Соболева М.О. Социально-психологические особенности девиантных подростков.....	155
Глава IV. Влияние информационных технологий на ВПФ	164
Шнейдер Л.Б. От «кликерного» к клиповому и чиповому мышлению.....	164
Балашова Е.Ю. Клинико-психологические аспекты отношений человека с цифровым миром	171
Емелин В.А. Высшие психические функции в контексте цифровых.....	177
Киселева Е.А. Роль языка в процессе информационной социализации в мультикультурном обществе.....	182
Жуйкова Е.Б., Печникова Л.С. Психологическая помощь детям в период адаптации в приемной семье	188
Ласьков Г.Д., Букиннич А.М., Нуркова В.В. Мнемический «Google-эффект» при имитации деятельности детектива.....	195
Олешкевич В.И., Бурлакова Н.С. Культурно-историческая психология в современном обществе	202
Бойко О.М. Роль онлайн-игр в социальной адаптации при психических заболеваниях	208
Глава V. Социальная психология и психология образования цифрового общества.....	216
Иванова Е.И. Социологические аспекты смысловых установок предпринимательской деятельности	216
Петрушихина Е.Б. Ключевые компетенции при руководстве виртуальной командой.....	224
Скрипкина Т.П. Социально-психологические особенности пользователей интернета.....	231
Мишина М.М. Психологическая связь между субъективными переживаниями одиночества и интернет-зависимостью у современных студентов	240
Улановская И.М., Ривина И.В. Компьютерный диагностический инструментарий в оценке работы начальной школы.....	247
Заключение.....	256
Сведения об авторах.....	258

ВВЕДЕНИЕ

Современная ситуация, характеризующаяся как ситуация транзитивности (изменчивости, множественности и неопределенности), становится все более всеобъемлющей, затрагивая все поколения, сферы жизнедеятельности и социальные группы. Одновременно можно констатировать и постоянно увеличивающееся влияние сети Интернет, которая делается все более значимой в современной меняющейся действительности. Фактически можно говорить о том, что все процессы социализации и идентификации происходят именно в транзитивном мире, а Интернет все больше становится одним из важнейших институтов социализации, влияя на когнитивное развитие, самореализацию, коммуникацию людей. Таким образом, можно констатировать, что закономерности, определяющие формирование этих пространств, являются, по сути, и закономерностями социализации и развития человека в современном обществе в целом.

Тот факт, что сегодня образ мира людей, прежде всего молодых, во многом строится на основании той информации, которая приходит из виртуального пространства, позволяет говорить о связи представлений о мире и о себе, которые формируются в Интернете и в социуме. Актуализация интереса психологии к данной проблематике связана и с тем, что в современной ситуации транзитивности множественность контекстов подразумевает, безусловно, и множественность подходов к ее анализу. И проблема современного виртуального пространства становится одной из ведущих. Поэтому крайне значимым становится исследование психологической феноменологии и закономерностей одного из наиболее актуальных для современных людей жизненных пространств – пространства цифрового общества.

ГЛАВА I. НОМО DIGITAL: ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Современные тенденции киберпсихологических исследований*

Войскунский А.Е.,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
г. Москва

Аннотация. Автором рассматриваются основные направления психологических исследований, описывающих поведение людей в киберпространстве. Учитываются разнообразные виды поведения: коммуникативное, познавательное, развлекательно-игровое, консьюмеристское (онлайн-шопинг) и др. Предлагаемые направления психологических исследований включают: анонимность, перенос из онлайн-среды в реальность и обратно, репутационную прокачку, мобильность, погружение (иммерсию), распределенность поведения.

Ключевые слова: киберпсихология, виртуальность, анонимность, гибридное поведение, репутационная прокачка, мобильность, погружение, распределенность поведения.

Главной характеристикой поведения в киберпространстве могла бы быть названа *виртуальность*, если под таковой понимать все, что выполняется посредством сервисов Интернета: виртуальные отношения, виртуальные игры, виртуальные покупки, виртуальное общение, виртуальные знакомства и др. Однако всеобщность данного понятия во многом препятствует выделению «виртуальности» в качестве основополагающей универсальной характеристики исследований в сфере киберпсихологии, или анализа человеческого поведения в Интернете. На основе исследовательского опыта и анализа публикаций выдвигаем следующую классификационную систему исследований, лежащую в основе изучения психологами поведения человека в Интернете (Войскунский, 2016).

Перенос из реальности в пространство Интернета и обратно, а также смешанные («гибридные») формы поведения. Данный тип поведения предусматривает действия одновременно в реальности, и в Ин-

* Подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00515.

тернете. Примерами могут служить наведение справок и использование компьютерных советов в информационных системах (или в смартфоне, в т.ч. в режиме устной речи), выполнение практических действий под руководством компьютерных аватаров, движение по рекомендации программы-«навигатора» и т.п. Системы виртуальной и дополненной реальности применяются для организации «смешанных» форм поведения: выполнения трудовых операций по подсказке системы дополненной реальности, игровых методов реабилитации и психологической помощи постстрессовых состояний, фобий – чаще всего посредством когнитивно-бихевиоральной терапии, поддержанной системами виртуальной и дополненной реальности. Формы и способы поведения, приобретенные в ходе опосредствованных системами виртуальной реальности тренировок, могут переноситься в поведение в реальной жизни; феноменология такого рода трансферов именуется в настоящее время «эффектом Протея» (Yee, 2014).

Из Интернета в реальность переносятся термины, символы (напр., @), речевые штампы и мемы, лежащие в основе языка «новых медиа», рекламы и маркетинга. Благодаря Интернету возвращаются в обиход устаревшие навыки (т.н. реверсия) – такие, как например привычка переписываться или вести дневник, другие навыки теряют актуальность, отмирают (т.н. экзудия), к примеру, запоминание фактологической информации (номера телефонов, исторические даты), развитие скорописи или счет в уме. При поиске и считывании информации онлайн, как считается, имеет место большая активация зрительной коры, чем при чтении печатных страниц; это предположительно сказывается на нежелании представителей новых поколений читать «бумажные» книги (Смолл, Ворган, 2011).

Цифровые технологии способствуют расширению когнитивных возможностей. Благодаря «трансгуманистическим» тенденциям, применению протезов (напр., кардиопротезов) с электронной настройкой, да и просто в результате использования стационарных и мобильных информационно-коммуникационных орудий изменяется представление о телесности (Рассказова и др., 2015). Так, в одном из проектов при поражениях зрительного нерва, результатом которых является цветовая слепота, видеокамера перекодирует информацию о цвете окружающих предметов и транслирует ее в звуки разной частоты колебаний, а пациенты обучаются их воспринимать (Файола и др., 2016). Компьютерные гаджеты стали инструментом опосредствования, расширения возможностей сенсорной,

нейрокогнитивной и скелетно-мышечной системы. В системах искусственного интеллекта воплощен ряд когнитивных умений (таких как селекция, анализ, обобщение, выработка эвристик, гибкое целеполагание, прайминг и др.): можно прогнозировать объединение высших психических функций с искусственными познавательными процессами, как, к примеру, в интеллектуальном виде спорта – шахматах: противоборство игроков, каждый из которых вооружен компьютерными шахматными программами и потому защищен от грубых ошибок, зато вносит в игру элемента фантазии и творчества.

Анонимность лежит в основе многих видов поведения в киберпространстве. Остановимся на девиантном поведении, ибо именно оно бросается в глаза, дает повод для отрицания полезности Интернета и порицания связанных с ним действий. Анонимность провоцирует, как показывает опыт, девиации коммуникативного поведения (флейм, троллинг, кибербуллинг или кибермоббинг и др.), действия в стиле «копи-паст» (плагиат), хакерство, кибер-разведку, читерство. В крайних своих проявлениях анонимность способна, на наш взгляд, привести к диссоциативному расстройству, «двойничеству» или во всяком случае к альтернативным идентичностям, а в будущем можно вообразить развитие перепалок и конфликт интересов между принадлежащими одному и тому же человеку игровыми персонажами, аватарами, идентичностями, носителями ролевых функций.

Убеждение о стопроцентной анонимности пользователей Интернета – распространенное, однако ложное. Путем сотрудничества полицейских органов и провайдеров Интернет-доступа во всех странах выявлено множество «электронных преступников», явных или мнимых. Однако поскольку удается выявить далеко не всех нарушителей, представление об анонимности (пусть неполной) способствует рискованным формам поведения в среде Интернета. В настоящее время факты противоборства между органами следствия/дознания и провайдерами, равно как их сотрудничества и согласованных действий, являются предметом общественного интереса.

Репутационная прокачка. Термин берет начало в компьютерных играх и означает, например, развитие и «прокачку» игрового персонажа путем длительной и эффективной игры, включая также посменную командную игру одним и тем же игровым персонажем в ролевых компьютерных играх с целью улучшения репутации и/или получения выгоды. Процесс значим и во внеигровой сфере: так, репутацией (рейтингом)

озабочены блогеры и участники социальных сетей: «прокачать репутацию» проще всего путем видоизменения или «приукрашивания» собственной фотографии и/или биографии, высказывания достоверных (или не очень) фактов и версий происходящих событий, не в последнюю очередь – путем выработки стилевых особенностей взаимодействия с читателями, зрителями и подписчиками. Приобретение и поддержание собственной репутации в незнакомом окружении – это решение относительно новой и сложной задачи: научиться управлять социально-перцептивными процессами партнера/партнеров. В социальных сетях, в блогах управление чаще всего осуществляется посредством самопрезентации – конструирования собственного образа в виде текстов, дополненных изображениями (в т.ч. селфи) и аудиофайлами. В конструируемый образ включаются способы взаимодействия (деликатного, внимательного, грубо-брутального, небрежного и т.п.) с друзьями/френдами и подписчиками/фолловерами, результаты оценки последними степени грамотности и компетентности автора блога или странички в социальной сети.

Самопрезентация нацелена на управление социально-перцептивными процессами в условиях отсутствия привычных каналов для категоризации и коррекции презентуемого образа (Войскунский, 2014). Ныне активно изобретаются и применяются способы конструирования желаемого образа, а также выстраивания целого ряда расходящихся, несовпадающих (противоречащих один другому или совпадающих лишь частично) и альтернативных образов. Перспектива управления социально-перцептивным процессом других участников социальных сетей открывает каналы для манипуляций. Могут быть отмечены практики отклонения от действительности или селекция предъявляемых характеристик. Так, если в самоописаниях делается упор на привлекательность (женщин) или высокий социальный статус (мужчин), то личностным чертам уделяется сравнительно мало внимания (Белинская, 2013). Едва ли справедливо считать недостаток психологических самохарактеристик сознательным отклонением от «объективной» самопрезентации; скорее он обусловлен неразработанностью навыков «предъявления себя».

Мобильность изменила повседневное поведение: люди более не привязаны к гаджетам и аппаратам на рабочем месте или в домашних условиях, им доступна индивидуально подобранная музыка, они постоянно «на связи», в их смартфонах и планшетах – энциклопедии, карты местности, фототека, рабочие и личные файлы, имеется доступ к уда-

ленным хранилищам документов, игровому пространству, средствам управления финансами и т. д. и т. п. Перспектива выполнения трудовых операций в мобильном режиме воздействует на трудовые отношения и режим труда: менеджерам, людям творческих профессий, журналистам, торговым агентам, программистам, консультантам можно повседневно работать удаленно, например, в режиме фриланс. В таком же режиме могут эффективно работать инвалиды или проживающие в удаленной местности люди: расширяется количество вакантных рабочих мест, на которые они претендуют.

Специалисты упоминают и другую «инвалидизацию»: острое переживание нехватки существенных моментов бытия при даже временном отсутствии доступа к компьютерам, смартфону, планшету, гаджетам и девайсам (Рассказова и др., 2015). «День без телефона и компьютера» всякий раз переживается весьма тяжело. В скандинавских странах утверждается, что доступ к Интернету – это одно из неотъемлемых человеческих прав; но при этом множество людей обходятся (полностью или частично) без доступа к технологиям и не считают себя обделенными. Известно, что одни родители ограничивают доступ своих детей к применению Интернета, в то время как другие не делают этого. В то же время отечественными и зарубежными специалистами единогласно признается значимость воздействия цифровых технологий на подрастающие поколения, в особенности на относительно ранних стадиях социализации (Марцинковская, 2010; Солдатова и др., 2018).

Изобилие средств фиксации изображений и звуков «засоряет» пространство Интернета за счет любительских фотографий, видеоизображений, музыкальных сочинений и т.п. Возможно, в последующем окажется необходимой «экологическая» программа освобождения киберпространства от никем не востребованных избыточных элементов, от их копий и «зеркал»; с другой стороны, развитие технологий ведет к «устареванию» некогда популярных форматов и к затруднению доступа к ранее выполненным документам.

Погружение (иммерсия) в пространство Интернета может быть полным или частичным, временным или постоянным. Возражения против увлечения сервисами Интернета опираются на представления об (1) опасностях зависимости от Интернета (или от отдельных Интернет-сервисов – игровых, коммуникативных и др.) и (2) возрастании агрессивности и жестокости как результате участия в компьютерных иг-

рах – например, за счет действия психологического механизма десенситизации.

Интернет-зависимость может считаться одним из проявлений погружения. Она относится к числу поведенческих зависимостей, а среди последних – технологических зависимостей. Феномены зависимости от Интернета известны уже более 20 лет, в течение этого периода недостаточное внимание уделялось методологии, выработке критериев, согласованности одновременных данных. В последние годы, правда, предпринимаются усилия, направленные на увеличение надежности получаемых результатов, а в МКБ-11 появилось упоминание об опасности заболеваний, вызванных компьютерными играми.

Сильную полемику вызывают представления о перспективах развития агрессивности и жестокости у игроков в компьютерные игры (Войскунский, 2010). Утверждение, что рост агрессивности имеет место, опирается на корреляционные исследования, в то время как нет установленной причинно-следственной связи между увлечением компьютерной игрой и развитием агрессивности и жестокости у детей и подростков. Причиной разных точек зрения выступает различие научных подходов к проблеме, ее терминологическая непроработанность. Тезис о развитии агрессивности и жестокости (в результате, например, десенситизации) не получил убедительного решения даже в более разработанной проблемной области – влиянии на подрастающее поколение телевидения и кинематографа.

Распределенность поведения: в киберпространстве относительно нетрудно отыскать единомышленников, выполнить деловые и/или личные взаимодействия, согласовать общие действия, распределить рабочие операции. В социологии признается ценность т.н. слабых связей (Грановеттер, 2009) между людьми для проведения ими досуга, получения информации, повышения эффективности труда, гражданского участия. Для слабых связей одно из лучших средств обеспечения и поддержки – это Интернет. Сервисы Интернета способствуют созданию новых видов слабых связей (напр., сообществ по интересам), которые зачастую не ведут к долговременным и тесным личным отношениям; переменный состав сообществ на основе слабых связей соответствует интересам самих участников. Участие в социальных сетях опирается по большей части на слабые связи. Как общности с размытыми границами и неинтенсивными контактами между своими членами, социальные сети отличаются от таких объединений, как группы. Благодаря Интернету такие сети-сообщества

стали глобальными, зачастую не только массовыми, но и эффективными, а число сетевых любительских проектов активно множится (Ширки, 2012).

Следует ожидать, что стремительное развитие сетевых цифровых технологий будет способствовать появлению новой феноменологии, связанной с человеческим поведением.

Библиографический список

1. *Белинская Е.П.* Психология Интернет-коммуникации. М.: МПСУ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2013.
2. *Войскунский А.Е.* Развивается ли агрессивность у детей и подростков, увлеченных компьютерными играми? // Вопросы психологии. 2010. № 6. С. 119–130.
3. *Войскунский А.Е.* Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2. С. 90–104.
4. *Войскунский А.Е.* Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36–49.
5. *Грановеттер М.* Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
6. *Марцинковская Т.Д.* Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010. № 3. С. 90–102.
7. *Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека. М.: Акрополь, 2015.
8. *Смолл Г., Ворган Г.* Мозг онлайн: Человек в эпоху Интернета. М.: КоЛибри, 2011.
9. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2018.
10. *Файола Э., Войскунский А.Е., Богачева Н.В.* Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147–162.
11. *Ширки К.* Включи мозги. Свободное время в эпоху Интернета. М.: Карьера Пресс, 2012.
12. *Yee N.* The Proteus Paradox: How Online Games and Virtual Worlds Change Us—And How They Don't. Yale University Press, 2014.

Directions of studies in cyberpsychology

Voiskounsky A.E.,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract. The leading directions of cyberpsychological studies describing human behavior (interactive, cognitive, gameplaying, consumer, etc.) on the Internet are introduced and discussed. These directions include: anonymity, hybrid behavior (transfer from virtual to real life and vice versa), leveling up reputation, mobility, immersion, distribution.

Keywords: cyberpsychology, virtuality, anonymity, hybrid behavior, leveling up reputation, mobility, immersion, distributed behavior.

Перспективы психологических исследований внедрения технологий искусственного интеллекта*

Нестик Т.А.,
Институт психологии РАН,
г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, которые ставит внедрение технологий «слабого», или специализированного, искусственного интеллекта в повседневную жизнь для психологической науки и практики. Обращается внимание на исследование последствий использования алгоритмов для когнитивного и эмоционального развития личности, влияние культурных различий на разработку и подходы к использованию ИИ; возможности, открываемые ИИ для увеличения осознанности, конструирования личностью своей идентичности, образа Я и временной перспективы, для целенаправленного управления самопрезентацией; влияние программируемости мира на процессы каузальной атрибуции и доверие к социальным институтам; последствия использования машинного обучения в системах поддержки группового принятия решений; влияние ИИ на правовое сознание и способы мобилизации права. Особенно острыми признаются психологические проблемы, связанные с появлением «лишних людей», потерявших работу в ходе автоматизации.

* Исследование выполнено по гранту РФФИ №18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

Автор обращает внимание на вероятность снижения осознанности и рефлексивности общества под влиянием цифровой «архитектуры выбора», а также на увеличение культурного разрыва между теми, кто готов к неопределенности и выбору, и теми, кто стремится избежать необходимости что-либо выбирать, перекладывая ответственность на обезличенные алгоритмы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, осознанность, групповое принятие решений, каузальная атрибуция, социальное доверие, толерантность к неопределенности, архитектура выбора.

Среди технологий, стремительно меняющих повседневную жизнь людей, системы на основе «слабого» искусственного интеллекта занимают особое место. Во-первых, в эпоху, когда технологический оптимизм сопровождается социальным пессимизмом, именно с этими технологиями связана надежда на улучшение работы социальных институтов и оздоровление целых сфер жизни общества, таких как государственное управление, коммунальные услуги, общественный транспорт, здравоохранение, даже образование и СМИ. Машинное обучение, анализ больших данных и блокчейн рассматриваются как своего рода лекарство или даже протез для слабеющего социального доверия. Во-вторых, существует возможность появления «сильного» искусственного интеллекта, который, в отличие от других технологий, не только в массовом сознании, но и среди экспертов наделяется характеристиками субъекта, представляется как сила, способная со временем подчинить себе человека (Turchin, Denkenberger, 2018). Как показывают проведенные нами эмпирические исследования, отношение молодежи к технологиям искусственного интеллекта существенно различается в зависимости от сферы их применения, при этом наибольшие опасения вызывают автономные киберфизические системы, предполагающие вмешательство в человеческое тело и в процессы принятия решений (Нестик, 2018).

Одна из причин тревоги по поводу развития искусственного интеллекта связана с так называемой проблемой «черного ящика»: не только политики и обыватели, но и сами разработчики не могут в точности объяснить логику, лежащую в основе тех или иных заключений, сделанных самообучающейся нейросетью (Knight, 2017). Влияние таких алгоритмов на общество трудно оценить, так как их коды защищены коммерческой тайной, а истинные цели часто не ясны.

Искусственный интеллект, интернет вещей и анализ больших данных являются ключевой частью того пакета цифровых технологий, которые лежат в основе автоматизации, «платформенной экономики» и сдвига границ отраслей. По мнению экспертов Price Waterhouse Coopers, влияние этих технологий на общество не будет мгновенным, и будет нарастать в виде трех волн автоматизации. Первая волна завершится к середине 2020-х гг., она охватила прежде всего финансовый, IT и телекоммуникационный секторы и затрагивает в основном легко автоматизируемые операции с доступными данными. Вторая волна к концу 2020-х будет связана с оснащением людей-операторов новыми физическими и когнитивными возможностями: охватит производство, хранение и доставку, а также сферу розничных продаж. Наконец, третья волна к середине 2030-х гг. будет связана с появлением автономных систем (например, транспортных), где принятие решений в меняющейся обстановке будет доверено искусственному интеллекту. Эти изменения по-разному ощущаются людьми в зависимости от страны проживания и профессии, например, ожидается, что в Юго-Восточной Азии, Северной Европе и России влияние автоматизации затронет меньше рабочих мест по сравнению с Восточной Европой и США (Parlett et al., 2018).

В отличие от европейских стран и США, *в российском массовом сознании последствия автоматизации труда пока недооцениваются*. Как показал опрос россиян, проведенный ВЦИОМ по репрезентативной выборке в декабре 2017 г., 74% убеждены, что в обозримом будущем их рабочее место не смогут занять роботы (Роботизация работы..., 2017). При этом 73% вообще никогда не задумывались об этой проблеме. Большинство (62%) считают тенденцию к замене людей на рабочих местах роботами и алгоритмами неправильной, причем наиболее категорично это мнение отстаивает именно молодежь, а не старшее поколение (так считают 70% в группе 18–24 лет по сравнению с 55% в группе 45–59 лет).

Внедрение технологий «слабого», специализированного искусственного интеллекта (ИИ) в повседневную жизнь ставит перед психологической наукой и практикой целый ряд проблем, актуальность которых будет нарастать в ближайшие годы. Анализ этих проблем позволяет сформулировать *несколько перспективных направлений социально-психологических исследований*.

Чрезвычайно актуальным сегодня является исследование *последствий использования алгоритмов для когнитивного и эмоционального*

развития личности. Например, остается не вполне ясным, как распределение когнитивных задач между ИИ и человеком повлияет на развитие интеллекта и когнитивный стиль. Например, как изменится роль эмоций в человеческом познании? Повысит ли использование систем распознавания лиц эмоциональный интеллект человека? С другой стороны, нужно разобраться в том, как особенности мышления самих разработчиков и пользователей самообучающихся алгоритмов влияют на окружающий нас, все более программируемый мир. Как будет развиваться ИИ в культурах с холистическим и аналитическим мышлением?

Влияние культурных различий на разработку и подходы к использованию ИИ остается пока не изученным. Между тем, значимость этой проблемы определяется не только растущим влиянием машинного обучения на интеллект интернет-пользователей, но и в связи с разворачивающейся конкуренцией между Китаем, Россией, США и Европой в области создания ИИ. По данным агентства CB Insights, в 2017 г. доля Китая в общемировом финансировании стартапов по разработке ИИ составила 48%. Использование ИИ в системах стратегической безопасности и кибероружия требует учета культурных и психологических особенностей взаимодействия человека с искусственным интеллектом. Если *влияние культурных особенностей обучающих выборок*, а также кросс-культурных различий самих разработчиков и заказчиков ИИ на работу таких систем подтвердится, то возникает еще один вопрос: как эти различия повлияют на взаимодействие между двумя и более конкурирующими системами ИИ?

Развитие систем с использованием искусственного интеллекта окажет влияние не только на когнитивные процессы, но и на целый ряд личностных феноменов: *Я-концепцию, самоотношение и способы самопрезентации, стратегии коутинга, временную перспективу* и др. Например, расширятся возможности для *конструирования своей идентичности и целенаправленного управления самопрезентацией*. Развитие интернета вещей, персональных помощников и возможностей для тонкой настройки окружающего личность цифрового мира при помощи самообучающихся алгоритмов приведет к формированию *расширенного образа Я*, включающего в себя более отчетливое представление о том, как нас воспринимают окружающие, каково наше физическое и эмоциональное состояние. При этом уже сегодня у пользователей социальных сетей появляется возможность в режиме реального времени *сравнивать себя с другими людьми по гораздо большему числу физических, психологических и со-*

циальных *параметров*. Появится больше оснований для чувства депривации и несправедливости. Создание различных социальных рейтингов на основе обрабатываемых алгоритмами цифровых следов может привести как к обострению чувствительности к социальному сравнению, так и к десенсбилизации, безразличию, особенно если сравнение оказывается не в нашу пользу. Требуются специальные исследования того, как эти изменения скажутся на первичной и вторичной социализации личности.

Возможность анализа цифровых следов личности, накопленных за десятилетия, с помощью ИИ *расширит временную перспективу в прошлое и будущее*. Эффекты автобиографической памяти, искажения при прогнозировании человеком своих эмоциональных реакций и поступков, эффект дисконтирования будущего – все это будет корректироваться ИИ на основе нашего реального поведения в прошлом, а также больших данных о поведении других людей. Последствия этих изменений для личности уже сегодня можно моделировать на основе лабораторных экспериментов и анализа Big Data.

Однако искусственный интеллект как инструмент повышения осознанности будет востребован далеко не всеми. Более вероятен спрос на те его функции, которые связаны с *когнитивным упрощением действительности*. Развитие цифровых технологий, в том числе полномасштабное внедрение машинного обучения в повседневную жизнь, углубляет *культурный разрыв между теми, кто готов к неопределенности и выбору, и теми, кто стремится избежать необходимости что-либо выбирать*. Искусственный интеллект дает возможность личности переложить ответственность за свои действия на обезличенный алгоритм и его разработчиков. Это уже происходит в сфере таргетированной интернет-рекламы и новостей, где персонализация контента помещает человека в «пузырь» его собственных интересов, отменяя необходимость самостоятельно искать информацию.

Более того, алгоритмы превращаются в *«архитектуру выбора»*, подталкивающую нас к решениям, которые должны повысить качество нашей жизни (Талер, Санстейн, 2017). Даже если в основе такого цифрового патернализма будут либеральные ценности, – что кажется маловероятным в культурах с вертикальным коллективизмом, – использование алгоритмов, корректирующих несовершенство человеческой природы ради благих целей, может способствовать *снижению осознанности и рефлексивности общества*.

В этой связи нельзя не упомянуть о растущей актуальности исследований, направленных на поиск психологических механизмов, которые делают личность уязвимой в *отношении информационных компаний в социальных медиа, опирающихся на технологии ИИ*. Сегодня специально обученные нейросети позволяют создавать вымышленный видеоконтент, неотличимый от настоящего. Созданные искусственным интеллектом видеодвойники политиков или значимых для конкретного человека людей могут говорить заданные тексты, обращаться с призывами, которых никогда не произнесли бы их реальные прототипы. Стало возможно управление такими видеодвойниками в режиме реального времени (Memes That Kill, 2018). Использование ИИ позволяет перевести информационные войны в полностью автоматизированный режим, когда нейросети сами скачивают метаданные «мишеней» и анализируют их психологический профиль по цифровым следам в поиске уязвимостей, затем генерируют искусственный видеоконтент с учетом этих психологических профилей, организуют армию ботов для его вброса в социальные сети, таргетируют сообщения для тех пользователей, которые с наибольшей вероятностью перешлют эту информацию своим друзьям, а затем проводят автоматизированную оценку разрушительного воздействия информационной кампании на общество страны-противника.

Сегодня вновь приобретают актуальность исследования конформности и подчинения, однако, в роли авторитетного другого будут выступать не экспериментаторы, а киберфизические системы, искусственный интеллект или специалисты по большим данным, психологически бесконечно далекие для обывателя. Чрезвычайно важно изучить, *как все большая «искусственность» управляемой нейросетями повседневной жизни повлияет на фундаментальные психологические феномены* – объяснение человеком своих успехов и неудач, веру в способность влиять на свое будущее, убеждение в справедливости мира, доверие к социальным институтам.

Перечисленные нами проблемы станут обостряться по мере того, как автоматизация будет приводить к потере все большего числа рабочих мест, особенно в массовых профессиях – среди продавцов, водителей и грузчиков, бухгалтеров, юристов, программистов. Потеряв работу из-за внедрения технологий искусственного интеллекта, они все равно будут вынуждены этими технологиями пользоваться. *Какие требования будут предъявлять к искусственному интеллекту люди, вынужденные менять профессиональную идентичность?* Каковы социально-психологические

последствия появления в обществе большого количества «лишних людей»?

Целый ряд важных направлений исследований можно выделить в связи с влиянием ИИ на *межличностные отношения и социальные группы*. Применение машинного обучения уже сегодня влияет на формирование персонального социального капитала и межличностное сравнение в социальных сетях, подсказывая нам людей, похожих на нас. Как повлияют персональные помощники на процессы каузальной атрибуции? Будем ли мы по-прежнему более склонны объяснять поведение других людей их личностными качествами, а не обстоятельствами? Внимание исследователей сосредоточено на том, как люди взаимодействуют в мультиагентных человеко-машинных системах, в том числе с социальными роботами. Особенно перспективными в этом направлении представляются модели «межличностного» восприятия роботов (Kotov, 2017), а также исследования психологии взаимодействия людей с роевым интеллектом (Карпов, 2018). Вместе с тем, недостаточно внимания уделяется тому, какое влияние слабый (специализированный) искусственный интеллект в качестве интеллектуального агента может оказывать на групповую динамику, как он участвует в групповой рефлексии, формировании ситуативной осознанности и ментальных моделей. Прежде всего это касается использования *машинного обучения в системах поддержки группового принятия решений*. Примером могут служить нейросети, которые по обмену сообщениями в корпоративных чатах дают не только оценку эмоционального состояния и лояльности участников той или иной команды, но и прогноз эффективности проектных групп. Как рекомендации основанных на ИИ экспертных систем будут влиять на принятие кадровых решений, ролевые ожидания участников, межличностное восприятие и внутригрупповое доверие? В каких случаях совместного принятия решений такая система должна быть наделена чертами виртуальной личности, действовать как «член команды», а в каких – полностью обезличена?

Развитие ИИ тесно связано с рынком больших данных, с *борьбой за доступ к обучающим выборкам*. Создание совместных баз данных, а также открытых платформ для обучения нейросетей типа Azure, требует разработки социально-психологических технологий формирования не только межличностного, но и межгруппового доверия. Новый импульс получают исследования межгрупповых отношений в цифровой экономике,

доверия клиентов к организациям, совместимости разных корпоративных культур обращения с ИИ.

Отдельной и крайне мало изученной областью является *социальная психология разработчиков ИИ и робототехников* (Голиков, 2018). Усложнение технологий приводит не к ослаблению, а к усилению роли человеческого фактора как причины крупных катастроф. Как психологические характеристики команды разработчиков влияют на создаваемые ими нейросети? Как групповая рефлексивность, коллективные эмоциональные состояния и способы разрешения конфликтов с заинтересованными сторонами проекта влияют на способность разработчиков вовремя обнаружить ошибки и оценить последствия некорректной работы алгоритма? Как в среде специалистов по большим данным и робототехников формируются нравственные нормы и представления о конечных пользователях? Как эти нормы и представления влияют на создаваемые ими алгоритмы?

Совершенно очевидно, что использование нейросетей в финансовых операциях и кредитном скоринге, рекламе, формировании новостного контента, работе государственных служб и системе здравоохранения открывает новую страницу для *юридической психологии*. С одной стороны, все более актуальными становятся исследования социально-психологической специфики киберпреступлений с использованием машинного обучения, а также готовности граждан обращаться к услугам хакеров для взлома или обхода значимых для них алгоритмов. Анализ Big Data открывает здесь новые возможности не только для участников теневой экономики, но и для психологов, их изучающих. С другой стороны, важно разобраться в том, как применение искусственного интеллекта повлияет на правовое сознание молодежи, на стратегии оправдания теневого поведения и экстремизма. Кроме того, появление общедоступных алгоритмов в сфере обработки обращений граждан и юридического консультирования может изменить способы мобилизации права в российском обществе. Наконец, специального изучения требуют психологические проблемы, которые возникают у работников органов защиты правопорядка при внедрении различных автоматизированных систем выявления и прогнозирования преступлений в условиях дефицита ресурсов для борьбы с этими правонарушениями.

Библиографический список

1. *Голиков Ю.Я.* Неопределенность и риски традиционных и новых областей высоких технологий и актуальные психологические проблемы их развития // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики: Сб. научных трудов. Вып. 8 / Под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 11–29.
2. *Карпов В.Э.* От роевой робототехники к социуму роботов // Искусственный интеллект: проблемы и пути решения – 2018: Материалы конференции. М., 2018. С. 122–130.
3. *Нестик Т.А.* Социально-психологические аспекты отношения человека к новым технологиям // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики: Сб. научных трудов. Вып. 8 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 50–73.
4. Роботизация работы: возможность или опасность? // ВЦИОМ. № 3538. 4 декабря 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116605> (дата обращения: 05.01.2018).
5. *Талер Р., Санстейн К.* Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
6. *Knight W.* The Dark Secret at the Heart of AI // MIT Technology Review. 11 April 2017. URL: <https://www.technologyreview.com/s/604087/the-dark-secret-at-the-heart-of-ai/> (дата обращения: 07.01.2018).
7. *Kotov A.* A computational model of consciousness for artificial emotional agents // Psychology in Russia: State of the Art. 2017. V. 10. N. 3. P. 57–73.
8. Memes That Kill: The Future of Information Warfare // CBInsights Research Briefs. 3 May 2018. URL: <https://www.cbinsights.com/research/future-of-information-warfare> (дата обращения: 07.01.2018).
9. *Parlett N., Foyster R., Ho P.* Will robots really steal our jobs? An international analysis of the potential long term impact of automation. PwC, 2018. URL: https://www.pwc.com/hu/hu/kiadvanyok/assets/pdf/impact_of_automation_on_jobs.pdf (дата обращения: 05.05.2018).

10. *Turchin A., Denkenberger D.* Classification of global catastrophic risks connected with artificial intelligence // *ИИ & Society*. 2018. P. 1–17. URL: <https://doi.org/10.1007/s00146-018-0845-5> (дата обращения: 05.01.2018).

**Introduction of artificial intelligence technologies into everyday life:
perspectives of psychological research**

Nestik T.A.,
Institute of Psychology RAS, Moscow

Abstract. The article discusses the problems posed by the introduction of technologies of "weak" or specialized, artificial intelligence in everyday life for psychological science and practice. Attention is drawn to the study of the implications of using algorithms for cognitive and emotional development, the impact of cultural differences on the development and approaches to the use of AI; the possibilities opened by the AI for increasing awareness and mindfulness, for constructing identity, self-image and temporal perspective, for impression management; the influence of the world programmability on causal attribution processes and trust in social institutions; the implications of machine learning in group decision support systems; the impact of AI on the legal consciousness and legal mobilization. The psychological problems associated with the emergence of "redundant people" who have lost their jobs during the automation process are recognized as particularly acute. The author draws attention to the likelihood of reduced awareness and reflexivity of society under the influence of the digital "choice architecture", as well as the widening of the cultural gap between those who are ready for uncertainty and choice, and those who are trying to avoid having to choose something, shifting the responsibility to algorithms.

Keywords: artificial intelligence, machine learning, awareness, group decision making, causal attribution, social trust, tolerance for uncertainty, choice architecture.

Ложные подсказки и троянское обучение: цифровая перспектива*

Поддьяков А.Н.,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»;

Институт психологии РАН,

г. Москва

Аннотация. Дается краткий обзор некоторых исследований дачи ложных подсказок и троянского обучения (обучения со скрытыми, не декларируемыми целями тому, о чем не подозревает обучаемый). Предлагается рабочая классификация, позволяющая различать ситуации ложных подсказок и троянского обучения, в разной степени связанные с речевой деятельностью как одной из важнейших для человека. С целью объединения исследовательского поля, отталкиваясь от аналогии с исследуемыми в настоящее время «отравляющими атаками» на системы машинного обучения, можно интерпретировать ложные подсказки и троянское обучение как «отравляющую атаку на семантическую сеть». Рассматриваются возможные аспекты проблемы, связанные с подавлением вербальной креативности и исполнения. В заключение ставится вопрос о динамике представленности нарративов о ложных подсказках (обучении со злым умыслом) в различные периоды и в различных обществах, в том числе цифровом.

Ключевые слова: троянское обучение, отравляющая атака, вербальная креативность, семантическая сеть, нарратив угрозы.

В театральной среде рассказываются истории о розыгрышах, когда актера более опытные партнеры предостерегают перед выходом на сцену: «Ты там не скажи ... вместо ...» (за «не скажи» идет неправильное слово или смешно переиначенная реплика). И именно то, от чего якобы отговаривали, на сцене закономерно и произносится – на радость советчику и залу. Другой вариант – неправильная подсказка от суфлера, решившего, например, проучить зазнавшегося актера или актрису. Эти истории – часть более широкого пласта нарративов, восходящих к таким общекультурным формам накопления и передачи социального опыта, как народные сказки. В них нередко представлены ситуации, когда одни

* Исследование поддержано РФФИ, проект 18-29-03167.

персонажи учат других тому, что для последних невыгодно или опасно: Баба-Яга учит Иванушку садиться на лопату, чтобы засунуть его в печь; лиса учит волка ловить рыбу на собственный хвост в проруби, в результате хвост примерзает, и волк его лишается; Братец Кролик учит Братца Лиса, как вести себя тому, кто хочет правдоподобно изобразить покойника при появлении друзей, и т. д.

Ложные наводки и подсказки, акты «троянского» (обманного) обучения стали объектом научного изучения (Лефевр, 1973; Поддьяков, 2006, 2011; Kline, 2015; Rhodes et al., 2015).

В.А. Лефевр в своей теории конфликтующих структур и рефлексивного управления ввел понятие «формирование доктрины противника посредством его обучения». Одно из проявлений такого обучения на материале спорта состоит в том, что «футболист-нападающий систематически сознательно "попадает" на определенное действие одного из защитников. В результате защитник закрепляет данное действие как стандарт противодействия данному нападающему, что и используется нападающим в решающий момент» (Лефевр, 1973, с. 51).

Понятие «троянское обучение» (обучение со скрытыми, не декларируемыми целями тому, о чем не подозревает обучаемый) пересекается с понятием «формирование доктрины противника посредством его обучения», но не совпадает с ним (Поддьяков, 2011). Не всякое формирование доктрины противника посредством его обучения является скрытым троянским обучением. Например, в случае убежденности субъекта в своем явном превосходстве и в будущем проигрыше соперника он может предъявить ему свою и его доктрину для сопоставления в явном виде, не таясь, без скрытых манипуляций, в расчете на здравый смысл противостоящего субъекта. Также есть троянское обучение «с добрым умыслом», рассматривающее другого субъекта не как противника, а как не вполне разумного подопечного, которому из лучших побуждений стремятся помочь – например, вводя содержание, которому ученик не хочет обучаться, в особо привлекательной оболочке, и именно она выглядит для ученика главной составляющей (Boyle, 2001; White, 2004). При этом психологическая манипуляция и обучение тому, о чем не догадывается обучаемый, есть в ситуациях троянского обучения обоих типов – и со злым, и с добрым умыслом.

Мы провели теоретический анализ явления троянского обучения и серию эмпирических исследований с участием людей разного возраста (Поддьяков, 2006, 2011). Так, дошкольникам описывалась сказочная си-

туация, в которой злые гиены решили поохотиться на беззащитных птенчиков, а храбрый львенок Симба решил их спасти. При этом и гиенам, и львенку для реализации их жестоких или же гуманных замыслов не хватает владения некоторыми знаниями и умениями. Ребенку задавались вопросы, надо ли учить гиен (или львенка) правильному или неправильному птичьему языку, учить ли их хорошо лазать по деревьям и т.д. Абсолютное большинство детей 5–6 лет давали ответы о необходимости правильного, эффективного обучения львенка и обманного обучения гиен. Это вполне согласуется с житейскими наблюдениями – на вопрос актера, играющего в спектакле волка, о том, куда убежали зайцы, дети отвечают так, чтобы обмануть его. Но в нашем эксперименте речь шла не просто об указании неправильного направления, а о некотором базовом понимании ребенком, что такое обучение, и понимании различных последствий правильного и обманного обучения в разных областях (Поддьяков, 2006).

В аппаратном эксперименте M. Rhodes с коллегами показано, что дошкольники могут учить другого правильно, а могут, обманывая – создавая условия, чтобы другой сделал неправильные выводы из представленной ему информации. А именно, дети демонстрировали кукле работу технической игрушки на релевантных примерах, если взрослый просил ребенка показать кукле такие примеры, из которых можно узнать правило работы этой игрушки. Если же взрослый просил ребенка подшутить над куклой и запутать ее так, чтобы она пришла к неправильному заключению о работе устройства, дети подыскивали и показывали кукле нерелевантные примеры, провоцирующие ошибочный вывод (Rhodes et al., 2015). Задача требовала понимания логики работы устройства, умения строить умозаключения, а также социального интеллекта (встать на позицию другого, понять, из какой информации какие выводы он может сделать, и суметь обмануть его).

М. Клайн, ссылаясь на С.М. Камакау, пишет, что на Гавайях, где между жителями-рыбаками была очень высока конкуренция за рыбные ресурсы, дети должны были быть «скептическими учениками», поскольку имелся значимый риск стать жертвой обмана. Она также ставит более общую проблему «скептицизма» учащихся по отношению к информации, получаемой, возможно, от не вполне добросовестного «донора» (Kline, 2015).

Ситуации троянского обучения достаточно распространены в обычной жизни – таково мнение участников опроса – 393 россиян и 279

американцев от 16 до 59 лет. Более 80% респондентов – и россиян, и американцев – ответили, что обучение «со злым умыслом» бывает в реальной жизни и имеет место в школах и университетах. Около половины участников отмечали случаи, когда их учебе мешали из недружественных побуждений, а также пытались проводить по отношению к ним обучение «со злым умыслом». От 9 до 23% респондентов в разных подгруппах (в том числе некоторые профессиональные преподаватели) ответили, что сами проводили такое обучение по отношению к кому-то (Поддьяков, 2011).

В области машинного обучения, где системам искусственного интеллекта необходимы большие массивы обучающих примеров, изучаются возможности хакеров в отношении организации «отравляющих атак» на базы этих примеров (Jagielski et al., 2018). Речь идет о том, чтобы, скрыто подгрузив в базу минимальное количество особым образом подобранных примеров, нарушить процесс эффективного обучения и последующего принятия решений. (Подходящая метафора – минимально необходимая ложечка дегтя для порчи наибольшей бочки меда.) Понятно, что порча, «отравление» совокупности примеров, собранных для обучения распознавания болезни, может иметь серьезные практические следствия. Пока, к счастью, таких прецедентов не было, но превентивное исследование возможностей в этой области ведется – как и разработка контрмер (Там же).

При этом, подчеркнем, здесь пока не идет речь об изменении самой обучаемости системы хакером при атаке. Атакуется, «отравляется» лишь массив предъявляемых примеров. Но теоретически возможны атаки именно на обучаемость – если рассматривать ее как потенциально подверженную влиянию техническую характеристику системы (Поддьяков, 2007).

Далее мы обратимся к пересечению некоторых из обозначенных выше тем. Это возможная модель снижения, подавления вербальной креативности и исполнения путем «отравляющей атаки» на семантическую сеть.

Предложим рабочую классификацию, позволяющую различать ситуации, в разной степени связанные с речевой деятельностью – одной из важнейших для человека. А именно, ложные подсказки («отравляющие атаки», троянское обучение), в разной степени связанные с речевой деятельностью, можно классифицировать по параметрам «мишень – средство влияния» следующим образом.

1. Мишени:

- а) речевая деятельность;
- б) неречевая деятельность.

Критерий различения: используется ли ложная подсказка («отравляющий пример», троянское обучение) для того, чтобы вызвать сбой, неуспех речевой или же другой – неречевой – деятельности.

2. Средства ложной подсказки (троянского обучения):

- а) речевые (вербальные);
- б) невербальные средства (картинка, указательный жест и т. д.).

Тогда в рамках этой рабочей классификации мы получаем 4 класса ситуаций.

1. Мишень – речевая деятельность, средство влияния – речевой, вербальной природы. Примеры в человеческом общении – актерские ложные подсказки, обучение не понимающих «иностранным языкам», нецензурным выражениям под видом благопристойных и пр.

2. Мишень – речевая деятельность, средство влияния – невербальные наводки, указания (например, указательный жест не на то место в учебнике, которое надо читать, а на другое, для соученика при опросе учительницей).

3. Мишень – неречевая деятельность, средство влияния – речевая деятельность (пример – вербальная инструкция новичку, как сделать что-то технологически неправильное, чтобы подшутить или же скомпрометировать, устранить потенциального конкурента).

4. Мишень – неречевая деятельность, средство влияния – невербальные наводки, указания (например, указательный жест, провоцирующий неправильное действие).

В предлагаемых терминах, ложные подсказки, «вредные советы» актеру («Ты там не скажи ... вместо ...») – это «отравляющая атака» на его семантическую сеть. То, от чего якобы предостерегают, становится «отравляющим», «заякоривающим», закрывающим всё остальное примером с неадекватно большим весом в семантической сети. Настолько большим, что произнесение на сцене озвученного до этого «шутником» неправильного варианта становится очень вероятным. При этом в живом общении людей огромное значение имеют и личные коммуникативные способности «подсказчика», включая невербальную составляющую, а также подверженность выбранной жертвы психологическому влиянию (вообще или только влиянию данного человека, в данных обстоятельствах).

При моделировании отравляющей атаки на виртуальную семантическую сеть речь может идти о влиянии посредством изменения весов узлов и связей. Напрашивающаяся грубая метафора – «дебилизация» сети в отношении возможностей поиска на ней интеллектуальных и креативных решений. Но, теоретически рассуждая, «отравляющая атака» может быть направлена и на неадекватное повышение креативности. Если семантическая сеть, поддерживающая разработку креативных рекламных слоганов, в результате хакерской атаки начнет выдавать чересчур креативные и потому «дико выглядящие», непонятные для большинства целевой аудитории слоганы, эту атаку тоже можно считать «отравляющей» – интеллектуальная система сильно отклонилась от требуемого оптимума решений.

Анализируя динамику представленности нарративов о ложных подсказках (обучении со злым умыслом) в различные периоды и в различных обществах можно оценить воспринимаемую важность (опасность) этих явлений в общественном сознании. В том числе, представляет интерес вопрос, претерпит ли эта динамика изменения в «цифровом обществе», где идея троянского обучения (в виде отравляющих атак на системы машинного обучения) органично встраивается в представления о нарастающих возможностях взлома всего и вся – и, вероятно, укрепляет эти представления. Или же динамика представлений не изменится, а просто в массив сюжетов о ложных подсказках и обучении со злым умыслом будет добавлено еще несколько подтипов, что на настоящий момент тоже можно считать вероятным.

Библиографический список

1. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973.
2. *Поддьяков А.Н.* Противодействие обучению конкурентов и троянское обучение в информационных технологиях // 1-ая Международная конференция по бизнес-информатике: Труды международной научно-практической конференции, 9–11 октября 2007 г. Звенигород, 2007. С. 261–269.
3. *Поддьяков А.Н.* Психология конкуренции в обучении. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
4. *Поддьяков А.Н.* Троянское обучение в экономическом сознании и поведении // Культура и экономическое поведение / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 421–444.

5. *Boyle M.* The Computer as a Trojan horse // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2001. Vol. 17. P. 251–262.
6. Controlling the message: preschoolers' use of information to teach and deceive others / *Rhodes M., Bonawitz E., Shafto P.* et al. // *Frontiers in Psychology*. 2015. № 6. P. 867.
7. *Kline M.* How to learn about teaching: an evolutionary framework for the study of teaching behavior in humans and other animals // *Behavioral and Brain Sciences*. 2015. Vol. 38. P. 31.
8. Manipulating machine learning: poisoning attacks and countermeasures for regression learning / *Jagielski M., Oprea A., Biggio B.* et al. URL: <https://arxiv.org/abs/1804.00308> (дата обращения: 06.02.2018).
9. *White A.L.* The pedagogical Trojan horse: handheld technologies in the secondary mathematics classroom // *Proceedings of the 2nd National Conference on Graphing Calculators*. October 4–6, 2004. P. 105–112.

Poisoning attacks on machine learning and semantic networks: a version of a threat narrative in digital society

Poddiakov A.,
National Research University Higher School of Economics,
Institute of Psychology RAS, Moscow

Abstract. A brief review of studies of false tips and “Trojan horse” teaching is presented. A classification giving opportunity to distinguish between situations of false tips (“Trojan horse” teaching) differing in their relations to verbal activity is described. Based on an analogy with “poisoning attacks on machine learning”, one can interpret some verbal false tips and “Trojan horse” teaching as “poisoning attacks on a semantic network”. Various aspects of inhibition of verbal creativity and performance are considered. An issue of dynamics of narratives of false tips and teaching “with evil intent” in various periods and various societies including digital one is introduced.

Keywords: “Trojan horse” teaching, poisoning attack, verbal creativity, semantic network, threat narrative.

Основные проблемы психологии компьютерной игры

Богачева Н.В.,

Первый Московский государственный
медицинский университет имени И.М. Сеченова
(Сеченовский университет),
г. Москва

Аннотация. В статье приводится краткий обзор актуального состояния основных проблем современной киберпсихологии компьютерной игры и подчеркивается противоречивый статус данного предмета исследования. В настоящее время в изучении компьютерной игровой деятельности наметились изменения, в частности: получила официальное признание ВОЗ зависимость от компьютерных игр; нейropsychологические исследования отчасти опровергли распространенные данные о влиянии игрового насилия на жесткость и снижение эмпатии у компьютерных игроков в реальной жизни, также критике подвергаются и исследования развивающих возможностей компьютерной игровой деятельности. Текущий уровень развития науки не позволяет сделать однозначные выводы о том, являются ли компьютерные игры фактором риска или источником развития, а дальнейшее развитие этой проблематики возможно в том числе с опорой на объяснительные принципы отечественной психологии.

Ключевые слова: компьютерная игра, геймеры, зависимость от видеоигр, компьютерные игры и агрессия, когнитивные функции.

Компьютеры и интернет играют важную роль в повседневной жизни современного человека, проникают во все сферы деятельности и радикально их преобразуют. При этом, однако, необходимо помнить, что информационные технологии выступают новым орудием выполнения тех или иных действий, но именно человек формирует содержание интернета, социальных сетей, компьютерных игр и т. д. Включенность в деятельность, опосредствованную информационными технологиями, однако, также может влиять на психику и личность человека, что формирует потребность в ее психологическом осмыслении и задает повестку для такой отрасли психологии как киберпсихология. А.Е. Войскунский определяет ее как «отрасль психологии, объединяющую (и отвечающую за) методологию, теорию и практику исследования видов, способов и принципов применения людьми социальных сервисов Интернета» (Войскунский,

2013, с. 88) и указывает на ее тесную взаимосвязь с другими направлениями психологии. В свою очередь, представления, сформулированные в других областях психологии, могут (и должны) выступать как объяснительные принципы того, как деятельность в виртуальном пространстве соотносится с реальностью и влияет на психику человека. В отечественной психологии таким объяснительным принципом может служить теория знакового опосредствования Л.С. Выготского, позволяющая рассматривать компьютеры как систему знаков, преобразующую человеческую деятельность, личность и психические процессы. Освоение и использование технологий подразумевает, что устоявшиеся формы деятельности начинают реализовываться с помощью новых средств (Войскунский, 2013). Так, игровая деятельность ребенка на компьютере отличается от игры с игрушками; общение в интернете имеет иное строение, чем лицом к лицу и т. д. Наряду с развитием психологических функций, переопосредствование и усложнение деятельности за счет введения новых знаковых систем может вести к формированию психологической специфики, которую необходимо учитывать, особенно учитывая ранее знакомство с компьютерами нового поколения пользователей.

Игровая деятельность, опосредствованная компьютерами и интернетом, является одним из предметов киберпсихологического исследования, вызывающим, вероятно, наибольшее количество споров и противоречий. К настоящему времени видеоигры стали одной из популярнейших форм досуга среди детей и взрослых: по данным статистики, в компьютерные игры активно играют более 60% американцев¹ и более 30% россиян², среди детей и подростков процент увлеченных игроков в компьютерные игры (т.н. «геймеров») составляет более 90% в США³ и более 70% в нашей стране⁴, а самый ранний возраст игры в видеоигры, учитываемый опросами, составляет 2 года. Психологические исследования показывают разнообразие (и зачастую – противоречивость) воздействия, которое

¹ Essential Facts. About the computer and video game industry. URL: http://www.theesa.com/wp-content/uploads/2018/05/EF2018_FINAL.pdf (дата обращения: 30.09.2018).

² RBK. Money. Рынок онлайн-игр в России. Геймеры в России. Типичный геймер. URL: http://www.gamer.ru/system/attached_images/images/000/667/182/original/layout_infographic_fromgd_cbooklet_rus.jpg (дата обращения: 30.09.2018).

³ 91 percent of kids are gamers, research says. URL: <https://www.cnet.com/news/91-percent-of-kids-are-gamers-research-says> (дата обращения: 30.09.2018).

⁴ Вести.ru. Игровые предпочтения самых маленьких геймеров. Результаты исследования института современных медиа (momri). URL: <http://momri.org/2016/newsaboutmomri/vesti-ru-igrovyje-predpochtenija-samyh-malenkih-gejmerov-rezultaty-issledovaniya-instituta-sovremennyh-media-momri/> (дата обращения 30.09.2018).

компьютерные игры оказывают (либо, вопреки ожиданиям и теоретическим предпосылкам, не оказывают) на психику детей и взрослых (Богачева, 2017). Анализ основных направлений и результатов изучения игроков в компьютерные игры предпринимался и ранее, однако высокая скорость развития новых технологий, и новые данные исследований, в том числе – нейропсихологических, а также изменения в официальном статусе некоторых проблемных областей киберпсихологии игры требуют повторного обращения к данной проблематике.

Так, в этом году зависимость от компьютерных игр впервые получила официальное признание ВОЗ и вошла в МКБ-11⁵. Ранее зависимость от компьютерных игр зачастую рассматривалась как частная форма интернет-зависимости, а высокая мотивационная привлекательность и снижение контроля за игровым поведением зачастую связывалось только с компьютерными играми, опосредствованными интернетом, но не играми один на один с компьютером (Griffiths, 2009). Актуальная трактовка зависимости от компьютерных игр подразумевает возможность ее формирования в связи с играми любого типа, а диагностическими критериями выступают нарушение контроля за собственным игровым поведением, повышение приоритета игры по сравнению с другими формами деятельности, а также продолжение игры даже после наступления негативных последствий. *Таким образом, проблема статуса компьютерной игровой зависимости как психологического заболевания получила свое решение, однако в этой связи актуальность приобретает проблема ее диагностики* (большинство используемых в настоящее время методик направлены на диагностику интернет-зависимости, напр. Мальгин и др., 2011).

Наряду с риском развития зависимого поведения, часто рассматривается и проблема связи жестоких компьютерных игр с агрессией в реальной жизни. Резолюция⁶ Американской психологической ассоциации гласит, что агрессивные компьютерные игры ведут к появлению агрессивных мыслей, чувств и поведения у детей, подростков и взрослых. Исследования научной группы К. Андерсона показывают не только развитие у предпочитающих жестокие игры геймеров толерантного отношения к жесткости, появление враждебных мыслей, снижение эмпатии и альтруизма, но также рост импульсивности, снижение саморегуляции, ухудше-

⁵ ICD-11. International Classification of Diseases 11th Revision. The global standard for diagnostic health information. URL: <https://icd.who.int/> (дата обращения: 30.09.2018).

⁶ Resolution on Violent Video Games. URL: <http://www.apa.org/about/policy/violent-video-games.aspx> (дата обращения: 30.09.2018).

ние школьной успеваемости (Gentile et al., 2012). Связи игр и агрессии рассматриваются авторами как двусторонние и ведущие как к кратковременным, так и долгосрочным изменениям. В то же время, фМРТ исследования показывают, что для уровня активности зон головного мозга, связанных с эмпатией, отсутствуют долгосрочные эффекты от игры в жестокие компьютерные игры (Kühn et al., 2011). Ряд авторов также указывают на низкую экологическую валидность исследования группы К. Андерсона, недоучет средовых и социальных факторов и психологических особенностей геймеров. Так, без внимания остается повышенная агрессивность мальчиков-подростков, обусловленная гормональными изменениями, а также достаточный уровень осознанности и понимания того, что каковы последствия переноса игровых действий в реальность. При такой трактовке, жестокие игры, напротив, могут способствовать фактическому снижению агрессивного поведения за счет перенаправления импульсов в социально приемлемое русло (Olson, Kutner, 2015). Также, такие негативные последствия жестоких игр, как снижение контроля и саморегуляции, успеваемости могут быть признаками игровой зависимости, а не прямым следствием игрового насилия. *Таким образом, несмотря на устоявшиеся представления о связи жестоких компьютерных игр с агрессивным поведением геймеров, эта проблема, по всей видимости, более многогранна и нуждается в дальнейшем изучении.*

Более 70% родителей в России рассматривают компьютерные игры как источник негативных последствий для детей. Аналогичный процент родителей в США, напротив, ссылаются на развивающий характер компьютерных игр. Практически не вызывают критики исследования роста пространственных способностей у геймеров, при этом наибольший развивающий эффект показан для игроков с более низкими начальными показателями пространственного мышления (это относится и к межполовым различиям) (Greenfield, 2009). Эмпирические данные свидетельствуют и о том, что геймеры превосходят не играющих в компьютерные игры людей по большинству показателей зрительного внимания, менее подвержены эффекту мигания внимания, обладают большим объемом рабочей памяти, быстрее, но также точно решают зрительные задачи на принятие решений в ситуации неопределенности, лучше справляются с задачами на переключение (Bavelier et al., 2011). Данные исследования, однако, не всегда воспроизводятся другим исследовательским группам, что ставит под сомнение прямую связь между продуктивностью компьютерных игроков в задачах на зрительное внимание и рабочую память с их опытом игры в

компьютерные игры⁷. Так, большую роль в высокой продуктивности геймеров в задачах такого типа могут играть факторы мотивации или предрасположенность людей с развитым зрительным вниманием к увлечению видеоиграми. Неоднозначно трактуется и способность игроков к переключению между задачами и мультитаскингу (многозадачности): с одной стороны, быстрое переключение требует развитого когнитивного контроля, гибкости и селективности внимания, большого объема рабочей памяти. С другой, многозадачность связывают с отвлекаемостью и снижением глубины переработки информации (Greenfield, 2009). Неоднозначен и вклад компьютерной игровой деятельности в развитие мышления: наряду с возможностью развития стратегического и логического мышления за счет выявления игровых правил и закономерностей, большой объем информации, получаемый с помощью информационных технологий потенциально снижает рефлексивность (Greenfield, 2009), ведет к неравномерному развитию образного и понятийно-логического мышления. К неоднозначным результатам приводят и попытки создания обучающих игр и компьютерных программ для детей и взрослых. *Таким образом, проблема когнитивного развития в компьютерной игре также остается нерешенной в настоящее время. Совершенствование исследовательских процедур и учет большего числа переменных показывают, что связи между вниманием, рабочей памятью, когнитивным контролем и игровым опытом опосредствуются множеством дополнительных факторов, что делает невозможным однозначный вывод о вреде или пользе компьютерных игр для когнитивных функций.*

Заключение: Большинство исследований геймеров и компьютерных игр выполняются в рамках когнитивной психологии, однако теории Л.С. Выготского и О.К. Тихомирова также предоставляют возможности для осмысления психологических последствий информатизации, что в частности, приводит к росту интереса к ним и среди зарубежных авторов (Файола и др., 2016). Так, положения о развитии ВПФ, роль взрослого в формировании зоны ближайшего развития и становлении зрелых форм деятельности позволяют рассматривать компьютеризацию всех сфер жизни с позиции изменения орудийного состава деятельности, а также ограниченную замену взрослого программой (Войскунский, 2013), что неизбежно приведет к дальнейшим психологическим изменениям.

⁷ Replicability of Brain Training / Far-Transfer Effects. URL: <http://psychfiledrawer.org/topics/view.php?t=brain-training--far-transfer-effects-643-763> (дата обращения: 30.09.2018).

Библиографический список

1. *Богачева Н.В.* Проблема установления причинно-следственных связей в киберпсихологии в контексте психологических особенностей игроков в компьютерные игры // Государство и граждане в электронной среде. 2017. № 1. С. 315–327.
2. *Войскунский А.Е.* Киберпсихология как раздел психологической науки и практики // *Universum: Вестник Герценовского университета.* 2013. № 4. С. 88–90.
3. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: Учебное пособие / Сост. *В.Л. Малыгин и др.* М.: МГМСУ, 2011.
4. *Файола Э., Войскунский А.Е., Богачев Н.В.* Человек дополненный: становление киберсознания // *Вопросы философии.* 2016. № 3. С. 147–162.
5. *Bavelier D. et al.* Brains on video games // *Nature Reviews Neuroscience.* 2011. Vol. 12. P. 763–768.
6. *Gentile D.A. et al.* Video game playing, attention problems, and impulsiveness: evidence of bidirectional causality // *Psychology of Popular Media Culture.* 2012. № 1. P. 62–70.
7. *Greenfield P.M.* Technology and Informal Education: What Is Taught, What Is Learned // *Science.* 2009. Vol. 323. P. 69–714.
8. *Griffiths M.* Online computer gaming: Advice for parents and teachers // *Education and Health.* 2009. Vol. 27. № 1. P. 3–6.
9. *Kühn S. et al.* The neural basis of video gaming // *Translational Psychiatry.* 2011. Vol. 1. URL: <http://www.nature.com/tp/journal/v1/n11/full/tp201153a.html> (дата обращения: 30.09.2018).
10. *Olson C.K., Kutner L.* Viewpoints and flashpoints in the study of video game violence and aggression // *Психология: Журнал Высшей школы экономики.* 2015. Т. 12. № 1. С. 13–28.

Video game psychology: the main problems and solution perspectives

Bogacheva N.V.,
I.M. Sechenov First Moscow State Medical University
(Sechenov University), Moscow

Abstract. The article gives a brief overview of the current state of the main problems of modern video games cyberpsychology and emphasizes the

contradictory status of this research subject. Currently, the study of video gaming has evolved, in particular: WHO officially recognized video game addiction; neuropsychological studies partially refuted the widespread ideas on the impact of video game violence on the rigidity and the reduction of empathy in computer gamers in real life. The studies of the developing capabilities of video games are also criticized. The current level of scientific development does not allow making unambiguous conclusions about whether computer video games are a risk factor or a source of development, and further research of this problem is possible, including the support by the explanatory principles of Soviet & Russian psychology.

Keywords: video games, computer gamers, video game addiction, computer games & aggression, cognitive functions.

Трансформации идентичности в информационной культуре*

Гусельцева М.С.,
Психологический институт РАО, г. Москва

Аннотация. Современность и происходящие в ней изменения являются сферой трансдисциплинарного познания. В психологических исследованиях идентичности важны контексты глобализации, транзитивности, виртуальности, а также микширование тенденций и появление новых системных качеств. В изучении информационной культуры произошел переход от анализа общих характеристик к дифференциации слоев; появились разновидности информационной грамотности: компьютерная, цифровая, коммуникативная, сетевая (нетикет), медиаграмотность; меняются коммуникативные стратегии и нормы. В качестве устойчивых трендов представлены самоорганизация сетевых сообществ, персонализация, вариативность цифрового поведения. Посредством интерактивности, персонификации цифровой среды, творчества новых культурных практик и норм развивается субъектность. Неочевидным последствием информатизации культуры становится тот факт, что цифровая среда латентно влияет на всех, даже на тех, кто не пользуется электронной почтой, смартфоном и компьютером.

* Исследование выполнено по гранту РФФИ № 17-06-00077-ОГН «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

Ключевые слова: методология, информационная культура, цифровая среда, идентичность, транзитивность, виртуальность, современность.

Новые вызовы современности. Современность как предмет изучения является областью трансдисциплинарного познания: представители разных наук описывают ее особенности, выделяют ведущие тенденции. В психологических исследованиях современность предстает в аспектах глобализации, транзитивности, виртуальности и обусловленной этими процессами трансформации идентичности.

С позиции анализа информационной культуры глобализация рассматривается как интеграция пространства посредством коммуникации и микширования, где транснациональные процессы усиливают персонализацию и стилистическое разнообразие повседневности. Транзитивность обсуждается как изменчивость и неопределенность; текучесть обновления, ставшая естественным фоном жизни подрастающих поколений (Марцинковская, 2018). Под виртуальностью понимается цифровая среда (the digital), где исследователи фиксируют динамику виртуальности и реальности, возникновение смешанного пространства (Мороз, 2018). Методологической проблемой изучения трансформации идентичности в информационной культуре становится наблюдение и описание происходящих перемен как в глобальных, так и локальных, неочевидных аспектах.

В ретроспективе минувшего десятилетия не только изменились представления о глобализации, транзитивности и виртуальности, но и возникли «археологические» слои информационной культуры. В выступающей прежде как целостность цифровой среде (the digital) можно отследить ее трансформации, этапы, выделить качественные пласты. Отметим коммуникативное разнообразие и неоднородность информатизации социального пространства, где представлены субъекты как пользующиеся сотовым телефоном исключительно как телефоном, так и настаивающие на «конце телефонной культуры» ("telephone culture is disappearing"); сосуществуют и частично пересекаются сообщества «ЖЖ», «Одноклассники», «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter», «WhatsApp», «Telegram», «Instagram» и т. п. По данным Brand Analytics основным источником информации для школьников выступает «YouTube», наращивающий охват и среди других групп. Мобильность является ведущим трендом интернета, а оптимальным устройством про-

изводства разноформатного пользовательского контента устойчиво остается смартфон. «Telegram» захватил пространство медийной и форумной коммуникации, где широко представлены СМИ и блогеры, публичные чаты и целевые группы. «WhatsApp» занял нишу «народных бытовых публичных чатов». Во все сети проник story-формат, аккумулирующий «тренды видео, лайфов, мобайла и легкости коммуникации здесь и сейчас». При этом «ЖЖ», демонстрируя неуклонное падение активности на самой площадке, по-прежнему выступает источником информации, потребляемой в социальных медиа за пределами «ЖЖ» (Социальные сети в России, 2017).

Методологические проблемы изучения идентичности в информационной культуре. Проблемой изучения идентичности в информационной культуре является стремительное устаревание полученных данных. Замеры и выводы, касающиеся «коллективного портрета активного пользователя российских социальных сетей», теряют актуальность уже в течение года. По данным мониторинга Simone Philipp Management количество пользователей социальных сетей в России ежегодно увеличивается на 15% (Philipp, 2018). Проблемой выступает текучесть: меняется не только изучаемая реальность, но и представления о ней вынуждены пересматриваться. Изменилась представленность в повседневности виртуального пространства; опровергнуты данные о провоцировании агрессии посредством компьютерных игр, напротив, доказана их роль в снижении подростковой преступности; но при этом возросла доля киберпреступлений. Устойчивыми трендами остаются самоорганизация сетевых сообществ; персонификация цифровой среды; разнообразие стратегий цифрового поведения (Мороз, 2018).

Особенности социализации в цифровом пространстве обусловлены платформой Web.2.0. (понятие, введенное Т. О'Райли). Возникли разновидности информационной грамотности: медиаграмотность (способность критически оценить и верифицировать источники); компьютерная (умение освоить и использовать новые технологии); цифровая (компетенции в цифровой среде); нормативная и коммуникативная (культурные и коммуникативные практики); сетевая (нетикет); собственно информационная (привычка осмысленной работы с информацией); установлено движение от медиаграмотности (Media Literacy) к цифровой грамотности (Digital Literacy) (Belshaw, 2011).

Внимания требуют изменение словаря и изобретение фиксирующих новые реальности терминов; но нередко понятия остаются теми же, а

меняются обозначаемые ими повседневные практики. Информационная культура предстает как реальность, включающая технологии, коммуникативные связи, способы общения, изменение социальных норм и особенностей переработки информации. Математики, социологи, психологи, историки культуры изучают цифровую среду в разных планах анализа. Надстраивающийся над этим трансдисциплинарный подход помогает обобщить и связать разные уровни и типы исследований.

Самоорганизация сетевых сообществ, персонализация среды, новая этика. Черта современности – социальные сети, где совершается взаимопревращение глобальной и локальной коммуникативной среды. Они описываются как «автоматизированный, интерактивный, многопользовательский сервис» для коммуникации субъектов в малых и больших сообществах; основу их составляют ячейки «друзей» и круги «малых связей»; контекст сервиса создается непосредственно участниками сети (Битков, 2012). С психологических позиций социальные сети представлены как «личные контакты между людьми, которые знают друг друга и готовы оказывать друг другу помощь независимо от должностного статуса, места работы и профессии» (Нестик, 2010, с. 24).

В самодеятельности социальных сетей развивается субъектность – через персонализацию коммуникативной среды, избирательность контактов; выборы конфигураций. Акторы учатся расширять когнитивные возможности при помощи сетевого интеллекта. Новая феноменология (транспарентность, «цифровые следы») рождает культуральные практики (например, «цифровые кладбища») и этику. Особенностью цифровой среды являются интерактивность и коммуникативность, перетекание информации в коммуникацию, имеющие следствием усиление субъекта и субъектности в цифровом пространстве (Jenkins, 2006). Понятие Г. Дженкинса «культура участия» (*participatory culture*) показывает сопротивление сети возможностям внешнего воздействия: сообщество устойчиво воспроизводит собственные нормы в ходе самопрограммирования. Субъекты цифровой среды являются активными творцами информационной культуры, стихийно производят новые экономические, политические и культуральные смыслы. Непреднамеренным действием становится трансфер практик и этических норм из *online* в *offline*: то, что в сетевой реальности проявляется как персонализация, в повседневности оказывается запросом на политическое участие.

Цифровая среда способствует не только субъективизации, но и просьюмеризму (*"a prosumer is a person who consumes and produces a*

product" (Toffler, 1980)) – самотворчеству идентичности, жизненного мира, цифровой среды; в движении от потребления к производству субъекты создают контент сетевой реальности. Будучи творцом и актором в сети субъект переносит эту стилистику в повседневность. Просьюмеризм усиливает внутренние локусы контроля в диапазоне от конструирования идентичности до благоустройства жизненного мира и цифровой среды под интересы и потребности. Неочевидным следствием информатизации культуры становится тот факт, что цифровая среда влияет на всех, даже на тех, кто не пользуется электронной почтой, смартфоном и компьютером. Спонтанно выработанные *online*-нормы транслируются в *offline*. На примере трансформацией телефонного этикета можно проследить изменение поведенческих стратегий. Человек, желающий владеть информацией и быть в коммуникативном мейнстриме, вынужден своевременно осваивать новые платформы. О статусе человека (его современности) свидетельствуют его мессенджеры. О.В. Мороз обозначает диверсификацию коммуникативной среды: «Я считаю звонок по мобильному телефону вторжением в личное пространство, а кто-то отказывается писать электронные письма и сообщения...» (Мороз, 2017). Общение по мобильному телефону и *sms*-формат превратилось в археологические слои информационной культуры. Однако они продолжают быть актуальными для многих людей – в силу сформировавшейся привычки, нежелания покидать зоны информационного комфорта. Между тем смена поведенческих норм демонстрирует, что тревоги о том, что глобализация элиминирует различия, а сетевая эпоха покушается на приватность, преждевременны, ибо самоорганизация культуры ответила на эти вызовы. Тренд изменения стратегий коммуникации зафиксировал А. Мадригал: люди не отвечают на телефонные звонки из-за их назойливого вторжения в личное пространство (Madrigal, 2018).

Концепция интеллектуальных сетей Р. Коллинза, согласно которой значимость и продуктивность субъекта определяются положением в коммуникативном пространстве, оказалась верна и для социальных сетей: быть в эпицентре современности – успевать перескакивать на более продвинутые платформы, служащие агрегаторами новостей. Недостаточно мобильный субъект отстает от изменений информационной культуры. «Нужно следить за новинками и понимать, когда коммуникация с помощью какой платформы становится популярной, на какую платформу имеет смысл переходить, если ты хочешь получить максимум контактов, а с чем имеет смысл прощаться. Необходимо понимать, что существует

нетикет, или сетевой этикет, и он различается в разных пространствах. Он отличается в соцсетях (и в каждой отдельно тоже), в микроблогах, в почте, и все эти этикетки еще и меняются – и относительно друг друга, и внутри себя» (Мороз, 2018). Таким образом, современный человек принужден к усилию постоянно учиться, осваивать новые технические возможности и меняющиеся нормы.

Латентные тенденции. Каким образом «культурный софт» и «информационная эстетика» меняют поведенческие стратегии субъекта и его способы восприятия прослеживает Л. Манович, полагая, что посредством новых технологий выявляются невидимые слои современной культуры и тем самым происходит трансформация представлений субъекта о культуре и о собственной субъективности (Manovich, 2008).

Упускаемой из внимания возрастной группой при изучении социальных сетей, согласно Ж. Марш, являются дошкольники и младшие школьники. В ее исследовании 175 детей от 5 до 11 лет посредством игры взаимодействовали с *offline* и *online* пространствами. В виртуальном мире дети конструировали, реконструировали и проявляли (*perform*) свою идентичность, а также взаимодействовали с другими людьми в *online*-форумах. В современной информационной культуре, где социальные сети популярны среди подростков и молодежи, активная деятельность дошкольников и младших школьников в сети не только развивает их коммуникативные навыки и цифровую компетентность, но обучает безопасно перемещаться по интернет-пространству, соблюдать этические нормы, устанавливаемые самим *online*-сообществом (Marsh, 2010). Это понуждает к разработке воспитательных стратегий, усиливающих рефлексивные и критические позиции в отношении аспектов их информационной безопасности, поскольку виртуальное пространство является для современных детей не просто частью *online*-игры, но значимой повседневностью. Ж. Марш призывает не игнорировать *online*-реальности как несущественные и не критиковать как потенциально вредные среды, но изучать их возможности, чтобы определить, какие ресурсы дети получают от жизни в этих мирах и как на основе этого опыта перестраивать обучение и школьное образование (Marsh, 2010).

Цифровую реальность изучают сегодня социологи, психологи, философы, педагоги. Трансдисциплинарный подход позволяет обобщить разнообразие исследований в единой концептуальной рамке.

Библиографический список

1. *Битков Л.А.* Социальные сети как коммуникационная среда // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. № 1 (9). С. 9–13.
2. *Мороз О.В.* Я считаю интернет правом, мои родители – скорее зависимостью // Газета.Ru, 2017. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2017/08/18_a_10837418.shtml (дата обращения: 18.03.2018).
3. *Нестик Т.А.* Интеллектуальные сети: от сетевого индивидуализма к творческому капиталу // Образовательная политика. № 7–8 (45–46). 2010. С. 19–30.
4. Социальные сети в России, лето 2017: цифры и тренды. URL: <http://blog.br-analytics.ru/sotsialnye-seti-v-rossii-leto-2017-tsfiry-i-trendy/> (дата обращения: 18.03.2018).
5. *Belshaw D.A.J.* What is digital literacy? A Pragmatic investigation. A thesis submitted in 2011 to the Department of Education at Durham University for the degree of Doctor of Education. United Kingdom, 2011. URL: <https://dmlcentral.net/wp-content/uploads/files/doug-belshaw-edd-thesis-final.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).
6. *Madrigal A.C.* Why No One Answers Their Phone Anymore: Telephone culture is disappearing // The Atlantic. May 31, 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/05/ring-ring-ring-ring/561545/> (дата обращения: 10.03.2018).
7. *Manovich L.* Software takes command. 2008. URL: <http://faculty.georgetown.edu/irvinem/theory/Manovich-Software-Takes-Command-ebook-2008-excerpt.pdf> (дата обращения: 05.02.2018).
8. *Marsh J.* Young children's play in online virtual worlds // Journal of Early Childhood Research. 2010. Vol. 8. P. 23–39.
9. *Philipp S.* Essential digital, social media and mobile usage data 2018 // Source & pictures: We Are Social, 2018. URL: <http://www.simonphilipp.com/digital-social-media-and-mobile-usage-data-2018/> (дата обращения: 04.02.2018).

Homo digital: transformation of identity in information culture

Guseltseva M.S.,
Psychological Institute of the RAE, Moscow

Abstract. Modernity and its changes are a field of transdisciplinary study. In psychological identity research the processes of globalization, transi-

tivity, virtuality are important. In the study of information culture has taken place a transition from the analysis of general characteristics to the differentiation of layers; there were types of information literacy: computer, digital, communicative, network (netiquette), media literacy, communicative strategies and norms change. Self-organization of networked communities, personalization, variability of digital behavior are presented as trends. Subjectivity develops through interactivity, the personification of the digital, the creation of new cultural practices and norms. A non-obvious consequence of the informatization of culture is the fact that the digital has a latent effect on everyone, even on those who do not use e-mail, a smartphone and a computer.

Keywords: methodology, information culture, the digital, identity, transitivity, modernity.

Психология смешанной реальности цифрового пространства*

Полева Н.С.,
Психологический институт РАО, г. Москва

Аннотация. Транзитивность рассматривается как общее качество офлайн и онлайн реальностей. Тенденция к размыванию жестких границ между офлайн и онлайн, «текучесть» норм и ценностей, их трансформация рассматриваются как влияние фактора транзитивности. Сложное переплетение и взаимопроникновение онлайн и офлайн пространств в повседневной практике человека позволяет говорить о формировании принципиально нового культурного опыта. Это приводит к необходимости перехода от жесткого разделения в исследованиях онлайн и офлайн как разных пространств к пониманию информационной культуры как mixed reality, как единого информационного пространства жизни и деятельности человека.

Ключевые слова: транзитивность, онлайн, офлайн, смешанная реальность.

Информационное пространство, в котором живут, действуют и взаимодействуют люди, не предполагает разделение на онлайн и офлайн.

* Исследование выполнено по гранту РФФИ № 17-06-00077-ОГН «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

Основные психологические составляющие транзитивности (множественность, изменчивость, неопределенность) (Марцинковская, 2018) релевантны для описания и исследований информационного пространства, как реального, так и виртуального.

На этапе появления и распространения интернета исследователи информационной социализации фокусировались главным образом на особенностях протекания процессов в онлайн по сравнению с офлайн. На этом этапе онлайн- и офлайн-реальности жестко разделялись, основываясь на положении о различиях феноменов и поведения людей в разных средах и с помощью разных инструментов коммуникации. При этом виртуальное пространство рассматривалось в основном как рекреационное и компенсаторное, позволяющее человеку реализовать его потребности, которые представлялись ему недоступными или малоэффективными по тем или иным причинам в офлайн. Сегодня интернет и цифровые технологии настолько широко распространены и включены в повседневные практики деятельности и коммуникации человека, что граница между онлайн и офлайн размывается, становясь все более условной. Исследования особенностей коммуникации подростков показали, что вначале использование социальных сетей рассматривалось как дополнение к их непосредственному общению офлайн. С развитием технологий и популярностью мобильного интернета границы общения и коммуникации онлайн и офлайн практически исчезают, и респонденты-подростки затрудняются с их разделением в своих ответах (Поливанова, Королева, 2016). Размывание границ между онлайн и офлайн подтверждаются и исследованиями особенностей конструирования идентичности. Сегодня уже не фиксируется прежнего расхождения между идентичностями онлайн и офлайн, которое было характерно для начального периода распространения социальных сетей (Белинская, Марцинковская, 2018).

Таким образом появляется новая тенденция в исследованиях – рассматривать онлайн и офлайн не как отдельные реальности, или онлайн как еще одной реальности, которая является расширением – дополнением к обычной, а как единое информационное пространство, в котором сложным образом переплетаются и объединяются онлайн и офлайн повседневной жизни человека. Сущность социального и социальности не изменяется с распространением интернета. Люди продолжают общаться друг с другом, образуют сообщества, и цели их взаимодействия онлайн посредством цифровых технологий не отличаются от целей их коммуни-

каций в реальной жизни. Появляется понятие *mixed reality* (смешанной реальности) (Мороз, 2017).

Новая смешанная реальность диктует необходимость усвоения новых норм и правил взаимодействия с ней, а также технологий, с помощью которых возможна реализация этого взаимодействия. Уникальность сегодняшнего момента в том, что ранее таких практик и правил не существовало. Они не только формируются, но и изменяются буквально на наших глазах, что также является одним из проявлений транзитивности. Анонимность, предельная открытость, компенсаторность, рекреационность, возможность реализации альтернативных идентичностей, столь привлекательные для первых пользователей социальных сетей, сменяются ответственным авторским контентом, стремлением к обозначению и соблюдению границ своей приватности и других обитателей Сети, выполнением этических норм и правил экологичного взаимодействия (Мороз, 2017). Возрастает и уровень критичности по отношению к информации и ее источникам (Марцинковская, 2018).

Особенно выпукло эти изменения и трансформации проявляются в практиках повседневной жизни и взаимодействия людей. Еще вчера культура телефонных звонков представлялась нормативной практикой, а уже сегодня звонок многими рассматривается как нарушение приватности и границ личности. На смену культуре «телефонного звонка» приходит культура взаимодействия в различных мессенджерах со своими нормами и языком.

Кроме транзитивности важной характеристикой современной информационной культуры является феномен возрастающей сложности, неоднородности культуры, «неодновременности современности» (Гусельцева, 2017). «Неодновременность современности» проявляется в факторе одновременного сосуществования в одном пространстве – времени современной России – информационной культуры, культуры индустриальной и аграрной архаики. Множественность и вариативность культур, культурная стратификация общества свидетельствуют о том, что общего хронотопа как единой культуры не существует. Такая гетерохронность по отношению друг к другу групповых и индивидуальных хронотопов фиксирует феномен *Digital divide* (цифрового неравенства). Речь идет не только о возможности доступа к интернету и различиях в уровне владения цифровыми технологиями, но и различием в формировании социокультурных практиках повседневной жизни.

Несмотря на наличие доступа к интернету практически у 80% россиян, в 819 из 1112 городов России полностью отсутствуют локальные цифровые услуги. В малых населенных пунктах интернет преимущественно используется для общения, в то время как жители крупных городов, помимо соцсетей и мессенджеров, используют интернет для совершения покупок, проведения финансовых операций и получения услуг (Цифровизация малых и средних городов России, 2018). Таким образом, структуры хронотопов разных социальных и возрастных групп (жителей мегаполисов, малых городов, сельских поселений, молодежи и людей пожилого возраста) различаются как по степени представленности в них виртуального пространства – времени, так и по содержанию. Это находит свое отражение в действиях и взаимодействиях людей в повседневной жизни, конструировании комфортного для себя взаимодействия и соотношения их онлайн- и офлайн смешанной реальности.

Информационно-технологический подход к информационной социализации предполагает необходимость развития новых навыков и компетенций. Это инициирует разработку многочисленных моделей цифровой грамотности и цифровой компетентности. Но изменения в развитии цифровых технологий происходят быстрее, чем дополняется очередной перечень навыков и компетенций. Согласно Белшоу (Belshaw Doug, 2011), не существует одной-единственной стратегии правильного цифрового поведения и одной общей для всех цифровой грамотности (Мороз, 2017). В этом контексте транзитивность с неизбежностью актуализирует процессы индивидуализации. Это многократные выборы индивидуальных способов настройки и сочетания своего офлайн и онлайн бытования в новой смешанной реальности, которые обеспечивают индивидуальный способ комфортного, безопасного и экологичного решения своих потребностей и задач – коммуникации, развития, образования, рекреации, проблем повседневного быта, решения учебных и профессиональных задач, социального активизма и т.д.

Таким образом, транзитивность как ключевая характеристика современного постиндустриального общества является общей генерализированной характеристикой культуры нового типа – информационной культуры. Принципы гипертекста, составляющие основу работы компьютерных сетей и веб-сайтов виртуальной интернет-реальности, не предполагают линейности и заключают сами в себе характеристики транзитивности. Эти принципы изложены в докладе Теодора Нельсона, где он впервые использовал термин «гипертекст» – «Файловая структура для

сложного, меняющегося и окончательно неопределимого» ("A File Structure for the Complex, The Changing, And the Indeterminate"), (Nelson, 1965). «Сложное, меняющееся и окончательно неопределимое» являются характеристиками транзитивности – множественность, изменчивость, неопределенность.

Проявление транзитивности можно наблюдать сегодня в тенденции к размыванию границ между онлайн и офлайн и формированию новой смешанной реальности современной информационной культуры, а также в формировании и трансформации норм, этических правил и ценностей, которые изменяют практики повседневной жизни человека в смешанной реальности информационной культуры. Эти трансформации фиксируются психологическими исследованиями и, в свою очередь, определяют тенденции изменений самих этих исследований.

Библиографический список

1. *Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д.* Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сб. научных статей и материалов международной конференции (Коломна, 14–17 февраля 2018 г.) / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 43–48.
2. *Гусельцева М.С.* Особенности межпоколенных отношений в условиях транзитивного общества // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С. 38–51.
3. *Марцинковская Т.Д.* Транзитивное и цифровое пространство как новая психология повседневности // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сб. научных статей и материалов международной конференции (Коломна, 14–17 февраля 2018 г.) / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 219–223.
4. *Мороз О.В.* Культурные практики цифровой среды: Курс лекций. URL: <https://postnauka.ru/courses/81311> (дата обращения: 22.03.2018).
5. *Поливанова К.Н., Королева Д.О.* Социальные сети как новая практика развития городских подростков // Вестник РГНФ. 2016. № 1. С. 173–180.
6. Цифровизация малых и средних городов России: Совместное исследование Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ и Ян-

- декс.Такси. URL: <https://urban.hse.ru/news/220104443.html> (дата обращения: 22.07.2018).
7. *Belshaw Doug*. The Essential Elements of Digital Literacies.2011. Available at: <https://gumroad.com/l/digilit> (дата обращения: 22.07.2018).
 8. *Nelson T. H.* Complex information processing: a file structure for the complex, the changing and the indeterminate // Association for Computing Machinery: Proceedings of the 20th National Conference. Cleveland (Canada): ACM, 1965. P. 84–100.

Online and offline as a mixed reality

Poleva N.S.,

Psychological Institute of the RAE, Moscow

Abstract. Transitivity is presented as a general quality of offline and online realities. The tendency to erode the rigid boundaries between offline and online, the "fluidity" of norms and values, their transformation are seen as the influence of the transitivity factor. The complex interlacing and interpenetration of online and offline spaces in everyday human practice allows us to talk about the formation of a fundamentally new cultural experience. This leads to the need to move from a rigid separation in online and offline studies as different spaces to understanding the information culture as a mixed reality and as a single information space for human life and activity.

Keywords: transitivity, online, offline, mixed reality.

Информационное пространство транзитивного общества*

Дубовская Е.М.,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

г. Москва

Аннотация. Современные представления о процессе социализации сложились к концу прошлого столетия. Основные из них – это положение об активности личности в процессе социализации, иными словами –

* Исследование выполнено по гранту РФФИ № 17-06-00077-ОГН «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

личность выступает субъектом своей социализации. Еще одно из этих положений сводится к тому, что в процессе социализации существует бесконечное число индивидуальных различий, которые отражают общее направление изменений самого процесса социализации. Множественность как процесса социализации, так и его результата. И, наконец, принцип вероятностной детерминации социализации личности. В статье делается попытка выделить особенности процесса социализации в условиях транзитивности и роли информационного пространства как фактора социализации. Перспективное направление взаимодействия транзитивности и информационного пространства при анализе соотношения усвоения и реализации опыта.

Ключевые слова: социализация, транзитивное общество, информационное пространство, социальные нормы, индивидуальные нормы.

Современные представления о процессе социализации сложились к концу прошлого столетия. Основные из них – это положение об активности личности в процессе социализации, иными словами личность выступает субъектом своей социализации. Еще одно из этих положений сводится к тому, что в процессе социализации существует бесконечное число индивидуальных различий, которые отражают общее направление изменений самого процесса социализации (Марцинковская, 2015; Мудрик, 2011 и др.). Множественность как процесса социализации, так и его результата. И, наконец, принцип вероятностной детерминации социализации личности. Реализация этих и еще некоторых положений позволила сформулировать подход к социализации как к индивидуальному пути развития человека (Дубовская, 2002). Рассмотрение социализации в рамках культурно-исторической парадигмы акцентировало внимание авторов на социальном контексте, на характеристиках современного состояния общества. Реализация этого направления в исследованиях социализации личности конкретизируется в понятиях «транзитивность» и «транзитивное общество». Интерпретацию психологического содержания понятия «транзитивное общество» мы находим у разных авторов. Так Т.Д. Марцинковская в книге «Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа» посвятила проблеме социальной транзитивности главу, в которой подробно анализирует психологическое содержание понятия транзитивности и выделяет следующие феномены, характеризующие транзитивное общество:

- 1) кардинальные социальные трансформации,

- 2) глобализация, ведущая к расширению пространства, в том числе и пространства межличностных контактов;
- 3) усиление социальной неопределенности, связанной, прежде всего, с постоянными трансформациями ценностей, норм, эталонов в современном изменяющемся мире;
- 4) расширение информационного пространства и усиление его роли, частично заменяющее межпоколенные связи (Марцинковская, 2016).

Особенное внимание хотелось бы обратить на последний выделенный феномен, а именно на расширение информационного пространства. Именно через этот феномен мы можем выйти на проблему взаимосвязи социальной транзитивности и информационного пространства как культурно-исторического контекста социализации личности на современном этапе.

В условиях транзитивного общества процесс социализации приобретает принципиальную противоречивость. С одной стороны, социализация – трансляция устоявшегося, закрепившегося социального опыта, с другой – в современной ситуации опыт поколений фиксируется совершенно по-новому. Особое место, как мы уже писали, занимает проблема формирования ценностей именно в юношеский период развития личности. С одной стороны, это очень важный период, с другой – он может выступить индикатором изменений в процессе социализации (Дубовская, Киселева, 2018).

Е.П. Белинская также отмечает особое место подросткового и юношеского периода в жизни человека. Она пишет: «Особое значение “информационное измерение” содержания социализации имеет для подросткового и юношеского возраста. Оно определяется как минимум двумя взаимосвязанными группами причин. Во-первых, известные возрастные задачи развития (расширение круга общения и взаимодействия, активный поиск референтных групп, различные линии конструирования социальной идентичности) определяют ведущее значение коммуникативной составляющей на данном этапе, в том числе и в ее «новых ипостасях». Во-вторых, представляется, что именно данный возраст становится «проводником» норм и правил взаимодействия информационной эпохи в другие возрастные страты» (Белинская, 2013).

Появление информационного пространства необходимо рассматривать не только как следствие возникновения новых технологий. В настоящее время можно констатировать цивилизационные, а не только

социальные изменения, что связано с появлением не просто новой техники, но новой технологии, нового технологического пространства. Новые технологии стали неотъемлемой частью жизни современных людей, причем их влияние становится все более масштабным и всеобъемлющим (Марцинковская, 2015).

Таким образом, можно сказать, что современная социальная ситуация представляет собой новое постоянно изменяющееся и имеющее сложную структуру социальное пространство. Глобальные социальные трансформации с неизбежностью приводят к изменениям и в процессе социализации личности. Перед исследователями встает задача изучения особенностей процесса социализации в изменившихся социальных обстоятельствах. Особое место занимает анализ роли информационного пространства как фактора социализации. Перспективное направление взаимодействия транзитивности и информационного пространства при анализе соотношения усвоения и реализации опыта. С одной стороны, информационные технологии усложняют и чрезвычайно расширяют пути усвоения человеком представлений об окружающем его мире, с другой – в них заложены специфические механизмы реализации усвоенного. Виртуальная среда делает две стороны социализации более тесно и очевидно связанными.

Социальная транзитивность предполагает также множественность нормативно-ценностных систем и соответствующих им паттернов социального поведения, следовательно, исследование соотношения двух этих факторов в процессе социализации является важнейшей задачей социальной психологии. Информационное пространство требует от личности следование чрезвычайно широкому спектру норм, которые при этом еще и весьма неопределенны. Однако контроль за соответствием тем или иным нормативным предписанием в виртуальной реальности реализовать довольно трудно. Эта особенность информационной среды дает возможность изучения еще одного важного сюжета социализации личности – соотношение индивидуальных регуляторов поведения и тех социальных представлений, которые выступают источником для индивидуальных норм. Иными словами, взаимосвязь норм психологических и социальных.

В заключение можно сказать, что «транзитивность» и «виртуальность» – два понятия, которые во многом отражают специфичность и противоречивость процесса социализации личности в современном мире.

Библиографический список

1. *Белинская Е.П., Гавриченко О.В.* Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaya60.html> (дата обращения: 16.03.2018).
2. *Белинская Е.П.* Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858> (дата обращения: 16.03.2018).
3. *Дубовская Е.М.* Социализация в изменяющемся мире // Социальная психология в современном мире. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 148–161.
4. *Дубовская Е.М., Киселева М.А.* Социальная транзитивность как фактор формирования ценностной структуры в юношеском возрасте // Психологические исследования. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1605-dubovskaya60.html> (дата обращения: 16.03.2018).
5. *Маринковская Т.Д.* Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М., 2016.
6. *Маринковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М., 2015.
7. *Мудрик А.В.* Социализация человека. М.; Воронеж, 2011.

Information space as factor of socialization of the person in a transitive society

Dubovskaya E.M.,

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract. The modern ideas about the process of socialization were formed by the end of the last century. The main of them is the provision on the activity of the individual in the process of socialization, in other words the personality acts as the subject of his socialization. Another of these provisions boils down to the fact that in the process of socialization there are an infinite number of individual differences that reflect the general direction of changes in the process of socialization itself. The multiplicity of both the socialization process and its result. And, finally, the principle of probabilistic determination of the socialization of the individual. The article makes an attempt to highlight

the features of the process of socialization in conditions of transitivity and the role of the information space as a factor of socialization. Perspective direction of the interaction of transitivity and information space in the analysis of the correlation between the assimilation and realization of experience.

Keywords: socialization, transitive society, information space, social norms, individual norms.

Психологическая феноменология публикаций селфи в социальных сетях

Никитина Е.А.,
Институт психологии РАН, г. Москва

Аннотация. В работе рассмотрены современные представления о причинах и особенностях размещения личных фотографий (селфи) в социальных сетях. На российской выборке подтверждено, что основными мотивами юношей и девушек являются повышение самооценки, поддержание социальных связей, сохранение и обмен информацией. Выявлены значимые расхождения между представлениями студентов о своих и чужих причинах публикации селфи. Респонденты указывают, что размещают фотографии в большей мере для себя самих, используя социальные сети в качестве архива, а также для общения. Большая роль в оценке мотивов ровесников приписывается привлечению к себе интереса окружающих и следованию групповым нормам. Значимых различий в ответах юношей и девушек, а также респондентов с различным уровнем сетевой активности обнаружено не было.

Ключевые слова: селфи, социальные сети, самооценка, самопрезентация, социальные связи.

Термин «селфи» вошел в нашу жизнь относительно недавно, но уже в 2013 г. был назван «словом года» оксфордским словарем. *Селфи* определяется как фотографический автопортрет или портрет себя с партнером или с другими людьми, сделанный с помощью фотокамеры или камеры смартфона, направленной на себя с вытянутой руки, либо полученный с использованием зеркала и опубликованный в социальных сетях (Sokolowski et al., 2015).

Феномен публикации селфи активно изучается в последнее время. ИмPLICITное представление о том, что увлечение селфи – явление нега-

тивное, нездоровое – по-видимому, разделяется и учеными, и широкой публикой. Запрос в Google «психология селфи» выдает на первой странице: «селфи как симптом», «селфимания как болезнь 21 века», «селфи как диагноз», «Are Selfies a Sign of Narcissism and Psychopathy?», «'Selfitis' – the obsessive need to post selfies – is a genuine mental disorder» и т. д. Угрозы, связанные с увлечением селфи, включают в себя возможность формирования зависимости, негативные переживания, связанные со сравнением себя с нереалистичными образами других, рискованное поведение для получения все более и более интересных фотографий и т. д. Однако такой односторонний подход вряд ли может объяснить реальные причины огромной популярности данного явления, связанного и с рядом положительных эффектов, например, удовольствием от процесса фотографирования и удовлетворением от его результата, поддержанием контактов и получением социальной поддержки, расширением возможностей самопрезентации и примериванием на себя новых образов.

Селфи соединяет в себе 3 процесса – фотографирование как запечатление себя, размещение фотографий в сети, т. е. превращение их в доступные широкому кругу известных и неизвестных автору зрителей, а также получение и просмотр оценок и комментариев.

Исследования показали, к основным причинам, побуждающим людей делать свои фотографии и выкладывать их в социальные сети, относятся следующие мотивы (Sung et al., 2016): желание повысить свою самооценку, общение, передача и сохранение информации, развлечение.

Частично эти мотивы совпадают с традиционной фотографией, с одной стороны, и с презентацией и обменом текстовой информацией в социальных сетях (например, в «Живом Журнале»). Однако появление современных технических возможностей – смартфонов, оснащенных качественной передней фотокамерой, имеющих практически у каждого человека и позволяющих без малейших сложностей заснять себя в любой момент и опубликовать полученный кадр в сети, существенно изменило ситуацию. Эпизодический обмен фотографиями и информацией между друзьями и родственниками меньше, чем за 10 лет перешел в новое качество. По данным Дж. Ли и И. Сунга (Lee & Sung, 2016) владельцы смартфонов ежедневно делают 93 миллиона селфи, всего в 2014 году в социальных сетях было размещено около 880 миллиардов фотографий, причем 30% из них опубликованы подростками.

К настоящему времени проведен ряд интересных исследований, направленных на выявление мотивации или специфики сетевой активно-

сти респондентов. Чаще всего испытуемым предлагается выразить меру своего согласия с рядом высказываний о причинах, по которым они делают селфи (например, Sung et al., 2016), либо делается акцент на особенности их поведения, например, Selfitis Behavior Scale (Balakrishnan & Griffiths, 2018). Выявлены демографические и личностные характеристики, коррелирующие с более или менее активным размещением фотографий в сети. Показано, что люди, самооценка которых в большей степени основывается на мнении окружающих, чаще выкладывают свои фотографии в сеть (Stefanone et al., 2011). Для респондентов мужского пола обнаружены (Fox & Rooney, 2015) значимые положительные корреляции между чертами «темной триады» (нарциссизмом, макиавеллизмом и психотизмом) и количеством выложенных в сеть фотографий, а также частотой использования фоторедакторов для улучшения своей внешности. В социологическом исследовании Т.М. Нетусовой (2015) выделены специфические атрибуты фотографических автопортретов, используемые их авторами для самопрезентации – одежда и аксессуары, статусные предметы, атрибуты спорта и экстрима и др., продемонстрированы особенности их использования мужчинами и женщинами.

В статистических отчетах социальных сетей часто указывается, что размещение собственных фотографий наиболее распространено среди подростков и молодежи, однако данных о возможных содержательных мотивационных отличиях публикации селфи людьми разного возраста пока нет. Недостаточно изучены и возможные несовпадения между представлениями молодежи о том, почему выкладывают в сеть свои фотографии они и их сверстники.

В нашем исследовании приняли участие студенты психологических специальностей московских вузов в возрасте от 18 до 25 лет. В первой части работы респондентам следовало по 7-балльной шкале оценить степень своего согласия с рядом высказываний относительно возможных причин публикации селфи в социальных сетях, например, «это форма общения, так я не чувствую себя одинокой/одиноким», «для себя, чтобы потом вспомнить важные/приятные для меня моменты», «так принято, я не хочу быть "белой вороной"», «это архив для членов семьи, для детей, современные аналоги старых фотоальбомов».

Во второй части исследования студентам следовало предположить, в какой мере с приведенными высказываниями могли бы согласиться их ровесники.

При сравнении полученных ответов обнаружено, что по большинству высказываний (20 из 22) респонденты полагали, что их ровесники готовы в большей степени согласиться с названными причинами размещения фотографий в сети, чем они сами. Только по 2 высказываниям, акцентирующими приватность частной жизни, например, «мои фотографии могут видеть только друзья, чужих моя частная жизнь не касается» собственные оценки были выше. Наши респонденты указывают, что они сами размещают свои фотографии в сети в большей степени для себя: «чтобы потом вспомнить важные/приятные для меня моменты» или «мне самой/самому интересно видеть, как я меняюсь».

В то же время они предполагают, что для их сверстников значимо более важной является мотивация привлечения к себе интереса окружающих («мне нравится себя чувствовать в центре внимания») и следования групповым нормам («все так делают»). Значимых различий в ответах молодых людей и девушек с различным уровнем сетевой активности обнаружено не было.

Из 22 утверждений опросника корреляция между представлениями о своих и чужих причинах публикации селфи была выявлена лишь по четырем из них. Интересно, что наши респонденты одинаково соглашались (или не соглашались) с высказыванием: «так быстрее, чем описывать словами, где, когда и с кем я была/был». Именно этот пункт опросника вызвал наибольшее количество крайних ответов («полностью согласен» – 27% и «полностью не согласен» – 40%) относительно своей мотивации при оценке причин публикации селфи сверстниками такой полярности не обнаружено. В связи с этим интересно было бы в дальнейшем включить в исследование анализ реальных профилей респондентов в социальных сетях и сопоставить доли фотографий с разным содержанием, а также текстовых публикаций авторов с их ответами по шкалам опросника.

Библиографический список

1. *Нетузова Т.М.* Автопортрет как особая форма визуальной самопрезентации: социологический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. С. 169–171.
2. *Balakrishnan J., Griffiths M.D.* An exploratory study of "selfitis" and the development of the Selfitis Behavior Scale // International Journal of Mental Health and Addiction. 2018. V. 16. Is. 3. P. 722–736.

3. *Fox J., Rooney M.C.* The Dark Triad and trait self-objectification as predictors of men's use and self-presentation behaviors on social networking sites // *Personality & Individual Differences*. 2015. V. 76. P. 161–165.
4. *Kim E., Lee J.A., Sung Y., Choi S.M.* Predicting selfie-posting behavior on social networking sites: An extension of theory of planned behavior // *Computers in Human Behavior*. 2016. V. 62. P. 116–123.
5. *Lee J.A., Sung Y.* Hide-and-seek: Narcissism and selfie-related behavior // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2016. V. 19. 347–351.
6. Selfie posting behaviors are associated with narcissism among men / *Sorokowski P., Sorokowska A., Oleszkiewicz A.* et al. // *Personality and Individual Differences*. 2015. V. 85. P. 123–127.
7. *Stefanone M.A., Lackaff D., Rosen D.* Contingencies of Self-Worth and Social-Networking-Site Behavior // *Cyberpsychology, behavior, and social networking*. 2011. V. 14. № 1–2. P. 41–49.
8. *Sung Y., Lee J.-A., Kim E., Choi S.M.* Why we post selfies: Understanding motivations for posting pictures of oneself // *Personality and Individual Differences*. 2016. V. 97. P. 260–265.

Students' representations on the reasons of selfi's publication in social networks

Nikitina E.A.,
Institute of Psychology RAS, Moscow

Abstract. The results of modern investigations of the reasons and features of the personal photographs placement in social media (selfies) are considered. We confirm on the Russian sample that the main motivations of young men and women are rising of self-esteem, maintenance of social ties, storage and exchange of information. Significant discrepancies between the students' ideas about their own and other people's reasons for publication of selfies have been revealed. Respondents indicate that they place photographs more for themselves, using social networks as an archive, as well as for communication. While assessing their peer's motives the main role is attributed to attracting the interest of others and following group norms. No significant differences in the responses of young men and women, as well as respondents with different levels of network activity were found.

Keywords: selfie, social media, self-esteem, self-presentation, social communications.

**Герои массовой культуры в современном кинематографе:
представления современных подростков и юношей**

Орестова В.Р., Ткаченко Д.П.,
Институт психологии им. Л.С. Выготского
Российского государственного гуманитарного университета,
г. Москва

Аннотация. Рассматриваются трудности идентификации молодого поколения в условиях транзитивности общества. Поднимается вопрос о значении кинематографа в современной культуре. Предлагается анализ кино как стратегии совладания и поиска идентичности. Анализируются причины популярности среди зрителей супергеройской тематики. Приводятся данные исследования, направленного на выявление представлений зрителей о супергероях. Раскрывается связь предпочитаемых в супергерое качеств с возрастом знакомства с супергеройской культурой. Приводятся данные и различия предпочтений между мужчинами и женщинами при оценке персонажа. Анализируются три наиболее предпочитаемых персонажа с позиции ключевых качеств, присущих их образу. Дается заключение об особенностях восприятия супергероя современным зрителем.

Ключевые слова: транзитивность, современность, идентичность, идентификация, кино, супергерой, характеристики супергероя.

Сохранение внутренней целостности современного человека затрудняется вызовами транзитивного общества, выражающимися во множественности социокультурных контекстов, постоянной изменчивости окружающего мира и неопределенности путей развития (Марцинковская Т.Д., 2015). Представители молодого поколения сталкиваются с необходимостью конструирования собственной идентичности в ситуации неопределенности, основываясь на множественности и размытости ценностных ориентиров. Именно поэтому фокус внимания современных исследователей смещается на те пространства и системы, в рамках которых реализуются эти процессы.

Сегодня пика популярности достигли такие направления, как исследования процессов виртуального и информационного пространства (А.Н. Аянц, Т.Д. Марцинковская, 2016; Е.П. Белинская, 2016; Е.П. Белинская, Т.Д. Марцинковская, 2018; А.Е. Войскунский, 2013; Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, Т.А. Нестик, 2018 и др.), при этом изучение роли массовой культуры (на примере кинематографа) в становлении идентичности личности в отечественной науке представлено преимущественно в теоретическом ключе. Однако мир кинематографа не менее притягателен для современных молодых людей, которые являются одной из самых многочисленных групп посетителей кинотеатров, а также активно используют различные интернет-сервисы по скачиванию фильмов и сериалов.

Таким образом, кино, выступая в качестве одного из ключевых источников информационного воздействия, способствует трансформации представлений о реальности, формированию установок, ценностей, поведенческих и ролевых моделей. Предпочтение и просмотр фильмов и сериалов определенной направленности и содержания можно рассматривать с точки зрения специфической стратегии совладания, посредством идентификации зрителя с персонажами и переживания в метафорическом плане собственных трудностей через экранный нарратив. В пространстве кино существует многообразие неограниченных возможностей для «игры идентичностей», в рамках которой возможно своеобразное ролевое экспериментирование с идентичностью, проживание другой жизни, приближение к идеальному Я и даже получение суперспособностей.

По статистике, сегодня наиболее популярными среди молодежи являются фильмы про супергероев, причем их популярность только растет. Если лет 20 назад любовь к подобного рода контенту была делом преимущественно детей и великовозрастных гиков (фанатов), то сегодня эти фильмы стали частью массовой культуры. Так, за 2017 год крупнейшие киностудии выпустили порядка 10 фильмов о супергероях, в то время как в 1980 году было выпущено всего 2 фильма (<https://www.finder.com/superhero-statistics>). И это статистика только фильмов, которые выходят на широкий экран, без учета ТВ-сериалов и анимационных фильмов. Для понимания масштабов популярности супергеройской тематики среди зрителей кинотеатров, стоит сказать, что в 2017 году киноиндустрия заработала 2164 миллиона долларов США на

фильмах по мотивам комиксов (<https://www.statista.com/statistics/311931/superhero-movies-box-office-revenue/>).

Популярность супергеройской темы обусловлена не только технологичностью, яркостью спецэффектов и мощной рекламой фильмов. Робин С. Розенберг, изучающая культуру супергероев, считает, что комиксы и фильмы про супергероев – это нечто вроде мифов Древней Греции, архетипических историй, адаптированных под современность. Они раскрывают вечные человеческие дилеммы, разрешение которых всегда происходит на пике человеческих (или сверхчеловеческих) возможностей, посредством исключительных действий. При этом супергерой, обладающий человеческими недостатками, никогда не проигрывает (либо его проигрыш неизбежно приводит к безоговорочной победе). Это главное условие в мире супергероев – зритель не увидит его падения, если только оно не перед грандиозным взлетом. Кроме того, здесь процесс идентификации себя с персонажем упрощается за счет повествования от первого лица. Стоит ли говорить, что идея наличия уникальной сверхспособности и множественной идентичности, за которой скрывается подлинная индивидуальность, облаченная в эффектный костюм, да еще и с привкусом спасения мира, становится необыкновенно привлекательной для современного человека, переживающего мощнейший кризис идентичности и поиска смысла (Robin S. Rosenberg, 2013).

Исходя из этого, мы провели небольшой опрос среди 237 интернет-пользователей, который был направлен на выявление основной тенденции в восприятии фигуры супергероя среди зрителей. В нашу выборку попали респонденты от 10 до 46 лет включительно, причем большую часть составили представители от 18 до 30 лет (194 чел.). Несмотря на то, что среди наших респондентов только у 8% были дети, почти 94% опрошенных заявили о том, что смотрят различный контент, посвященный супергеройской тематике. При этом, больше половины респондентов (56%) познакомились с культурой супергероев в детстве, а 37% – в подростковом возрасте. Как выяснилось, респонденты, впервые познакомившиеся с супергеройской культурой в детстве, в большей мере, чем познакомившиеся в подростковом и взрослом возрасте, отмечают в супергероях ответственность и гибкость. Интересно, что именно эти качества с точки зрения транзитивности являются необходимым условием успешной социализации и адаптации к изменчивому обществу.

Сравнение мужчин и женщин показало статистические различия в оценке качеств супергероя. Так, женщины в большей мере, чем мужчины,

обращают внимание на внешнюю привлекательность, в то время как мужская часть публики продемонстрировала более широкий и разнообразный спектр качеств: гениальность, хорошее чувство юмора, эмоциональная чувствительность, жертвенность (альтруизм), гибкость/находчивость. Мы, отталкиваясь от традиционных и архаичных представлений о маскулинности и образе сильного и отважного супергероя, ожидали получить что-то, вроде силы, крутости, неуязвимости. При оценке же антигеройских характеристик для мужчин наиболее критичной оказалась зависть. Судя по всему, для современных мужчин наличие гениальности, гибкости, хорошего чувства юмора и эмоциональной чувствительности в сочетании с жертвенностью – именно тот набор, который делает героя не только наиболее адаптивным в транзитивном мире (где одной силой сыт не будешь), но и наиболее достижимым для идентификации с ним. Важно понимать, что массовая культура предлагает более адаптированный вариант персонажей традиционных комиксов под запрос изменившегося социума. Наличие доступных простому смертному качеств, которые, тем не менее, не делают супергероя уязвимым, а наделяют его индивидуальностью и человечностью, сегодня привлекают больше, чем сила и суперспособности.

Стоит сказать, что образ супергероя с определенными предпочитаемыми характеристиками воплощается в конкретных супергероях. Несмотря на наибольшую популярность фильмов по комиксам Marvel (Марвел), самым предпочитаемым персонажем среди респондентов оказался Бэтмен (компании DC (ДиСи)) (18%). На втором (14%) и третьем (12%) местах оказались Железный человек и Человек-паук.

Был проведен сравнительный анализ оцениваемых характеристик трех наиболее популярных среди респондентов супергероев: Бэтмена, Железного человека и Человека-паука. В результате получены следующие статистически значимые результаты.

Бэтмен отличается высоким самоконтролем. Так как он является наиболее популярным персонажем среди наших респондентов, мы рискнули предположить, что способность управлять своими состояниями и в любой, даже самой стрессогенной, ситуации сохранять самообладание, является одной из наиболее востребованных среди современных людей. В мире, где скорость процессов и обилие информации приводят к различного рода эмоциональным нарушениям и срывам, способность выдерживать такого рода нагрузку неизбежно будет высоко цениться и вызывать восхищение.

Железный человек лидирует в разнообразии качеств, выделяющих его среди остальных персонажей супергеройской вселенной. Гениальность, внешняя привлекательность, хорошее чувство юмора, креативность – все это очень напоминает необходимый набор качеств современного успешного человека, способного справиться с любыми социальными и творческими задачами. Судя по всему, в транзитивном мире подобного рода характеристики позволят не просто занять свою социальную нишу, но, в случае необходимости, быстро и безболезненно ее сменить. Неудивительно, что Железный человек так интересен многим зрителям.

Человек-паук выделяется своей отзывчивостью и человеколюбием, чувством долга и наличием суперспособностей (действительно, ни Бэтмен, ни Железный человек не могут похвастаться наличием суперсилы, а лишь обладанием умело сконструированных супергероических гаджетов). Помимо этого, по своей крутости Человек-паук очень сильно уступает двум другим супергероям. Это и неудивительно, Питер Паркер – простой старшеклассник, изгой в своем окружении – личностно практически не меняется после обретения сверхспособности, поэтому под маской загадочного Человека-паука скрывается все тот же робкий и неуверенный в социальном плане паренек. Однако стоит отметить, что, судя по оценке респондентов, Человек-паук привлекателен именно своими качествами «хорошего парня», способного жертвовать собой и заботиться о социуме, который неоднократно его отвергал и обращался с ним жестоко.

Интересно, что в наиболее популярные и оцениваемые характеристики предпочитаемых героев не вошли такие как Честность, Верность, Жертвенность (альтруизм), Ответственность, Щедрость, Чувство долга. По сути, это те качества, которые всегда подчеркивались и утрировались в большинстве супергеройских историй. В этом смысле, супергерои – это классический портрет высоконравственного защитника человечества, часто политизированный и загнанный в нормативные рамки конкретной культуры. Однако образ такого супергероя, судя по всему, не близок современному зрителю, пытающемуся разглядеть за супергеройским великолепием простые человеческие качества, проявляющиеся в ситуациях повышенной опасности и сверхчеловеческих возможностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что архетипичный образ героя, как такового, не привязан к наличию суперспособностей и неуязвимости. Несмотря на то, что современные супергерои обладают сложными, свертехнологичным средствами усиления собственной мощи, зрители, в большей степени, ориентируются на их «несуперчеловеческие» состав-

ляющие. Возможно, это связано с тем, что эмоциональная чувствительность, внешняя привлекательность и хорошее чувство юмора – это более достижимые и эффективные для успешной социализации в современном транзитивном мире качества, нежели наличие рентгеновского зрения или пуленепробиваемой кожи. В этом плане нам представляются довольно перспективными исследования того, как личные истории суперлюдей со всеми их трагедиями, страхами и слабостями отражают истории развития и социализации зрителей, тем самым, позволяя увидеть позитивное разрешение тех или иных противоречий и трудностей, наполняющих жизнь простого человека.

Библиографический список

1. *Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д.* Социализация подростка в информационном пространстве // Психологические исследования. 2016. № 9 (46).
2. *Белинская Е.П.* Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Образование личности. 2016. № 2. С. 31–40.
3. *Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д.* Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сборник научных статей / Отв. ред. Р.В. Ершова. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 43–48.
4. *Войскунский А.Е.* Перспективы становления психологии Интернета // Психологический журнал. 2013. 34(3). С. 110–118.
5. *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. 8(42).
6. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2018.
7. *Robin S. Rosenberg PhD.* Our Superheroes. Ourselves. Oxford University Press, 2013.

Heroes of mass culture in presentations of modern teenagers and youth (on the example of cinematograph)

Orestova V.R., Tkachenko D.P.,
Vygotsky Institute for Psychology, Russian
State University for the Humanities, Moscow

Abstract. Difficulties of identification of young generation in the conditions of transitivity of society are considered. The question of the importance of cinema in modern culture is raised. The analysis of cinema as a strategy of coping and search of identity is offered. The reasons of popularity among the audience of the superhero theme are analyzed. The data of the research aimed at revealing viewers' ideas about superheroes are presented. The connection of the qualities preferred in the superhero with the age of acquaintance with the superhero culture is revealed. The data and differences in preferences between men and women in the evaluation of the character. Three most preferred characters from the position of the key qualities inherent in their image are analyzed. Provides a conclusion about the peculiarities of perception of a superhero a modern audience.

Keywords: transitivity, modernity, identity, identification, cinema, superhero, superhero characteristics.

ГЛАВА II. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Психология идентичности в современном смешанном пространстве*

Марцинковская Т.Д.,

Институт психологии имени Л.С. Выготского
Российского государственного гуманитарного университета;
Психологический институт РАО;
Московский государственный областной университет,
г. Москва,

Аннотация. Рассматриваются изменения в содержании и структуре идентичности, происходящие в настоящее время в связи с социальными трансформациями, характерными для транзитивного и виртуального пространства. Показываются психологические составляющие (объективные и субъективные) современного пространства. Раскрываются изменения идентичности в виртуальном и транзитивном пространстве.

Ключевые слова: транзитивное общество, переживания, личное пространство.

В настоящее время можно считать устоявшимися представления об изменчивости (транзитивности) социального пространства. Однако понимание того, каким образом эти изменения сказываются на личности, содержании и структуре ее идентичности, процессе ее социализации все еще изучены мало. Множественность контекстов при анализе трансформаций идентичности определяется границами ее постоянства и изменчивости в ситуациях текучей и жесткой транзитивности и в ситуации разных вариантов взаимодействия с виртуальным пространством – онлайн и офлайн. Представления людей о себе в мире, соединяющем в себе как устойчивость повседневности, так и постоянную изменчивость разных контекстов проживания этой повседневности, являются одним из важ-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 16-06-00161 «Экзогенные и эндогенные факторы информационной социализации»

нейших факторов их совладания со сложностями и конфликтами повседневной жизни.

Можно предположить, что разные этапы развития транзитивного пространства и его разные аспекты взаимосвязаны с разными этапами развития виртуального пространства и его различными аспектами – как психологическими, так и социокультурными, и технологическими (Бауман, 2008; Кастельс, 2000). Раскрытие закономерностей, которые определяют эту взаимосвязь и взаимовлияние, даст возможность выявить и важнейшие психологические факторы, влияющие на социализацию и становление идентичности современных людей, живущих одновременно в обоих этих пространствах. Именно этот аспект исследования представляется особенно значимым, особенно в контексте современных социальных, культурных и технологических трансформаций.

Происходящие изменения приводят к необходимости пересмотра понятий «идентичность» и «социализация» и к разработке новой методологии и нового инструментария для исследования их содержания (Марцинковская 2014, 2015).

Социализация. На развитие современных концепций социализации большое влияние оказывает, как уже упоминалось, ситуация неопределенности, которая связана с постоянными трансформациями ценностей, норм, эталонов в современном, изменяющемся мире. В обществе постоянно меняются «правила игры» даже в относительно стабильных социальных группах. Исходя из этого, можно констатировать, что процесс социализации как таковой происходит не только в первые 10–15 лет жизни, но на протяжении всего жизненного пути. Поэтому в настоящее время говорится о принципиальной непрерывности процесса социализации. Важным моментом является и вопрос о способе трансляции норм и ценностей и о ведущих направлениях этой трансляции, о чем более подробно будет сказано ниже.

В контексте идеи о непрерывности процесса социализации является и появление термина ресоциализация. Первоначально этот термин использовался только для обозначения процесса «вторичного» вхождения индивида в социальную среду в результате каких-либо «дефектов» социализации (ресоциализация освобожденных из мест лишения свободы) или в результате смены социокультурного окружения (ресоциализация мигрантов). В настоящее время ресоциализация понимается как осознанное изменение поведения человека в ситуации очевидного социаль-

ного неуспеха, а ее основной характеристикой является умение ориентироваться в непредвиденных социальных ситуациях.

Еще одной важной характеристикой современной социализации является тот факт, что она проходит в условиях «текущей современности» (З. Бауман). При «жесткой культуре» возможны определенные, жесткие нормы, правила и институты социализации, четко определяющие технологии и результаты воздействия взрослых на подростков. Современная многомерная культура предполагает «жидкую» социализацию, в которой возможно многоаспектное и ненаправленное воздействие, а результат может быть отсроченным, латентным.

Исходя из того, что социализация рассматривается и как процесс, и как результат активного вхождения человека в социальный мир, выделяется понятие социализированность как характеристика продукта (результата) этого процесса.

Можно назвать по меньшей мере семь критериев, определяющих успешность вхождения человека в социальную группу:

- положительное отношение к нормам и ценностям группы;
- взаимное принятие индивида и группы;
- наличие большого количества разных групп идентичности;
- высокий социометрический статус хотя бы в одной из групп идентичности;
- социальная успешность хотя бы в одной из официальных групп идентичности (например, школьная успеваемость);
- дифференцированность представлений о себе;
- положительная временная перспектива.

Операционализация понятия «неопределенность» в исследованиях социализации. Возвращаясь к влиянию ситуации транзитивности, то есть неопределенности и изменчивости, в которой происходит современная социализация, необходимо подчеркнуть, что характерной чертой неопределенности является тот факт, что причинно-следственные отношения не всегда могут предсказать, как будет вести себя человек в будущем, как отреагирует даже на знакомые раздражители.

Конструкционистская парадигма, в рамках которой можно говорить о трансформации окружающего мира в направлении желаемых изменений, увеличивает степень предсказуемости будущего, так как если люди уверены в возможности перестроить, переконструировать ситуацию, и на основе этого выстроить будущее, снимается неопределенность этого бу-

дущего. Философия постмодерна и полипарадигмальность методологии также созвучны современной ситуации, непредсказуемость и вариативность которой волей-неволей приводят к необходимости создать коллаж, отражающий разные аспекты ситуации и нашего присутствия в ней. Таким образом, конструкционизм увеличивает степень предсказуемости будущего и снимает эмоциональную напряженность, смыкаясь с проблемой неопределенности, имеющей и методическую, и методологическую, и социальную обусловленность.

В том случае, если мы уверены в возможности перестроить, переконструировать ситуацию, и на основе этого выстроить будущее, снимается неопределенность этого будущего и те тревоги и опасения, которые оно несет с собой.

Применяя понятие неопределенности к психологии, можно говорить о том, что часто даже стабильная ситуация может быть не совсем ясной, тем более неопределенной является новая или постоянно меняющаяся ситуация. В такой ситуации сам человек, его мысли, состояние, поведение тоже становятся в большей, чем обычно, степени, неопределенными. То есть человек одновременно является как бы и стабильным образованием с ясной устойчивой структурой мотивов, и постоянно меняющейся величиной, в системе меняющихся отношений (и частица и волна одновременно).

Поэтому объективация мотивов поведения человека в ситуации неопределенности не может уже соотноситься с поступком как феноменом личности. Поэтому, как и в классической психологии, в настоящее время приходится искать опосредованные способы анализа. По другим людям мы можем судить о том, что происходит с человеком, идентифицируясь с ним, можем судить о его мотивации. Но это – не полностью достоверное знание, оно опосредовано и культурой (человек ведет себя соответственно определенным эталонам) и опытом и переживаниями наблюдателя, его атрибутивными схемами. Поэтому такое значение для постнеклассической психологии приобретают нарративы, результаты самонаблюдения. Как свет освещает движущееся в темноте тело, позволяя не только разглядеть его в конкретный момент времени, но и предположить, откуда оно появилось и куда направляется, моменты инсайта, рефлексии, помогают человеку частично понять себя, осознать причины своих поступков, свои мысли и переживания, чтобы потом экстраполировать эти наблюдения на других людей. Но это только дискретные моменты, понимание того, что предшествовало этому моменту (причина) и

того, что за ним последует, достаточно фрагментарно и субъективно, то есть осознание себя и объективация идентичности, в принципе, возможны только здесь и сейчас. В тоже время остается иллюзия, что мы представляем себе свое предыдущее состояние, хотя мы оцениваем себя не намного лучше, чем окружающих.

Таким образом, для психологии объективация и операционализация понятия неопределенность актуальна в связи с методологическими проблемами, с предметом исследований – личности, внутренний мир которой в принципе не определен для окружающих, а во многом и для самого человека. Ситуация внешней неопределенности лишь усиливает это положение, делая его очевидным.

Личность. Проблема сущности и динамики становления человека как социального и активного существа имеет давнюю традицию, однако, можно констатировать, что основным водоразделом были не различия между понятиями «личность» и «субъект», но отличия по степени активности и роли врожденных/социально заданных качеств в развитии человека как личности/субъекта. Дискурсом анализа также были степень индивидуализации человека и его взаимоотношения с другими людьми, с обществом в целом.

В современных концепциях эта проблема рассматривается в новом контексте идентичности, точнее – взаимосвязи социальной и личностной идентичности.

В последние годы в психологии рассматриваются разнообразные виды идентичности: личностная, гендерная, половая, социальная, этническая, культурная, религиозная, ролевая, семейная, гражданская... При этом важнейшим вопросом является их соотношение между собой, прежде всего, соотношение между личностной и социальной идентичностью. Как и в прежних концепциях, в теориях идентичности также существует две позиции, однако, в отличие от диаметральных точек зрения Дюркгейма и Тарда, в современной науке доминирует осознание необходимости соотнесения личностной и социальной идентичностей между собой.

Вызовы транзитивности для психологии многоаспектны – это и проблема уходящего времени-пространства, и связанная с ней проблема «уходящей природы» в самом широком понимании этого термина. Людям всегда было сложно примириться с новыми временами и социальными трансформациями, однако, никогда этот разрыв между новым и старым не был так глубок и никогда еще будущее не казалось таким неопределен-

ным. При этом необходимо помнить, что транзитивность является не только социальной, внешней, но и психологической, духовной. Поэтому большой разрыв возникает между субъективными и объективными пространствами и временами, отношением и к ним, и к изменениям, в них происходящим.

Можно говорить о четырех вариантах развития человека в ситуации транзитивности, причем для простоты представим этот процесс только в плоскости двух континуумов социального пространства. В этом случае, одна ось показывает отношение к социуму, способность индивида противостоять/зависеть от давления среды. Вторая ось отображает степень интенциональности и структурированности мотивов человека.

В первом случае основанием для формирования представлений о себе и оценки себя становится стремление к сохранению консервативных, проверенных ценностей и эталонов, несмотря на внешние трансформации. Во втором случае фундаментом представления о себе становятся устойчивые к внешним трансформациям ценности культуры, науки, искусства, которые, однако, могут быть не очень востребованы актуальной ситуацией. Третий вариант развития связан со стремлением к осознанию своей индивидуальности, смысла и целей своей жизни. Четвертый вариант связан со стремлением сконструировать (переконструировать) окружающее пространство с тем, чтобы оно гармонично соотносилось с внутренним миром человека.

Во всех этих вариантах развития наиболее важным моментом является возможность поддержания конгруэнтности образа Я с образом мира, и, соответственно, адекватности этого образа мира реальности. Можно говорить о предпочтениях с этой точки зрения второго пути, так как мир культуры (эстетическая парадигма) относительно стабилен даже в эпоху кардинальных трансформаций. В то же время с точки зрения личностной активности или целостности осознания своего жизненного пути, видимо, должен быть отдан приоритет третьему и четвертому выборам. То есть стремлению к построению «миропроекта», выбора такого пути, который был бы созвучен и адекватен собственной индивидуальности, однако с необходимостью поддержания консенсуса с внешним миром, с обществом. Либо активному варианту построения того же «миропроекта», но уже не во внутреннем плане, не в экзистенции (от экзистенция, самость), но во внешнем окружающем мире.

При этом традиционное для российской психологии разделение понятий «личность» и «субъект» может рассматриваться именно в кон-

тинууме первой оси, в то время как по второй оси эти понятия начинают сближаться друг с другом. По-видимому, именно в точке совпадения этих поняти можно говорить о важности термина индивидуальность, так как именно индивидуализация процесса духовного и социального развития приводит и к высокой интенциональности, и к вариативности в выборе направления реализации этой интенциональности.

Идентичность. Говоря об особенностях идентичности в транзитивном, постоянно изменяющемся мире, необходимо подчеркнуть, что трансформации процесса социализации, разведение процесса и результата (социализированности) приводит к изменению соотношения персональной и социальной идентичности. Поэтому в современной ситуации общения развивается феномен *нарративной идентичности*, проявляющийся в том, что в межличностных контактах увеличивается процент рассказов о себе, а не предъявления себя в действии, в том числе и групповом (Андреева, 2012). Этот факт непосредственно отражается и в игре идентичностей – возможности попробовать себя в разных масках, разных ролях. Это часто повышает осознанность ролей и себя в них. При этом сетевые сообщества, с одной стороны, дают возможность гибкой и позитивной социализации, с другой – помогают найти разные варианты «игры» со своей идентичностью.

При нахождении-создании группы идентичности (как реальной, так и, особенно, виртуальной) происходит самоподтверждение выдуманных (или появившихся в «игре») личностных характеристик, а традиционная связка «категоризация – самокатегоризация» трансформируется в «самомониторинг – самоподтверждение».

Важным моментом является тот факт, что в ситуации изменений и неопределенности целостность идентичности связывается с культурой, а не с преемственностью жизненных циклов. Это актуализирует понятия лингвистической и социокультурной идентичности.

Соединение двух линий развития – социализации и индивидуализации, приводит в современной ситуации к появлению разных вариантов социального пространства, в котором реализуются разнообразные варианты межгрупповых и межличностных отношений, сочетания культуры и субкультур, реализуется и формируется новый баланс персональной и социальной идентичностей.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.07.2018).
2. *Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
3. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
4. *Маринковская Т.Д.* Методология современной психологии: смена парадигм?! // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1012> (дата обращения: 23.07.2018).
5. *Маринковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n42/1168-martsin> (дата обращения: 23.07.2018).

Identity in virtual and transitive space

Martsinkovskaya T.D.,
Vygotsky Institute for Psychology,
Russian State University for the Humanities;
Psychological Institute of the RAE;
Moscow State Regional University, Moscow

Abstract. Changes in socialization process, in identity content and structure, caused by social transformations, which are character for transitive society, are considered. Psychological components of modern social space, its objective and subjective components are shown. The changes which occur in identity in virtual and transitive space are revealed.

Keywords: transitive society, emotional experiences, personal space.

Психологическая феноменология и тенденции сетевой идентичности*

Белинская Е.П.,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
г. Москва

Аннотация. Проблема сетевой идентичности рассматривается в контексте процесса информационной социализации. Подчеркивается, что одной из важнейших граней социализации личности в пространстве интернет-коммуникации является процесс соотнесения реальной и виртуальной идентичностей в едином образе Я. Выделяются основные особенности актуального состояния проблемного поля исследований идентичности, среди которых – постоянное расширение изучаемой феноменологии, наличие определенных «точек согласия» между исследователями и все большее внимание к процессам ориентировки человека в информационных потоках. Подчеркиваются специфические особенности «цифрового поколения», определяющие возрастно-цифровую стратификацию современного общества и задающие определенные ограничения эмпирическим исследованиям виртуальной идентичности. Отмечается, что последнее десятилетие изучение идентичности в интернет-коммуникации характеризуется все большим содержательным сдвигом – от акцентирования отличий виртуальной идентичности пользователя от его реальных идентификаций к поиску общих оснований виртуальных и социальных идентификаций. Излагаются основные результаты эмпирического исследования, продемонстрировавшего взаимосвязь соотнесения виртуальной и реальной идентичностей представителей «цифрового поколения» с характерными для них стилями идентификаций.

Ключевые слова: информационное общество, виртуальное взаимодействие, сетевая идентичность, виртуальная самопрезентация.

Новые информационные технологии, являясь сегодня одним из важнейших факторов экономического, политического и социального развития мира, несомненно «встраиваются» и в процесс социализации личности. Неслучайным является все большее распространение в научном

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 16-06-00161 «Экзогенные и эндогенные факторы информационной социализации».

дискурсе термина информационной социализации (Аянян, Марцинковская, 2016; Белинская, 2013), служащего для обозначения новых закономерностей социального самоконструирования человека в ситуации постоянных социальных изменений и вызовов полимодальной неопределенности. Представляется, что одной из важнейших граней проблемы социализации личности в пространстве интернет-коммуникации является проблема соотношения реальной и виртуальной идентичностей современного человека, – ведь сегодня динамика сферы самосознания во многом определяется процессами виртуальной самопрезентации, постоянно идущими в социальных сетях и составляющими неотъемлемую грань повседневности.

Представляется, что при всем своеобразии и возможной новизне феноменологии виртуального самоконструирования (как с точки зрения внутренних идентификационных процессов личности, так и с более «внешних» позиций – понимания его как управляемой самопрезентации), стоит учитывать общее актуальное состояние проблемного поля исследований идентичности в целом. Его особенности видятся нам в следующем. Во-первых, последние два десятилетия неопровержимо свидетельствуют о постоянном расширении проблематики идентичности в целом: «идентичность без границ» как метафора внутреннего состояния Я современного человека становится уже совсем не метафорической ее характеристикой. Во-вторых, в данной проблематике сегодня уже сформировались определенные «точки согласия» между исследователями. Среди них можно выделить несколько: 1) представление о детерминации кризиса идентификационных структур личности условиями современного социального пространства; 2) все большее включение данного понятия в круг других психологических концептов, исходно с ним не связанных; 3) сдвиг от изучения структурных составляющих идентичности к анализу ее процессуальных характеристик (Белинская, 2018). В-третьих, при известном «размывании» традиционных дихотомий в анализе Я (дифференциация vs интеграция, константность vs изменчивость, активность vs зависимость) сегодня идентичность все чаще понимается как следствие тех или иных стратегий ориентировки в потоке информации (Емелин, Рассказова, Тхостов, 2016). Подчеркнем, что вышеуказанные характеристики проблематики идентичности не только сохраняются, но и усиливаются при ее «переносе» в пространство виртуального взаимодействия.

Но исследования виртуальной идентичности имеют, естественно, и свои специфические особенности. В их основе лежат, прежде всего, объ-

ективные обстоятельства, связанные с вступлением в активную социальную жизнь так называемого «цифрового поколения»: наличие возраст-но-цифровой стратификации как социального факта задает определенные ограничения любому эмпирическому исследованию виртуальной идентичности. Каковы же особенности российских юных пользователей – подлинных представителей «цифровой эпохи»?

Прежде всего отметим, что по ряду исследований (см., например, Солдатова, Нестик, Рассказова, Зотова, 2013) для них характерно представление о виртуальном взаимодействии и, как следствие, о собственной самопрезентации в социальных сетях как о факте, неотделимом от реальной практики повседневности: если еще десять-пятнадцать лет назад интернет-коммуникация выступала как принципиально «другое пространство», то сегодня с точки зрения большинства пользователей реальная и виртуальная жизнь «неотделимы друг от друга», что и неудивительно – более 90% российских пользователей в возрасте 18–24 лет заходят в Сеть каждый день, являясь пользователями «ВКонтакте». Субъективным «водоразделом» для них между виртуальным миром и реальностью является лишь характер табуированных для широкого обсуждения тем: так, в виртуальном взаимодействии в отличие от реального в большей степени допустимым становятся темы собственных политических и религиозных предпочтений, а в реальной коммуникации – проблемы в межличностных отношениях (с родителями и сверстниками противоположного пола). Интересно, что для юных пользователей характерна высокая степень осознанности потенциальных рисков виртуальной коммуникации, – возможно, в силу достаточно частого столкновения с ними: так, по самоотчетам каждый третий уже сталкивался в социальных сетях с негативной информацией (жесткое порно, сцены насилия, убийства), со взломом профиля, кражей персональных данных и секстингом, а каждый второй – с кибербуллингом. Интересно, что столь негативный опыт практически не сказывается на чувствах, сопровождающих виртуальное взаимодействие: как и их зарубежные сверстники, российские «дети цифры» в качестве ведущих эмоциональных состояний своей виртуальной жизни отмечают интерес, радость и удовольствие, что не исключает, тем не менее, периодически чувства зависти и одиночества. Возможно, именно это практическое неразличение цифровым поколением реального и виртуального миров задает снижение влияния на их идентичность специфики культуры сетевого взаимодействия: так, если десятилетие назад многие юные считали интернет-коммуникацию местом «развития»,

«самопознания», «игры со своим Я», то сегодняшние их сверстники уже не считают, что стали лучше понимать себя благодаря социальным сетям или же могут быть в виртуальном взаимодействии более открытыми.

Специфичной является и динамика проблематики виртуальной идентичности за последнее десятилетие. Так, на своем старте исследователи акцентировали отличия виртуальной идентичности пользователя от его реальных идентификаций: повсеместно подчеркивались альтернативность виртуальных Я-образов пользователя его представлениям о Я-реальном, множественность и изменчивость виртуальных идентичностей. Объяснения этой феноменологии варьировали в довольно широком диапазоне – от утверждения тезиса о неизбежной редукции в виртуальности человека к текстам как неким семиотическим манифестациям до констатации расширенных возможностей самопрезентации как источника личностной компенсаторики. Сегодня ситуация изменилась. Прежде всего, согласно исследовательским данным, оказалось, что в своей массе пользователи социальных сетей предоставляют о себе достоверную информацию, стремясь не столько к «самоконструированию в виртуальности», сколько к демонстрации «себя настоящего» через легко проверяемую социо-ролевою информацию и личные фотографии (Zhao et al., 2008; Hinz et al., 2010). Соответственно, фокус исследовательского интереса сместился к поиску общих оснований виртуальных и социальных идентификаций. В итоге уже достаточно утвердившимся стал тезис о том, что социальные сети являются на данный момент эффективным ресурсом для выражения реальной идентичности пользователя: в сетевой коммуникации человек конструирует не саму идентичность, а своего рода ее «виртуальную оболочку», являющуюся проекцией реальной идентичности (Back et al., 2010). И в этом смысле «игры с идентичностью» в виртуальном пространстве, вызывавшие исследовательский энтузиазм еще пятнадцать лет назад, скорее всего, закончились. Актуальный исследовательский вопрос заключается отныне не в том, *что* именно из всего многообразия Я проецирует пользователь в виртуальное взаимодействие, а в том, *как* он это делает. Иными словами, – при всех декларациях слияния виртуальности и реальности насколько мы еще способны рефлексировать их «разрывы»?

Представляется, что актуальное уменьшение различий между виртуальной и реальной идентичностями касается в основном структурно-содержательных характеристик, в то время как их динамические особенности могут быть различными. Наиболее релевантной, с нашей точки

зрения, теоретической основой для эмпирической проверки данного предположения является модель идентичности М. Берзонски (Berzonsky, 2008), отражающая как структурные, так и динамические особенности идентификации.

В ходе проведенного эмпирического исследования на выборке в 100 человек пользователей «ВКонтакте» (медиана возраста = 22,3 года), в ходе которого использовался опросник М. Берзонски, заполняемый дважды – с позиции «Я-реальное» и «Я в социальной сети», были выявлены различные соотношения сетевой и реальной идентичности для пользователей с разными идентификационными стилями (см. подробнее: Белинская, 2016). Так, для пользователей с *информационным* стилем идентичности содержание образов «Я-реальное» и «Я-виртуальное» практически совпадало, причем в обоих случаях в них преобладали позитивные самохарактеристики. При этом и в случае реального, и в случае виртуального взаимодействия они сохраняли свой стиль идентичности. Иными словами, для них виртуальная коммуникация образует единое пространство с реальностью, являясь источником самоподтверждения. В свою очередь, пользователи с *нормативным* стилем идентичности демонстрировали наибольшие различия между образами «Я-реальное» и «Я-виртуальное», причем «Я-виртуальное» оценивалось ими преимущественно негативно. В виртуальном взаимодействии они становились значимо менее нормативными и имели более диффузные представления о себе, то есть на них виртуальная коммуникация влияла сильнее, не образуя единого пространства с реальностью и оставаясь источником самоконструирования. Наконец, пользователи с *диффузным* стилем идентичности также демонстрировали значимое расхождение образов «Я-реальное» и «Я-виртуальное», однако «Я-виртуальное» оценивалось ими преимущественно позитивно, и, соответственно, для них виртуальное пространство являлось источником самоусиления. Подчеркнем, что пользователи с нормативным и диффузными стилями идентичности составляли абсолютное большинство выборки, несмотря на свою очевидную принадлежность к «цифровому поколению». И тем самым можно утверждать, что этих пользователей при всех субъективно отмечаемых ими пересечениях и даже слияниях реальности и виртуальности создание своего виртуального Я продолжает, скорее, оставаться одним из вариантов самопрезентации, нежели способом манифестации своего подлинного Я.

Библиографический список

1. *Аянян А.Н., Маринковская Т.Д.* Социализация подростка в информационном пространстве // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. URL: <http://psystudy.ru/num/2016v9n46/1262-ayanyan46> (дата обращения: 15.05.2018).
2. *Белинская Е.П.* Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858> (дата обращения: 15.05.2018).
3. *Белинская Е.П.* Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Образование личности. 2016. № 2. С. 31–40.
4. *Белинская Е.П.* Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2018. Т. 8. № 1. С. 6–15.
5. *Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш.* Информационные технологии в структуре идентичности человека: возможности и ограничения рисуночной методики // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. URL: <http://psystudy.ru/num/2016v9n45/1233-emelin45> (дата обращения: 18.05.2018).
6. Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования / *Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова*. М.: Фонд Развития Интернета, 2013.
7. *Berzonsky M.* Identity formation: The role of identity processing style and cognitive processes // *Personality and Individual Differences*. 2008. V. 44. P. 645–655.
8. Facebook Profiles Reflect Actual Personality, Not Self-Idealization / *M.D. Back., J.M. Stopfer, S. Vazire et. al.* // *Psychological Science*. 2010. № 3. P. 372–374.
9. *Hinz O., Spann M., Hann I.* Prestige goods and social status in virtual worlds // *International Conference on Information Systems 2010 (ICIS 2010)*. St. Louis. Missouri. 2010. December, 12–15. Vol. 190. URL: <https://goo.gl/Kami7Y> (дата обращения: 04.05.2018).

10. *Zhao S., Grasmuck S., Martin, J.* Identity construction on Facebook: Digital empowerment in anchored relationships // *Computers in Human Behavior*. 2008. Vol. 24(5). P. 1816–1836.

Network identity: managed self-presentation or genuine self?

Belinskaya E.P.,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract. The problem of network identity is considered in the context of the process of information socialization. It is emphasized that one of the most important facets of socialization of the individual in the space of Internet communication is the process of correlation of real and virtual identities in a single image of the Self. The main features of the current state of the problem field of identity research, including the constant expansion of the studied phenomenology, the presence of certain "points of agreement" between researchers and increasing attention to the processes of human orientation in information flows are highlighted. The specific features of the "digital generation" determining the age-digital stratification of modern society and setting certain limits to empirical research of virtual identity are emphasized. It is noted that the last decade of the study of identity in Internet communication is characterized by an increasing shift in content—from the emphasis on the differences between the virtual identity of the user from his real identities to the search for common grounds of virtual and social identities. The article presents the main results of an empirical study that demonstrated the relationship between the virtual and real identities of representatives of the "digital generation" with their characteristic identity styles.

Keywords: information society, virtual interaction, network identity, virtual self-presentation.

Реальная и виртуальная идентичность современных подростков и юношей*

Аянян А.Н.,

Психологический институт РАО,
г. Москва

Аннотация. Рассматривается актуальность исследования идентичности в контексте современного информационного пространства. Представлены результаты современных исследований реальной, виртуальной и сетевой идентичности. Приводятся данные эмпирического исследования, в котором выделяется категория «информационных» самоописаний и стирание граней между самоописаниями реальной и сетевой идентичности. Обосновывается высокий развивающий потенциал современного информационного пространства сети Интернет, которое рассматривается как инструмент конструирования различных аспектов идентичности пользователей. Отмечается изменчивость трендов в сети Интернет, быстрое появление новых информационных продуктов и снижение востребованности предыдущих.

Ключевые слова: идентичность, сетевая идентичность, информационное пространство, Интернет, подростки.

Изучение становления реальной, виртуальной и сетевой идентичности в контексте современного информационного пространства является одной из перспективных и актуальных тенденций в психологической науке. Самореализация в цифровом пространстве «предполагает более жесткую ответственность и индивидуализацию за выбор стратегии поведения и общения» (Белинская, 2018). Современное информационное пространство и, в частности, сеть Интернет, позволяет пользователям, с одной стороны, получить больше возможностей и вариаций, с другой стороны, создает значительные трудности в отношении самоопределения и конструирования представлений о себе.

По мнению А.Е. Войскунского и др., «задачи, связанные с психологией идентичности в Интернете, в условиях виртуальной реальности, в особенности в блогосфере и в социальных сетях, становятся чрезвычайно

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 16-06-00161 «Экзогенные и эндогенные факторы информационной социализации».

актуальными для современной психологии» (Войскунский, 2013, с. 99). Актуальные исследования виртуальной идентичности, подразумевающей использование специального оборудования и систем конструирования виртуальной реальности, в полной мере не раскрывают всех видов активности личности, появившихся с сетью Интернет. Таким образом, понятие сетевой идентичности в большей мере позволяет раскрыть усилия индивида по выбору и творческому конструированию своего образа посредством возможностей различных платформ сети Интернет, нежели понятие виртуальной идентичности. Изучение сетевой идентичности позволяет отследить тенденции самоопределения в современном информационном пространстве. Кроме того, «официальные» сетевые идентичности достаточно часто соответствуют реальным идентичностям; при этом для альтернативных идентичностей попросту заводятся специальные страницы в социальных сетях, и такого рода альтернативных страниц может быть более одной» (Войскунский, 2013, с. 103).

Пространство сети Интернет обладает высоким потенциалом к развитию и характеризуется технологичностью, анонимностью общения, доступностью обращения к информационным ресурсам, возможностью для «игры с идентичностью». Как реальный, так и сетевой партнер играет роль своеобразного экрана, позволяющего спроецировать некоторые части собственного Я, что позволяет решить две задачи: «перестать бояться других и достичь нового уровня интеграции собственной личности» (Кузнецова, 2008, с. 177).

Активное использование социальных сетей современной молодежью оказывает влияние на формирование индивидуального, субъективного пространства, которое начинает доминировать в общей картине мира. По мнению Н.А. Голубевой, социальные сети позволяют:

- снимать или существенно снижать как личностные, так и социальные коммуникативные барьеры;
- расширять картину мира и выстраивать разные варианты представления о реальности;
- получать «виртуальный опыт» и принимать решение о необходимости перевода полученного опыта в реальный;
- соответствовать современному темпу жизни;
- «проживать» много разных жизней (Голубева, 2018).

Эмпирическое исследование Н.С. Козловой показало, «что те, у кого активно происходит процесс формирования виртуальной идентичности, характеризуются достаточно широким диапазоном видов активности в

интернет-среде, которые в целом и обеспечивают ее возникновение» (Козлова, 2015, с. 119). Респонденты с выраженной виртуальной идентичностью искали в сети Интернет людей со схожими взглядами, единомышленников, входили и активно участвовали в деятельности в различных группах и сообществах, проходили опросы по различной тематике. По мнению автора, итогом подобной сетевой активности как раз является «возникновение чувства причастности, общности, единства с другими, то есть та база, на которой и образуется идентичность» (Козлова, 2015, с. 119). Представители данной группы участников исследования проявляли интерес и к другим возможностям Интернета (доступ к мультимедийным ресурсам, онлайн-магазинам и покупкам, решению деловых и рабочих вопросов). Автор заключает, что для респондентов с виртуальной идентичностью свойственно рациональное и многофункциональное использование Интернета (развлечение, решение практических задач как в бытовой, так и в профессиональной области). Отмечается так же, что респонденты с виртуальной идентичностью рассматривают Интернет как источник удовлетворения потребности в социальных связях и дружбе. Исследователь акцентирует внимание на том, что ориентация на «социальные нужды» способствует укреплению виртуальной идентичности и может привести к превышению ее значимости в сравнении с реальной. В целом участники исследования с выраженной виртуальной идентичностью отмечают позитивное влияние Интернета на их жизнь, при этом некоторые отмечали, что увеличение длительности и частоты пребывания в Интернете чревато возникновением проблем в семье. Участники исследования отметили удовлетворение ввиду реализации социальных потребностей, общения, рационального использования полезных ресурсов и возможностей Интернета.

Исследование реальной идентичности подростков и молодежи, проведенное нами в 2014 и 2017 годах, показало, что среди них распространено использование характеристик, которые возможно отнести к сетевой или виртуальной идентичности респондентов. В исследовании приняли участие старшеклассники, проживающие в Москве ($n = 96$) и Краснодарском крае ($n = 63$), и студенты первого курса одного из московских вузов ($n = 56$). Респондентам были предложены методики «Кто Я» и «Я в прошлом. Я в настоящем. Я в будущем». Анализ результатов исследования показал, что в ответах подростков и молодых людей фигурируют «информационные» самоописания (Аянян, 2016; Аянян, 2018), выделенные автором в отдельную категорию. К «информационным» само-

описаниям мы отнесли слова и выражения, относящиеся к информационному пространству и цифровым технологиям, виртуальному пространству. Среди подростков, проживающих в Москве «информационные» самоописания встречаются чаще, нежели у подростков из Краснодарского края, вероятно, ввиду того, что на момент проведения исследования проникновение Интернета в регионы значительно отставало от Москвы. Кроме того, у студентов процент «информационных» самоописаний выше, чем среди подростков. Исследование вскрыло быструю смену трендов в сети Интернет – за три года как появились и стали популярными новые информационные продукты, так и снизилась востребованность других. Новые и усовершенствованные информационные продукты открывают множество возможностей для своих пользователей (например, в Инстаграме и других социальных сетях можно создать сториз – ограниченные во времени публикации, кроме того, можно выборочно сохранять важные и востребованные, по мнению владельца аккаунта, сториз – «вечные» сториз. Отдельное внимание заслуживает функция запуска прямого эфира, когда к трансляции может подключиться большое количество слушателей, вести диалог в чате и даже присоединиться к эфиру в формате телемоста.

Информационное пространство сети Интернет, безусловно, выступает в качестве плацдарма конструирования различных аспектов своей идентичности среди пользователей. В сети пользователи получают возможность вступать в условно безопасное и контролируемое взаимодействие, по крайней мере, на физическом уровне, коммуницировать, получать необходимую информацию и обратную связь от участников взаимодействия. Все это, на наш взгляд, способствует вариативному и успешному решению задач социализации и индивидуализации подрастающего поколения.

Библиографический список

1. Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д. Социализация подростков в информационном пространстве // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.09.2018).
2. Аянян А.Н. Феномен «информационных» самоописаний в представлениях о себе у современных подростков и молодежи // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сборник научных статей / Под ред. Р.В. Ершова. Коломна:

- Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 32–35.
3. *Белинская Е.П., Гавриченко О.В.* Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.09.2018).
 4. *Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю.* Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.
 5. *Голубева Н.А.* Современные технологии общения подростков и молодежи в цифровом обществе // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сборник научных статей / Под ред. Р.В. Ершова. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 106–110.
 6. *Козлова Н.С.* Реальная и виртуальная идентичность // Социум и власть. 2015 Т. 52. № 2. С. 118–121.
 7. *Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В.* Психология жителей Интернета. М.: Издательство «ЛКИ», 2008.

Construction of real and network identity of adolescents in the modern information space

Ayanyan A.N.,
Psychological Institute of the RAE, Moscow

Abstract. The relevance of identity research in the context of the modern information space is considered. The results of modern studies of real, virtual and network identity are presented. The data of empirical research are given, in which the category of "information" self-descriptions and the erasure of faces between self-descriptions of real and network identities are distinguished. The high developing potential of the modern information space of the Internet is justified, which is considered as a tool for designing various aspects of user identity. There is a change in trends in the Internet, the rapid emergence of new information products and a decrease in the demand for the previous ones.

Key words: identity, network identity, information space, Internet, adolescents.

Социальные сети в образе мира современной молодежи

Бусыгина Н.Р., Аблов О.И.,

Московский государственный психолого-педагогический университет,
г. Москва

Аннотация. В исследованиях последних лет тезис об альтернативности виртуального и реального миров был переосмыслен. Сегодня виртуальное пространство рассматривается как неотъемлемая часть жизненного мира современных людей. В исследованиях наблюдается своеобразный поворот к изучению смыслов, которыми наделяется «жизнь в виртуальном пространстве» самими пользователями. Особенно показательно в этом отношении масштабное этнографическое исследование Д. Миллера и коллег. Проведенное нами качественное эмпирическое исследование было нацелено на изучение того, какое место занимают социальные сети в повседневной жизни российской молодежи. Данные собирались при помощи полуструктурированного интервью, в качестве респондентов выступили 27 молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. В анализе интервью использовался метод тематических сетей, позволивший выделить и описать четыре глобальные темы, в совокупности представляющие основные смыслы общения в социальных сетях у молодежи: возможность «держать руку на пульсе событий», «саморежиссура» и самовыражение в сети, чувство свободы и принудительность социальных сетей.

Ключевые слова: социальные сети, смысл, метод тематических сетей, онлайн-исследования, повседневность.

Одной из характерных особенностей исследований виртуального взаимодействия, проводившихся в 1990–2000-е годы, был акцент на различиях виртуального и реального общения, виртуальной и реальной идентичности. Виртуальные Я-образы интерпретировались либо как компенсация – выражение идеализированного Я или его вытесненных аспектов, либо как поиск – стремление и возможность получения нового опыта (Белинская, Франтова, 2017). В более позднее время, однако, тезис об альтернативности социального и виртуального миров был переосмыслен. Сегодня виртуальное пространство рассматривается как неотъемлемая часть повседневной реальности современного человека (Королева, 2016). Соответственно меняется стилистика, концептуальный

аппарат и интерпретативные рамки исследований «субъекта в сети», происходит своеобразный поворот к исследованию смыслов, которыми наделяется «жизнь в виртуальном пространстве» самими пользователями.

Показательным в этом отношении стало масштабное этнографическое исследование Д. Миллера и коллег (Miller et al., 2016), проводившееся в течение 15 месяцев в девяти странах мира и направленное на изучение смыслов использования социальных сетей представителями разных культур и этносов. Исследование продемонстрировало, что современные люди настолько глубоко погружены в социальные медиа, что нередко то, что им представляется наиболее важным в эмоциональном плане, они проживают именно онлайн. Д. Миллер показывает, как коммуникация в социальных сетях становится ответом на культурные запреты, полем конструирования новых культурных ритуалов и смыслов, маркером социальных изменений.

Наше эмпирическое исследование было нацелено на изучение того, какое место занимают социальные сети в повседневной жизни российской молодежи: как молодые люди воспринимают свое общение в социальных сетях, какие смыслы ему приписывают, как и для каких целей они их используют. В исследовании приняли участие 15 мужчин и 12 женщин в возрасте от 18 до 25 лет. В выборку вошли молодые люди, считающие себя активными пользователями сети, у которых есть аккаунты в двух и более социальных сетях («Twitter», «Facebook», «Instagram», «Telegram», «ВКонтакте»). С респондентами проводилось полуструктурированное интервью, в процессе которого их расспрашивали об опыте общения в социальных сетях. Интервью записывались на диктофон и затем расшифровывались. В анализе интервью использовался метод тематических сетей (Attride-Stirling, 2001), позволяющий перейти от первичной организации материала – базовых тем – к их объединению в организующие темы и затем в глобальные. Результатом исследования стало выделение и насыщенное описание нескольких глобальных тем, в совокупности представляющих основные смыслы общения в социальных сетях у молодежи.

Социальные сети, по выражению одного из респондентов, позволяют «держат руку на пульсе событий». Респонденты говорят о том, что благодаря социальным сетям они имеют возможность чувствовать свою включенность в социальную жизнь, постоянно поддерживать свою связь с миром. Речь идет как о включенности в жизнь своих знакомых, друзей, родных, так и о возможной включенности в социальные и политические

события. «Благодаря Фэйсбуку я знаю, чем живут друзья – те, с которыми офлайн я давно не виделась, да бывает и так, что виделась, но не успела расспросить, – привет! – привет! и все, а в Фэйсбук заглянешь, и все знаешь, у кого что», – рассказывает одна из респонденток. Просмотр онлайн-трансляций, ленты новостей дает возможность быстро сориентироваться в том, что происходит в мире или в собственном городе/районе, какие намечаются события политической или культурной жизни – все это оказывается очень значимым для молодых людей.

«Саморежиссура» и самовыражение в сети – следующая глобальная тема, звучащая в интервью. Социальные сети позволяют выразить свое мнение по интересующему вопросу, написать пост о наболевшем или просто важном – и его прочитают. Сети – это, помимо всего прочего, аудитория, которая как-то отнесется к высказанному. Респонденты подчеркивают, что высказывание – это всегда риск оказаться в зоне негативных оценок и даже травли, но у пользователя есть способы защиты: выбор, для кого именно высказываться, кого включать в список друзей, кого банить и т. п. Кроме того, социальные сети, по выражению одного из респондентов, дают возможность «проживать привлекательного себя» – конструировать желаемый Я-образ, активно режиссировать историю своего героя (себя самого).

С социальными сетями молодые люди связывают свое чувство свободы: «делаю, что хочу; смотрю, что хочу». Случается так, что молодой человек перестает получать то, ради чего он использовал социальную сеть, что влечет за собой расширение используемых ресурсов сети и «текучку» из одной сети в другую.

Однако неверно думать, что социальные сети имеют для молодых людей только положительный смысл. Респонденты говорят о принудительности сетей: казалось бы, у человека есть выбор, когда, как и какой сетью пользоваться, есть возможность в любой момент отключиться, «быть офлайн», однако само присутствие в социальных сетях (наличие аккаунтов) как будто «привязывает» человека к сети – «надо отметить, иначе такое чувство, что тебя типа и нет вообще». «Отмечаться в сети» (фотографиями, собственными текстами или хотя бы репостом чужого контента) становится своеобразным императивом, что порой приводит к чувству переполненности онлайн-коммуникацией, ощущению, что социальные сети отнимают чересчур много времени и сил.

Библиографический список

1. *Белинская Е.П., Франтова Д.К.* Активность в виртуальном взаимодействии как фактор конструирования идентичности пользователями социальных сетей: межпоколенные различия // Вестник РГГУ. Серия «Психология». 2017. № 3. С. 22–37.
2. *Королева Д.О.* Исследование повседневности современных подростков: присутствие в социальных сетях как неотъемлемая составляющая общения // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 55–61.
3. *Attride-Stirling J.* Thematic networks: an analytic tool for qualitative research // *Qualitative Research*. 2001. Vol. 1. No. 3. P. 385–405.
4. *How the World Changed Social Media / D. Miller et al.* London: UCL Press, 2016. URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/1474805/1/How-the-World-Changed-Social-Media.pdf> (дата обращения: 23.08.2018).

Social networks as a part of young people's life world

Busygina N.P., Ablov O.I.,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow

Abstract. In recent studies, the thesis about the alternatives of the virtual and real worlds has been rethought. Today the virtual space is considered as an integral part of the life world of modern people. It can be observed a turn to the study of meanings given to “life in virtual space” by the users. An example is a significant ethnographic study of D. Miller and colleagues. The aim of our qualitative empirical research was to study the place of social networks in the everyday life of young people in Russia. As a method of data collection, a semi-structured interview with 27 young people aged 18–25 years was used. Interview was analyzed using the thematic network method. Four global themes representing the main meanings of communication in social networks among young people were identified and described: “keeping an eye on the pulse of events”, self-direction and self-expression, sense of freedom, compulsory force of social network.

Keywords: social networks, meaning, thematic networks, digital studies, everyday life.

Современные исследования психологического благополучия цифрового поколения*

Тихомандрицкая О.А., Мальшева Н.Г., Шаехов З.Д.,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва

Аннотация. В статье обосновывается актуальность исследования психологического благополучия у представителей цифрового поколения – подростков, рожденных в 2000-е годы. Рассмотрены подходы к пониманию психологического благополучия. С позиций концепции Л.С. Выготского предлагается анализировать изучаемый феномен как переживание. В качестве факторов психологического благополучия выделяются знаковые системы культуры (параметры культуры) и социума (ориентация на социальное доминирование и социальные верования).

Ключевые слова: культурно-историческая психология, психологическое благополучие, ориентация на социальное доминирование, социальные верования, культура, цифровое поколение.

В современной экономической и социальной ситуации развития нашего общества особое значение приобретает качество жизни человека, его психологическое благополучие. Эта проблема касается всех возрастных групп людей, но особый смысл она приобретает, когда речь идет о поколении молодых людей, находящихся на пороге вступления во взрослую жизнь.

Дети, родившиеся в начале XXI века, оказались в особых условиях, когда, с одной стороны, они воспитываются в традициях постсоветских ценностей, с другой – на них оказывает влияние новая социальная обстановка, широкая доступность информации, новые ценности и нормы. Их можно отнести к *цифровому поколению*, так как бурно развивающиеся информационные технологии стали средой для их социализации с самого начала. Сегодня Интернет рассматривается и с точки зрения предоставляемых возможностей (преодоление изоляции и одиночества; анонимность, которая позволяет создать пространство непредвзятого общения и взаимодействия; доступ к знаниям и др.), и с точки зрения опасностей

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 18-013-01206 «Социокультурные и гендерные факторы психологического благополучия поколения XXI века».

(нарушение безопасности; кибербуллинг; стресс от переизбытка поступающей информации и др.). Поэтому вопрос о том, предоставляет ли информационное общество условия для роста или для снижения психологического благополучия подрастающего поколения, остается открытым.

Отечественные авторы отмечают, что психологическое благополучие – это устойчивое свойство, в котором преобладают положительные эмоции, присутствуют крепкие взаимоотношения, вовлеченность субъекта в процесс жизнедеятельности, осознание осмысленности жизни и позитивная самомотивация (Водяха, 2013). Психологическое благополучие отражает внутреннюю целостность человека, степень принятия им самого себя.

Надо сказать, что о психологическом благополучии как об объекте научного исследования заговорили с 50-х годов XX века. Отправной точкой в изучении данного феномена послужила позитивная психология, в рамках которой ученые предложили сосредоточить внимание на потенциале и ресурсах индивида, его позитивном функционировании. Психологи данного направления высказали идею о том, что для полноценного, счастливого и благополучного функционирования личности недостаточно избавить его от симптомов и проблем, необходимо работать над факторами благополучной жизни и деятельности, подробно изучая именно данную сферу (Аргайл, 2007).

Установлено, что в формировании психологического благополучия принимают участие когнитивная и эмоциональная стороны самопринятия, то есть оценка самим субъектом степени удовлетворенности определенными сторонами своей жизни и актуальное эмоциональное настроение.

Взяв общие структурные элементы теорий о позитивном функционировании личности, К. Рифф (Ryff, Keyes, 1995) выделила шесть составляющих психологического благополучия:

- позитивное отношение к себе и своей прошлой жизни (*самопринятие – Self-Acceptance*);
- наличие целей и занятий, придающих жизни смысл (*цели в жизни – Purpose in Life*);
- способность выполнять требования повседневной жизни (*компетентность – Environmental Mastery*);
- чувство непрекращающегося развития и самореализации (*личностный рост – Personal Growth*);

- отношения с другими, пронизанные заботой и доверием (*позитивные отношения с другими – Positive Relations with Others*);
- способность следовать собственным убеждениям (*автономность – Autonomy*).

В целом, благополучие может быть оценено объективно, как степень удовлетворения разного уровня потребностей людей и соответствия определенным социальным критериям и стандартам, или же субъективно, через личные оценки и мнения самих субъектов. И в том, и в другом случае для понимания всех составляющих благополучия необходим учет социальной ситуации развития личности, своеобразных для каждого возрастного периода отношений между человеком и окружающей его социальной действительностью (Фоломеева, Серегина, 2004). Возможности для подобного анализа и предоставлены культурно-исторической концепцией.

Как известно, суть психологических взглядов Л.С. Выготского составляет положение о культурно-исторической природе собственно человеческих форм психических функций, названных им высшими психическими функциями. Они образуются прижизненно в результате овладения внешними средствами культурного поведения и мышления, которые были названы *знаками*. Знак становится посредником между человеком и культурой. Необходимость изучения культурно-заданных эталонов, знаковых систем, предоставляемых данной культурой, дает ключ к пониманию закономерностей восприятия своего благополучия, удовлетворенности своей жизнью.

Так, например, шкала «автономность» в модели К. Рифф предполагает независимость от социальных норм и мнения окружающих как важную составляющую психологического благополучия. Однако, очевидно, что общества различаются в своем отношении к автономности – в коллективистических культурах знаковые системы выстроены вокруг ориентации на группу, поэтому выбор в пользу собственного мнения вместо социальных норм и мнения близких будет скорее осуждаться, а индивидуалистические – высоко ценят и поощряют способность человека следовать своим личным убеждениям. И учет подобных культурно-заданных норм позволяет заметить, что у коллективистов меньшая независимость не будет приводить к снижению психологического благополучия.

Связь культуры с личностью Л.С. Выготский обозначает через особую опосредствованность – *переживание*, которое и позволяет пре-

одолеть разобщенность человека и культуры, выступая особым динамическим аспектом их взаимодействия (Баянова, 2007, с. 172). «В переживании дана, с одной стороны, среда в ее отношении ко мне, с другой – особенность моей личности» (Выготский, 1984, с. 383). Знак как основная составляющая культуры у Л.С. Выготского начинает свое движение к личности, приобретая свое значение и, в конечном счете, становится определенным смыслом для личности – личностным смыслом, понятием, которое в продолжение культурно-исторических традиций рассматривает в своей теории деятельности А.Н. Леонтьев.

Возвращаясь к проблеме благополучия, можно констатировать тот факт, что именно культура, с одной стороны, определяет те нормы, стандарты и правила жизни человека, которые могут быть рассмотрены как некоторые знаковые системы, задающие развитие личности. С другой стороны, становясь значимыми для человека, приобретая личностный смысл, они посредством переживаний, эмоционального опыта человека могут быть оценены им как соответствующие или не соответствующие своему собственному положению, своим достижениям, успешности или не успешности своего поведения и, следовательно, приносящие или не приносящие удовлетворение. В данном случае именно переживание «как единица социальной ситуации помогает ее осознанию и, в качестве смысла ситуации для данного человека, влияет на его развитие» (Марцинковская, 2015, с. 84). Таким образом, благополучие человека изначально определяется особенностями культуры и социума, а потом становится его субъективным переживанием, которое в свою очередь является «важнейшим психологическим содержанием его жизни: отсутствие этого содержания приводит к обесцениванию жизни человека» (Божович, 2008, с. 365).

Мы полагаем, что переживаемые особенности культуры могут быть операционализированы как различные ее параметры, например, изучавшиеся Г. Хофстеде, коллективизм/индивидуализм, маскулинность/феминность и другие. А особенности социума мы предлагаем рассматривать через призму теории социального доминирования Джима Сиданиуса и Фелисии Пратто. Авторы исходят из идеи, что все современные общества имеют иерархизированную структуру и проводят достаточно явные границы между высоко- и низкостатусными группами. Однако люди и общества могут различаться по тому, насколько они поддерживают подобный порядок и считают его правильным, то есть они будут обладать разной степенью *ориентации на социальное доминиро-*

вание. И хотя этот показатель описывается как индивидуальный, очевидно, что он формируется различными социальными мифами и идеологиями, поддерживается существующими социальными институтами (по: Гулевич, 2018).

Проявлением влияния широкого социального контекста могут быть системы представлений о мире и людях в этом мире, которые называют *социальными верованиями* (Гулевич, Аникеенок, Безменова, 2014). Например, люди могут верить в «опасный мир», переживая его как хаотичный и непредсказуемый, наполненный угрозами существующему социальному порядку. Или верить в «конкурентный мир», переживаемый как состязание, в котором важно выиграть любой ценой, потому что другие люди движимы единственной целью – «обыграть» меня. Социальные верования позволяют идеологиям и мифам звучать убедительно и подталкивать к стремлению доминировать и поддерживать существующую иерархическую систему.

Исследования позволяют сделать вывод, что ориентация на социальное доминирование является хорошим предиктором для различных форм политических, гражданских и социально-ориентированных установок и действий, что делает ее исследование особенно актуальным для изучения подрастающего поколения. В свою очередь именно эти аспекты поведения направлены на поддержание или изменение социального порядка и могут способствовать повышению или понижению психологического благополучия цифрового поколения.

Библиографический список

1. *Аргайл М.* Психология счастья. М.: Прогресс, 2007.
2. *Баянова Л.Ф.* Феномен культуры в истории психологии. М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2007.
3. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008.
4. *Водяха С.А.* Предикторы психологического благополучия студентов // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 70–74.
5. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984.
6. *Гулевич О.А., Аникеенок О.А., Безменова И.К.* Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 68–89.

7. *Гулевич О.А.* Психология межгрупповых отношений. М.: Юрайт, 2018.
8. *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
9. *Фоломеева Т.В., Серегина И.С.* Социальные представления о благополучии // Мир психологии. 2004. № 3. С. 122–133.
10. *Ryff C.D., Keyes C.L.* The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. № 4. P. 719–727.

Psychological wellbeing of digital native: prospects of research applying Lev Vygotsky cultural historical theory

Tikhomandritskaya O., Malysheva N., Shaekhov Z.,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract. The article proves the relevance of the study of psychological well-being in the representatives of the digital native – adolescents, who was born in the 2000s. Approaches to understanding psychological well-being are considered. From Lev Vygotsky cultural historical theory perspective we propose to analyze psychological well-being as an experience. Signs of culture (parameters of culture) and society (orientation to social dominance and social beliefs) are singled out as factors of psychological well-being.

Keywords: cultural historical psychology, psychological well-being, social dominance orientation, social beliefs, culture, digital native.

Исследования культурной памяти в социальных сетях*

Фоломеева Т.В., Винокуров Ф.Н.,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются предварительные результаты исследования трансляции культурной памяти о четырех праздниках с помощью анализа публикаций в социальной сети. В ходе анализа 13,8 тыс. публикаций в дни праздников репрезентативной выборки 2,2 тыс. пользователей «ВКонтакте» старше 14 лет были автоматически выделены темы документов методом LDA. Помимо тем, связанных с особенностями потребительского поведения, была выявлена специфичная тема публикаций в дни всех праздников у пользователей старше 39 лет – поздравительные открытки – наиболее доступный и привычный для старшего поколения элемент праздничного ритуала. Опыт проведенного исследования иллюстрирует преимущества и ограничения автоматизированного анализа больших текстовых данных в социальной психологии.

Ключевые слова: культурная память, социальные представления, праздник, социальная сеть, большие данные, тематическое моделирование.

Исследования культурной памяти являются современным трендом в гуманитарном знании, что не мешает самому понятию оставаться дискутируемым. Также как и термин «коллективная память» широко используется, общее понимание того, что он означает, только начинает формироваться (Wertsch, Roediger, 2008). Тем не менее, даже противники данного концепта не подвергают сомнению социальную обусловленность культурной памяти и ее изменчивость. Осознание того факта, что представления о прошлом постоянно трансформируются и включены в непрерывные социальные изменения, стимулирует исследователей изучать связь образа прошлого с настоящим состоянием общества (Васильев, 2015).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества»).

Социальная обусловленность и связь с культурной, исторической и общественной установкой находит свое подтверждение в социокультурном подходе к пониманию памяти, который опирается на идеи опосредованности высших психических функций человека орудиями и знаками Л.С. Выготского и диалогической ориентацией речи и языка М.М. Бахтина. Память базируется на коммуникации людей, общих ритуалах, символах и историях, воспоминания, припоминание, как и забывание связаны с другими людьми. «Существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» (Хальбвакс, 2007, с. 29). Культурные традиции и стереотипы определяют контекст восприятия прошлого в рамках конкретного сообщества. Особенностью современного западного общества стала посттрадиционность, но не в смысле исчезновения традиции, а в смысле ее абсолютной рефлексивности. Традиция перестала быть машинальной и стала дискурсивной рефлексивной. Культура «в себе» стала культурой «для себя». Потребители культурной памяти принимают, отвергают или трансформируют то, что предлагают им культурные традиции и творцы коллективной памяти (Васильев, 2011). Социальные сети представляют собой естественную «площадку», арену, на которой разворачиваются эти процессы.

Объектом нашего исследования выступили социальные представления о празднике, транслируемые пользователями социальной сети «ВКонтакте». Феномен праздника играет важную роль в культуре разных народов и давно привлекает внимание антропологов, культурологов, социологов и психологов. Праздник можно рассматривать как средство социального управления (О. Конт), анализировать его символическое содержание (Э. Дюркгейм, М. Мид, М. Мосс), связанные с ним мифы и ритуалы (Э.Б. Тайлор, В. Тэрнер), либо противопоставлять повседневному поведению (П. Бергер, Т. Лукман, Дж. Мид).

Предметом нашего исследования стало содержание представлений о праздниках «Новый год», «8 марта», «23 февраля» и «9 мая» у разных демографических групп россиян. Различия в представлениях о праздниках у представителей разных поколений в рамках культуры одной страны, на наш взгляд, могут выступать зеркалом достаточно глобальных социальных изменений, которые затрагивают все сферы общественных отношений (Карпова, 2008).

В качестве метода исследования был выбран анализ электронных текстовых документов – публичных записей пользователей социальной сети «ВКонтакте». Использованный нами подход к сбору и анализу документов для исследования сравнительно недавно вошел в арсенал современной социальной психологии, поэтому подробнее остановимся на его описании.

По данным Mediascope – компании, которая является основным измерителем потребления телевидения, интернета и других медиа в России – на начало 2018 года 73% россиян пользовались интернетом каждый месяц или чаще. При этом 43% городского населения России в возрасте с 12 до 64 лет пользовались социальной сетью «ВКонтакте» каждый день. Таким образом, дневная аудитория самой популярной социальной сети лишь на 1% меньше дневной аудитории поисковой системы «Яндекс» (44%), а значит достаточно хорошо репрезентирует российских пользователей интернета.

Выборка нашего исследования была сформирована по методике Web Sensus (Чекмьшев, Яшунский, 2014), которая позволяет проводить простой случайный отбор пользователей «ВКонтакте» по возрасту и городу проживания. С учетом размера аудитории этой социальной сети можно говорить, о том, что наша выборка репрезентирует население старше 14 лет в 18 крупнейших городах России. Всего случайным образом было отобрано 2200 пользователей, которые имели общедоступный профиль и оставались активными (посещали социальную сеть) в марте 2018 года.

Через официальный программный интерфейс социальной сети (API) с помощью разработанного для задач исследования приложения на языке Python было получено 13800 публичных текстовых записей, сделанных в интервале двух суток до и двух суток после праздничной даты (1 января, 23 февраля, 8 марта, 9 мая) с января 2010 по март 2018 года включительно. Каждая запись была дополнена общедоступными данными из профиля ее автора – возраст, пол, город проживания и др. Текст каждой записи был очищен от наиболее часто употребляемых слов русского языка и знаков пунктуации. Все слова были приведены к леммам (словарным формам) с помощью пакета PyMorphy2. Подобная предварительная обработка текстов позволила подготовить документы к автоматическому анализу с помощью тематического моделирования методом Латентного размещения Дирихле – LDA (Nikolenko и др., 2015).

Методы тематического моделирования и, в частности, LDA относятся к той группе методов машинного обучения, которые позволяют классифицировать текстовые документы «без учителя» – то есть без предоставленных заранее образцов документов, которые уже были распределены по темам экспертом-учителем. Модель LDA обучается на основании матрицы частотности слов в выборке документов. При этом грамматика и порядок слов в тексте, как правило, игнорируются. В задачи исследователя, применяющего данный метод анализа документов, входит подбор оптимального количества тем, которые будут выделяться алгоритмом, на основании интерпретируемости списков ключевые слов для каждой из тем.

Для каждого из четырех праздников нами была построена отдельная модель LDA из девяти тем. При этом от 5 до 7 тем, которые были автоматически распознаны каждой моделью, отражают различную рекламную информацию: продажа праздничных тортов, маникюр и другие услуги. С одной стороны, подобные сообщения можно классифицировать как «спам» и исключить из анализа. Тем не менее, на наш взгляд, это может отражать активизацию потребительского поведения в период праздников (например, подготовка праздничного стола, внешнего облика) и требует отдельного изучения.

При анализе возрастной специфики тем записей в социальной сети нами была выделена одна тема, по которой наиболее стабильно прослеживаются различия между поколениями в отношении всех четырех праздников. Эта тема представлена следующими ключевыми словами для каждого праздника, отсортированными по степени важности определения для темы: «Новый год» – «открытка новый картинка красивый поздравление здесь смотреть зима привет лошадь счастье петух коза удача собака овца незаменимый пожелание нажать успех», «9 мая» – «победа май картинка открытка днём красивый друг день хотеть великий узнать небо мирный переходить ссылка голова ответить праздник думать сделать», «8 марта» – «открытка март картинка красивый самый хороший женский день рф огромные сегодня праздник солнце радость ваш цвета цвести какой нога свет», «23 февраля» – «картинка открытка февраль красивый защитник отечество день масленица праздник рубль очень место уровень нужный чародей онлайн выручать ресурс редкий мужской». В каждой из выделенных тем присутствует слово «картинка», «открытка» или оба этих слова. Записи из этой темы обычно содержат сопровождающую их графическую иллюстрацию – изображение с поздравлениями.

Тема «поздравительной открытки» оказалась наиболее специфичной для пользователей социальной сети старше 39 лет и практически не встречается у более молодых пользователей. Этот факт может свидетельствовать об изменении роли поздравительной открытки как элемента праздничных ритуалов. С самого начала массового выпуска бумажных открыток в послевоенном СССР и до настоящего момента поздравительная открытка является наиболее доступным подарком, который может себе позволить каждый. Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к изменению формата открыток, но их важность для старшего поколения россиян сохранилась.

Наше исследование показало, что методы тематического моделирования позволяют понять и визуализировать специфику культурных традиций и ее рефлексию в разных социальных группах (в частности, возрастных), наблюдать трансформацию культурной памяти, динамику представлений о прошлом и их включенность в конструирование образа настоящего.

Библиографический список

1. *Васильев А.Г.* Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций // *Человек и культура*. 2015. № 1. С. 72–91.
2. *Карпова Г.* Праздник в контексте социальных изменений: традиции и власть. Саратов: Научная книга, ЦСПГИ, 2008.
3. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
4. *Чекмышев О.А., Яшунский А.Д.* Извлечение и использование данных из электронных социальных сетей // *Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша*. 2014. № 62. С. 16–22.
5. *Nikolenko S., Koltcov S., Koltsova O.* Topic modelling for qualitative studies // *Journal of Information Science* 2015. Vol. 43. Iss. 1. P. 88–102.
6. *Wertsch J.V., Roediger H.L.* Collective Memory: Conceptual foundation and theoretical approach // *Memory*. 2008. № 16(3). P. 318–326.
7. Mediascope Web Index. 2018, 7. URL: <http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information> (дата обращения: 15.08.2018).

The study of translation of cultural memory in social networks: possibilities of the method

Folomeeva T.V., Vinokurov F.N.,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract. The article discusses the preliminary results of studying the translation of cultural memory about four Russian holidays on social media. The automatic analysis of 13 800 posts on holiday dates published by a representative sample of 2 200 VK users older than 14 years involved topic modelling with LDA. The resulting topics were mostly connected with consumer behavior on holidays, but one topic was found to be specific for authors older than 39 years – greeting cards – the most affordable and familiar element of a festive ritual. Our research illustrates the advantages and limitations of automated analysis of textual big data in social psychology.

Keywords: cultural memory, social representations, праздник, social media, big data, topic modelling.

Исследование феномена «глубинной медиатизации» повседневности

Хорошилов Д.А.,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
г. Москва

Аннотация. В настоящих тезисах аргументируется теоретическое положение, согласно которому классическая концепция социального познания как конструирования образа социального мира требует существенного дополнения и пересмотра с точки зрения феномена глубинной медиатизации повседневности. Новая концепция медиатизации в социологической теории устанавливает взаимосвязь между изменениями медиа и социальными изменениями. Стало возможным говорить о медиа-конструировании образа мира. В процессе медиатизации, по-видимому, складывается новый язык социального познания, где доминирующим средством репрезентации становится не слово, а замкнутая на себе визуальность, которая может быть проанализирована в оптиках эстетической парадигмы (начиная от Н.В. Гоголя и заканчивая сериалом

«Черное зеркало»). Основной эффект медиатизации повседневности заключается в следующем: любое персональное высказывание переносится пользователями в широкий виртуальный контекст («лайк», «шер», «репост»), где личность пользователя становится визуальным знаком для обозначения уже не самого себя, а процессов и состояний массового сознания и поведения (как в случаях уголовных дел за репосты и публичных разоблачений в харасменте).

Ключевые слова: медиатизация, повседневность, социальное познание, образ социального мира, эстетическая парадигма в психологии.

В современном обществе, где доминирующим кодом репрезентации становится уже не слово или понятие, а чистая визуальность, замкнутая на самой себе и не предполагающая вербальных конструкций (основной принцип Инстаграма – картинка без комментария), анализ повседневности требует включения медиа как источника порождения и циркуляции образов, а классическая концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана нуждается в дополнении понятием медиатизации (Thompson, 1995), благодаря чему сегодня принято говорить о *медиа-конструировании социального мира* (Couldry, Hepp, 2017). Приставка «глубинная» к процессу медиатизации указывает на взаимосвязь между изменениями технологий и социокультурными изменениями, которые выходят за пределы физического пространства и времени в виртуальные жизненные миры, артикулированные через медиакommunikации (Ним, 2017).

Глубинная медиатизация социальной реальности заключается в том, что образ мира выходит за пределы частного мира человека и все чаще складывается из представлений и переживаний, все менее специфичных для него лично, но рассчитанных равно на всех: опыт замещается переживанием, а нарративность, повествование – информацией (Черных, 2015). Психологические исследования скорее дескриптивны в изучении феномена медиатизации социального познания как высшей психической функции, преобразованной виртуальными технологиями (Рассказова, Емелин, Тхостов, 2015; Солдатова, Нестик, Рассказова, 2017), но следует обратить внимание на тот момент, что медиа – не просто культурный инструмент, это новый язык социальной репрезентации реальности. Сказанное позволяет рассмотреть феномен медиатизации в оптиках эстетической парадигмы и психологии повседневности.

Эстетическая парадигма в психологии повседневности – исследовательский тренд, который реализует идеалы трансдисциплинарности (устранения дисциплинарных границ и смешение различных концепций) в изучении репрезентаций повседневной жизни общества, «кристаллизуемых» в символических формах культуры, науки и искусства. Методологией эстетической парадигмы в психологии выступает сравнительный анализ различных языков конструирования образа социального мира, например, языков психологических понятий, образов современного искусства (Марцинковская, 2018) и визуальности медиа. В эстетике повседневности скрываются латентные изменения социального познания, «пропускаемые» традиционными научными теориями и методами (Хорошилов, Машков, 2017).

Эстетическая парадигма в исследовании медиатизации повседневности восходит к Н.В. Гоголю, который дал следующее определение современных ему медиа-технологий: чтение журналов и газет – «страшное царство слов вместо дел» и «стремление к новости», которое поглощает все время и не оставляет места для практической жизни («Рим», 1842). Когда Ж. Бодрийяр рассуждает об исчезновении социального, то он фактически повторяет гоголевское изумление пустыми знаками. Интерактивность и моделирование – принципы виртуального и медиа-искусства – стали элементами жизненного стиля XXI столетия.

В популярном сериале «Черное зеркало» воссоздаются медиатизированные формы повседневности, которые иной раз производят фантазмагорическое впечатление: например, социальный капитал личности оценивается с помощью специальных приложений, при этом без высокого рейтинга невозможно снять хорошую квартиру или купить билет на самолет; в интернете разыгрывается анонимное шоу – общественное мнение «приговаривает» людей к физической смерти, а впоследствии за счет технологий массового контроля и поражения умирают участники голосования, наивно считавшие свои «дислайки» безнаказанными. На этом фоне подглядывание за частной жизнью через взлом скайпа и шантаж кажутся вполне невинным развлечением.

Эстетико-психологический анализ медиатизации повседневной жизни от Гоголя до «Черного зеркала» уводит от дескриптивных характеристик медиа-конструирования образа мира к эпистемологической проблеме соотношения индивидуального и социального, ибо медиа становится новым культурным знаком или, точнее, знаковой системой, снимающей это условное и роковое для истории социальной психологии

разделение. Основной эффект глубинной медиатизации повседневности заключается в следующем. При максимальной интеракции и индивидуализации виртуального медиа-пространства профиль пользователя становится визуальным знаком не его личности, а макропроцессов и состояний массового сознания и поведения, об участии в которых он может даже и не догадываться, пока его не обвинят в харасменте или репосте экстремистских материалов (разновидности тотальной и чистой визуальности, значение которой нельзя дискурсивно эксплицировать). Устранение старых оппозиций воображаемого/реального, частного/публичного в медиатизированной повседневности дает право пользователям размещать любые персональные представления, переживания и идентичности в глобальном виртуальном контексте без ведома их автора (за счет стратегий «лайк», «шер», «репост»), вследствие чего личность человека превращается в «отчужденный» визуальный образ – структурный элемент социальных представлений. Это открывает методологические перспективы анализа единичного «виртуального» случая (например, с помощью нетнографии) как репрезентанта латентных и неартикулированных в публичном дискурсе социальных изменений и проблем.

Библиографический список

1. *Маринковская Т.Д.* Язык искусства и язык науки: парадоксы сближения // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 59. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.09.2018).
2. *Ним Е.Г.* Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 3. С. 8–25.
3. *Расказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека. М.: Акрополь, 2015.
4. *Солдатова Г.У., Расказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
5. *Хорошилов Д.А., Машиков Д.С.* «Социальное воображаемое» в психологической структуре повседневности // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.09.2018).
6. *Черных А.* Ритуалы и мифы медиа. М.: Центр гуманитарных инициатив, Гнозис, 2015.
7. *Couldry N., Hepp A.* The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press, 2017.

8. *Thompson J.B.* The media and modernity: a social theory of the media. Stanford: Stanford University Press, 1995.

Aesthetic paradigm in research of «deep mediatization» of everyday life

Khoroshilov D.,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract. The paper presents the theoretical position: the classical concept of social cognition as the construction of the image of the social world requires a substantial addition and revision from the point of view of the phenomenon of the deep mediatization of everyday life. A new concept of mediatization in sociological theory establishes the relationship between media changes and social changes. It becomes possible to talk about the image of the world, that is media-constructed. In the process of mediatization arises a new language of social cognition. In the new language the word is not the dominant way of representation anymore, but a self-contained visuality. This visuality can be analyzed in the optics of the aesthetic paradigm (from N. Gogol to "The Black Mirror" series). The main effect of the deep mediatization of everyday life is the following: any personal statement is transferred by users to a wide virtual context ("like", "share", "repost"), where the user's identity becomes a visual sign that reflects not himself but processes and states of mass consciousness (social representations) and collective behavior (as in criminal cases for reposts and public exposures in the harassment).

Keywords: deep mediatization, everyday life, social cognition, image of the social world, aesthetic paradigm in psychology.

Научные и обыденные представления о личностных изменениях*

Гришина Н.В.,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. Ряд направлений современной психологии объединены общим интересом к психологии изменений, что требует осмысления

* Работа поддержана грантом РФФИ № 18-013-00703.

проблематики изменений и самого концепта изменения. Масштабные эмпирические исследования в социальных науках, посвященные формированию современного типа личности, подтверждают возможность личностных изменений через столкновение с новым опытом. Один из современных трендов в изучении изменений человека – это проблема возможного человека и проблема возможного для человека. На готовность человека к изменениям оказывают влияние его имплицитная концепция изменчивости человека. Исследование имплицитных представлений людей о возможностях изменения показало, что их обыденные представления ограничивают жизненные изменения изменениями объективных обстоятельств жизни человека в основных сферах жизнедеятельности, а изменения человека рассматривают как вынужденную реакцию на эти изменения. Представления обыденного сознания входят в противоречие с представлениями научной психологии, акцентирующей внимание на активности самого человека в процессах изменений.

Ключевые слова: изменение, психология изменений, концепция возможных Я, обыденные представления, имплицитная концепция изменений.

Тема изменений человека в изменяющемся мире за последнее десятилетие стала одной из самых обсуждаемых в гуманитарной и психологической литературе. Проблемы транзитивного общества, цифрового мира, существования человека в условиях неопределенной и сложной реальности становятся частью проблемного поля новой области психологии – *психологии изменений*. Осмысление содержания и характера процессов изменений личности, поиск методологических решений, позволяющих проведение корректных эмпирических исследований, требуют в том числе и разработку самого концепта изменения.

Понятие изменения широко используется в современной литературе, хотя и не имеет терминологически определенного статуса. Фактически оно начинает приобретать самостоятельное значение именно в связи с обсуждением тенденций изменения современной реальности. Понятие «изменение» оказалось наиболее релевантным для описания феноменологии и процессов, в которые вовлечен человек, существующий в постоянно и непредсказуемо изменяющейся среде с характерной для нее ненаправленностью перемен.

В классической психологии проблема изменений, в основном, обсуждалась как проблема «изменяемости – неизменности» личности, как

вопрос о том, насколько способен индивид меняться в течение жизни. Как известно, в разных подходах в психологии личности представлены различные точки зрения по этому вопросу.

Помимо разных позиций, занимаемых учеными, возникает и ряд теоретических проблем. Что имеется в виду под психологическими изменениями? Какова должна быть исследовательская методология, релевантная изучению изменений человека, каким образом сами эти изменения могут быть измерены? И наконец, как соотнести изменения современного мира с его вызовами к культуре, сообществам, отдельным людям с изменениями отдельного человека? (Гришина, 2018).

Мир меняется, если меняются люди. Теоретическое обсуждение детерминант изменений социальных сообществ традиционно было в центре внимания социологических теорий. Предпринимались и попытки эмпирических описаний происходящих процессов социальных изменений.

Одно из самых значительных исследований, посвященных изменениям людей в меняющемся мире, было предпринято группой социологов во главе с Алексом Инкелсом в 60-е годы XX века (Inkeles, Smith, 1974). Авторы исследования обозначили в качестве важнейшей задачи социальной психологии объяснение того, каким образом люди двигаются от традиционности к современности, к современному типу личности.

Исходной теоретической позицией, положенной в основу исследования, стала убежденность ученых в том, что люди становятся современными через новый опыт, с которым они сталкиваются и благодаря которому они могут переживать существенные личностные изменения, иногда настолько глубокие, что позволяют рассматривать их как трансформации личности.

Масштабные эмпирические исследования подтвердили существование современного типа личности, который, на основании данных своего исследования, авторы описали в следующих основных категориях: активная позиция в отношении собственной информированности и интереса к событиям в обществе; чувство персональной эффективности как убежденности в своей способности влиять на ход своей жизни и жизнь своего сообщества; активные усилия по улучшению собственной жизни и жизни своей семьи; способность занимать независимую и автономную позицию по отношению к традиционным источникам влияния при принятии жизненно значимых решений; открытость новому опыту и идеям, техническим инновациям и социальным нововведениям.

Авторы исследования настойчиво подчеркивают, что люди могут меняться, меняться достаточно фундаментально, независимо от того, в каких традиционных условиях им приходилось расти. Решающим является тот опыт, с которым человек сталкивается в жизни.

Важнейший вывод, который был сделан на основе результатов исследования, – социальное развитие, в том числе достижение необходимого уровня жизни людей, требует трансформации в самой природе человека, трансформации, которая является как результатом процесса развития, так и средством дальнейшего роста и развития. Изменения в установках и ценностях людей являются одним из важнейших условий эффективного функционирования социальных институтов.

Психология: человек в мире возможностей. В психологии изменения человека традиционно изучались в возрастном аспекте как процессы развития и описывались скорее как изменения отдельных процессов и характеристик. Несмотря на накопленный психологией большой объем эмпирических данных, отражающих различные аспекты индивидуальной вариативности человека, не прекращаются теоретические дискуссии относительно соотношения изменяющегося и неизменного в структуре личности. Сохраняет свое влияние и традиционная парадигма психологии личности, фокусирующая внимание на устойчивости основных личностных структур во времени (Journal of Personality, 2018); соответственно проблема изменений личности также раскрывается как изменение ее отдельных характеристик.

Один из современных трендов в изучении изменений человека – это *проблема возможного человека и проблема возможного для человека*. Эта тема имеет свою историю в психологии. Как известно, еще У. Джеймс предлагал различать «потенциальное Я», «настоящее Я» и «Я прошлое»; в концепции К. Роджерса существуют понятия актуального Я и идеального Я и др. Противоречия реального и идеального Я рассматриваются как задающие внутреннюю динамику развития человека, как источник возможных изменений человека. Стоит отметить, что для большинства традиционных подходов в психологии личности характерна локализация, «вписывание» источников изменений во внутренние структуры личности.

Методологически принципиальный шаг был сделан в концепции жизненного пространства К. Левина, в которой изменения человека рассматриваются через соотнесение с контекстом его существования и в которой существенное место занимает проблема *возможного*. Психологическое жизненное пространство характеризуется Левином как множе-

ство возможных событий. Любое изменение жизненной ситуации означает, что события, которые прежде были «невозможны» (или «возможны»), теперь являются «возможными» (или «невозможными»).

Тема возможностей человека, «возможного человека» вызывает все более активный интерес современных исследователей, что в немалой степени связано с усилением внимания к динамичным, процессуальным аспектам личности. В современной психологии личности, все дальше уходящей от ее трактовки как устойчивой конфигурации черт, в центре внимания оказываются процессы самодетерминации, свободного выбора, саморазвития и жизнотворчества. Понимание жизненного пространства современного человека как пространства его возможностей приводит к акценту внимания исследователей на способности человека к самодетерминации, его свободному выбору, который по сути и означает «превращение возможности в действительность» (Леонтьев, 2011, с. 23). Предпринимаются попытки обсуждения изменений личности и в связи с социальными изменениями в обществе (Белинская, Дубовская, 2009).

Одним из подходов в развитии темы возможностей человека является *концепция возможных Я*.

Феномен возможных Я впервые был описан в зарубежной психологии более 30 лет назад. С тех пор по данной тематике выполнены сотни исследований, хотя в отечественной психологии посвященные ей публикации единичны. Исследования Я-концепции как организованной системы когнитивных обобщений индивида относительно самого себя достаточно многочисленны и разнообразны, однако область возможных Я как самостоятельный объект исследования привлекает внимание благодаря работе Х. Маркус и П. Нуриус, опубликованной в 1986 году (Markus, Nurius, 1986). Именно с их именами, а также их последователей, и связана концепция возможных Я.

Возможные Я представляют те Я, которыми человек может стать, хотел бы стать или боится стать. Авторы придают концепту возможных Я фундаментальное значение в личностном функционировании. Возможные Я представляют собой когнитивные репрезентации отдаленных целей, ожиданий, мотивов, страхов, угроз. Предполагается, что индивид будет стремиться достичь позитивно оцениваемых (желаемых) возможных Я и избежать других, негативно оцениваемых (вызывающих опасения) возможных Я. Именно мотивационный потенциал феноменов возможных Я, которые выполняют регулятивные функции, обеспечивает интерес исследователей к данной тематике.

Понятие «возможного Я» позволяет описывать процессы саморазвития личности, ее самоизменения через оценку человеком себя прошлого, настоящего и возможного будущего. В психологической литературе приводятся данные, позволяющие рассматривать представления человека относительно возможности или невозможности самоизменений и изменений собственной жизненной ситуации в качестве значимого фактора, обуславливающих его готовность к изменениям. В ряде исследований показано, что вера личности в возможность собственных изменений связана с большей успешностью в преодолении трудностей в различных сферах жизни, а также с более выраженными личностными изменениями, фиксируемыми в лонгитуде (Dweck, 1999; 2008; Robins, Nettle, 2005). Таким образом, представления людей относительно принципиальной возможности изменений человека и изменений себя играют важную роль в его реальных изменениях.

Имплицитная концепция изменчивости. Имплицитная концепция изменчивости стала предметом проводимых нами исследований. В результате независимо проведенных двух серий интервью (общая численность их участников – 88 человек) были получены данные, отражающие представления людей о жизненных изменениях, их причинах, возможности/невозможности личностных изменений и т. д.

Основные результаты сводятся к следующему.

В свободных описаниях жизненные изменения относились участниками исследования к двум основным сферам жизни – сфере близких (семейных) отношений и сфере профессиональной (трудовой) деятельности. Кроме этого, части респондентов предлагались проективные ситуации, предполагавшие объяснение происшедших с человеком позитивных и негативных изменений. Используемые ими объяснительные модели сводились исключительно к позитивным и соответственно негативным изменениям в семейной или профессиональной сфере, что подтверждает доминирующую локализацию событий-изменений в этих сферах.

Те или иные изменения относятся респондентами к существенным жизненным изменениям, если: 1) происходящие события порождают осознаваемые изменения; 2) сопровождаются интенсивными эмоциональными переживаниями; 3) связаны с необходимостью принятия важных жизненных решений, часто в противопоставлении обстоятельствам или позиции окружающих.

Практически все участники исследования считают, что человек способен изменить свою жизнь, однако лишь половина из них верит, что для этого достаточно желания и стремления человека, остальные ответы указывают на ограничивающее влияние прошлого опыта и существующих обязательств или необходимость соответствующих психологических или материальных ресурсов.

Самоизменения, по мнению участников исследования, могут быть следствием: 1) осознания их необходимости, ощущения, что «так больше жить нельзя»; 2) целенаправленной работы над собой (часто со ссылкой на необходимость преодоления прошлых ошибок); 3) столкновения с ситуациями-вызовами, требующими самоизменений (например, рождение ребенка, смена работы и др.).

В обыденных представлениях участников исследования события (или процесс) личностных изменений описываются как реакция человека на сложившиеся обстоятельства, т.е. поведение человека интерпретируется как реактивное или вынужденное, как отклик на сложившиеся (чаще всего негативные) обстоятельства. Упоминания событий внутренней, духовной жизни, относящихся к области личностных изменений, которые могут интерпретироваться как самоизменения, единичны.

Нашла подтверждение гипотеза о связи представлений о принципиальной возможности кардинальных изменений в жизни и в самом человеке (имплицитной концепции изменений человека) и возможности персональных изменений (самоизменений) ($p < 0,05$).

Имплицитные представления людей о жизненных изменениях отличаются вариативностью, связанной с допускаемой степенью их возможности или невозможности. Интересно, что для лиц, имплицитная концепция изменений которых основывается на признании возможности лишь частичных изменений, было характерно указание и на частичный характер желаемых для себя изменений (например, получение образования или приобретение каких-то навыков и знаний) и на изменение своих отдельных черт (напр., повышение уверенности, стойкости, сдержанности) ($p < 0,05$).

Убежденность в возможности начать свою жизнь с чистого листа связана с ситуациями саморазвития в жизни человека: чем больше человек в принципе верит в возможность изменений, тем большее место в его жизни занимают ситуации самоизменений (чтение литературы, посещение специальных занятий и т. д.) ($p < 0,05$). При этом ситуации самораз-

вития с большей вероятностью имеют место в жизни более молодых людей ($p < 0,1$).

Были получены данные о некоторых факторах, оказывающих влияние на имплицитные представления человека о возможности изменений и самоизменений. Ожидаемое влияние на представления людей о возможности жизненных изменений и самоизменений оказывает возрастной фактор: с возрастом увеличивается объем высказываний, указывающих на ограничения, связанные с обязательствами перед близкими людьми ($p < 0,05$). Некоторые различия были получены по гендерному основанию: оказалось, что мужчины чаще, чем женщины, склонны считать, что кто-то из людей может кардинально изменить свою жизнь, начать с чистого листа, а кто-то нет ($p < 0,05$).

Анализ представлений людей о своей жизни, жизненных изменениях, возможных или невозможных развитиях их жизненного сценария дает богатый материал для понимания их концепций в отношении как собственной жизни, так и вообще жизненного процесса. Так, М.О. Аванесян разрабатывается понятие альтернативной жизненной истории, отражающее нереализованные или отвергнутые человеком возможности изменения своей жизненной ситуации или – шире – жизненного сценария (Аванесян, 2018).

Выводы. Используемое в современной науке понятие изменений отражает реальную феноменологию и процессы, в которые вовлечен индивид. Этой тематике психология начинает уделять все большее внимание, при этом увеличивается число исследований, в которых личностные изменения рассматриваются не столько как следствие определенных событий или изменений социальных ролей, но как результат активности самой личности, ее саморазвития и самоизменений. Необходимость «ответа» индивида на вызовы изменяющегося мира очевидна, но вопрос о том, насколько сам человек готов к изменениям своей жизненной ситуации, повседневного поведения, собственной личности, зачастую остается за пределами внимания исследователей. Результаты изучения имплицитных представлений человека о возможности изменений в жизни людей показывают, что эти представления сводятся к трактовке жизненных изменений как изменения объективных обстоятельств в жизни человека, требующих ответной (часто вынужденной) реакции человека; при этом необходимость собственных изменений, самоизменений слабо рефлексивируется индивидом. В целом, полученные результаты свидетельствуют о необходимости более глубокого изучения имплицитных концепций, свя-

занных с представлениями людей о возможности или невозможности собственных изменений, которые могут рассматриваться как значимый фактор, опосредующий активность человека, его жизненные планы и жизненные выборы.

Changes in personality: scientific and common representations

Grishina N.V.,
St. Petersburg State University, St. Petersburg

Abstract. A number of areas of modern psychology are united by a common interest in the psychology of change, which requires an understanding of the problems of change and the very concept of change. Large-scale empirical research in the social sciences, dedicated to the formation of the modern type of personality, confirms the possibility of personal change through a collision with new experience. One of the modern trends in the study of human change is the problem of a possible person and the problem of the possible for a person. A person's willingness to change is influenced by his implicit concept of human variability. The study of implicit ideas of people about the possibilities of change showed that their everyday ideas limit life changes to changes in the objective circumstances of a person's life in the main areas of life, and people's changes are viewed as a forced reaction to these changes. Representations of everyday consciousness are in contradiction with the ideas of scientific psychology, which focuses on the activity of the person himself in the processes of change.

Keywords: change, psychology of changes, concept of possible I, ordinary ideas, implicit concept of changes.

Специфика самопрезентации в интернете представителей разных профессиональных групп

Гавриченко О.В.,
Институт психологии имени Л.С. Выготского
Российского государственного гуманитарного университета,
г. Москва

Аннотация. Новые технологии изменяют образ жизни современного человека и оказывают влияние на его идентичность и возможность

самопрезентации. Персональная страница в сети является отображением картины мира данного пользователя. Представлены результаты исследования самопрезентации в сети «Instagram» представителей творческих профессий: популярных отечественных исполнителей. Выявлено, что для группы пользователей, в которую входят популярные отечественные исполнители, не характерно стремление к персонификации самопрезентаций, т. к. их подписчики точно знают, на какого исполнителя они хотят подписаться. Популярным исполнителям в сети «Instagram» в большей степени присуще презентация сферы своей профессиональной деятельности и всего, что с ней так или иначе связано.

Ключевые слова: самопрезентации, реальное и виртуальное пространство, «Инстаграм», популярные отечественные исполнители.

В настоящее время мы можем говорить о том, что жизнь человека в условиях современной цивилизации изменилась благодаря появлению не просто новой техники, а за счет того, что люди становятся частью нового технологического пространства. Новые технологии стремительно входят в нашу жизнь и их влияние на человека становится глобальным (Марцинковская, 2015). Интернет изменяет процесс передачи и получения информации, меняет коммуникативный опыт человека и возможности самопрезентации через виртуальное пространство (Голубева, Марцинковская, 2011). Развитие новых информационных технологий кардинально меняет образ жизни современного человека и оказывает влияние на становление идентичности и самопрезентации людей. На сегодняшний день мы можем наблюдать сближение виртуального и реального пространства. Результаты психологических исследований виртуального пространства фиксируют данные о том, что особенности визуальной самопрезентации в социальных сетях могут служить индикатором объективного социального статуса пользователя (Белинская, Гавриченко, 2018).

Согласно данным опроса, проведенного «Всероссийским центром изучения общественного мнения» в феврале 2018 года, наиболее популярным средством доступа к Интернету является мобильный телефон/смартфон – его назвали в качестве обычного устройства 52% пользователей Интернет. Доступ к Интернету через мобильный телефон максимален среди ежедневных пользователей «Instagram» (92%) и «ВКонтакте» (84%), для остальных сетей – около 70%.

Скорость распространение информации через Интернет, мобильность канала и доступность данных миллионам пользователей делают

сеть «Instagram» привлекательной для популярных отечественных исполнителей, которые с помощью своей страницы и постов могут быстро и самостоятельно самопрезентовать события своей профессиональной и личной жизни.

Выборку исследования составили страницы популярных российских исполнителей в сети «Instagram». Это 3577 фотографий ($n = 3.577$). Изучались посты за первое полугодие 2018 года, с января по июнь включительно. Общее число страниц в «Instagram» – 42. Из них: 21 человек – это представители отечественного шоу-бизнеса, находящиеся в данный момент на пике своей известности, и 21 человек – это те исполнители, чья востребованность на сегодняшний день прошла свой пик и в данный момент количество концертов и упоминаний в СМИ у них гораздо меньше, чем у представителей первой группы.

Изучение постов в сети «Instagram» методом контент-анализа. Единица анализа – фотография, размещенная пользователем на своей странице в «Instagram». Фотография включает в себя содержание и текстовый комментарий. Применялся качественный и количественный анализ. В процедуре подсчетов результатов контент-анализа использовалась формула вычисления «удельного веса» смысловых категорий А.Н. Алексеева (Алексеева, 1970). Для обработки данных использовалась программа Microsoft Excel 2010.

В ходе исследования нами были получены следующие результаты. По категории «Работа» данные распределились следующим образом. В первой и второй группе у представителей отечественного шоу-бизнеса на первом месте фотографии и видеоматериалы в «Instagram», связанные с категорией «Работа» – 50% от общей выборки. В данную категорию входят посты в Instagram, связанные с выступлениями, съемками клипа, записями песен, участие в телевизионных программах и радио эфиры. Однако, в первой группе это количество чуть больше – 57%; у второй группы – 43%. Возможно, это связано как раз со снижением востребованности данных исполнителей у публики.

На втором месте по значимости в общей выборке участников исследования находится категория «Друзья», которая составляет 23% от числа всех проанализированных постов. В категорию «Друзья» входят фотографии на ленте Instagram, связанные с новостями и информацией о жизни коллег по сцене, призывами поддержать их клип, посещение презентаций своих коллег, положительная оценка новой песни и видеоролика к ней, отзыв о концерте и т. д. В таких фотографиях «Друзей» есть, как

правило, текстовой комментарий, в котором автор поста напрямую говорит о том, что на фото или видео его друг, творчество которого ему нравится, он уважает данного артиста и признает его талант. У первой группы популярных исполнителей категория «Друзья» составляет 52%, а у второй – 48%.

Третье место нашего контент-анализа занимает категория «Отдых». В нее вошли фото- и видеоматериалы о том, как и где отечественные исполнители проводят свой отдых: это как правило различные путешествия, не связанные с гастрольной деятельностью, отдых на природе и на море. Всего данная категория в «Instagram» представлена в 14,8%. Однако, если рассматривать данные контент-анализа по 2 группам, то мы можем увидеть, что у более востребованных исполнителей категории «Отдых» соответствуют 64% постов, а у артистов «второго эшелона» это всего лишь 36%.

Четвертое место по количеству постов в «Instagram» исполнителей у нас занимает категория «Личное», в общей выборке этого всего лишь 12,2%.

К ней относится информация, связанная с семьей известного артиста и домашними животными. При этом у популярных артистов таких постов значительно меньше – 17%, а вот у менее востребованных исполнителей их намного больше – 83%. Видимо, информацией о своей личной жизни вторая группа артистов старается компенсировать отсутствие других новостей о своей творческой деятельности.

Процентные соотношения подтверждаются данными, полученными по формуле А.Н. Алексеева, с помощью которой был вычислен «удельный вес» (УВ) каждой из смысловых категорий в контент-анализе.

Общий УВ категорий: А. «Работа» – 0,5; В. «Друзья» – 0,23; С. «Отдых» – 0,15; D. «Личное» – 0.12.

Группа I УВ категории: А. «Работа» – 0,29; В. «Друзья» – 0,12; С. «Отдых» – 0,09; D. «Личное» – 0.002.

Группа II УВ категории: А. «Работа» – 0,21; В. «Друзья» – 0,11; С. «Отдых» – 0,06; D. «Личное» – 0.10.

При этом в процессе качественной обработки данных контент-анализа Instagram известных исполнителей выяснились дополнительные интересные особенности их страниц в интернете.

Внимание артистов первой группы пользователей сети «Instagram» к траурным событиям, происходившим на территории России. Это, прежде всего, пожар и гибель людей в кемеровском торговом центре «Зимняя

вишня». Эта трагедия унесла из жизни весной 2018 года 60 человек, большинство из них – дети. Слова соболезнования и поддержки на своих страницах в Instagram по поводу случившегося выразили популярные исполнители в двух группах в соотношении 25/15, разместив у себя на страницах посты траурного содержания. Они также отметили и крушение самолета АН-148 в Подмосковном районе Раменское в феврале 2018 года. Об этом упоминали в своих постах участники и первой, и второй групп примерно в равном соотношении 6/5. Обе группы исполнителей также размещают у себя на страницы в «Instagram» посты, связанные с уходом из жизни известных и популярных артистов театра и эстрады: Олега Табакова, Михаила Державина, Олега Анофриева и Людмилы Сенченой. В комментариях отдают дань таланту этих людей.

И наконец, в отдельную категорию попадают смешные фото и видео, связанные с забавными случаями из жизни людей и животных. Как правило, такие посты собирают много лайков и веселых комментариев, а также репостов.

Выводы. Целью самопрезентации популярных исполнителей в сети Instagram является создание позитивного виртуального образа и повышения своего виртуального статуса.

В содержании самопрезентаций у отечественных исполнителей ведущим является текст, иллюстрированный фотографиями.

Самопрезентации, связанные с профессиональной деятельностью, у исполнителей занимают первое место в их информационной ленте новостей в сети «Instagram».

Популярные исполнители с помощью своей страницы в «Instagram» реагируют на разного рода события, происходящие в стране, и выражают в сети свое отношение к ним.

Для представителей отечественного шоу-бизнеса проблема персонификации не является ведущей, так как их подписчики точно знают, на Instagram какого исполнителя они хотят подписаться.

Библиографический список

1. *Алексеев А.Н.* Опыт измерения удельного веса категорий содержания на страницах газеты // Проблемы контент-анализа в социологии: Материалы Сибирского социологического семинара. Новосибирск: Сиб. отделение АН СССР, 1970. С. 41–47.
2. *Белинская Е.П., Гавриченко О.В.* Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические

- исследования. 2018. Т. 11. № 60. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaya60.html> (дата обращения: 14.07.2018).
3. *Голубева Н.А., Маринковская Т.Д.* Информационная социализация: психологический подход // Психологические исследования. 2011. № 6 (20). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/579> (дата обращения: 4.07.2018).
4. *Маринковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n42/1168-martsin> (дата обращения: 14.07.2018).

The self-presentation on the internet of representatives of creative professions

Gavrichenko O.V.,
Vygotsky Institute for Psychology,
Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. New technologies, change a way of life of the modern person and exert impact on his identity and possibilities of the self-presentation. The personal page in network is display of a picture of the world of this user. Results of a research of the self-presentation are presented to Instagram networks of representatives of creative professions: popular domestic performers. It is revealed that the aspiration to personification of the self-presentations since their subscribers precisely know for what performer they want to subscribe isn't characteristic of group of users which popular domestic performers enter. In popular performers in Instagram network it is more inherent the presentation of the sphere of the professional activity and everything that is with her anyway coherently.

Keywords: self-presentations, real and virtual postranstvo, Instagram, popular domestic performers.

Цифровое общество в контексте творчества С.Л. Рубинштейна

Борисова Н.В.,
Институт психологии РАН,
г. Москва

Аннотация. Рассматривается актуальность философско-психологического наследия С.Л. Рубинштейна, посвященного поиску и раскрытию «человеческого в человеке». Фундаментальное положение онтологии человеческого бытия, на которую опирается Рубинштейн: человек является частью Вселенной и его существование основывается на познании бытия и осуществлении его незыблемых законов. Основной задачей общества является создание предпосылок нравственной жизни – таких условий, которые будут способствовать формированию этического субъекта с полноценным отношением к бытию, другому человеку, природе, жизни и смерти. Утверждается, что для современного общества познание бытия ограничивается чувственным, внешним, а значит поверхностным восприятием предметов и явлений. Как следствие – общество испытывает дефицит смыслов, потерю целостного чувства жизни и способности переживать бытие как Единство.

Ключевые слова: цифровое общество, С.Л. Рубинштейн, парадигма, личность, субъект, онтология человеческого бытия, этика.

С.Л. Рубинштейна интересовал не «исторически конкретный человек с признаками особенного, отвечающего конкретному обществу», но человек, обладающий «признаками всеобщности как в плане сознания, познания, так и действия», формирующими основу «онтологии» человека, фундаментальных принципов его существования (Рубинштейн, 2012, с. 63). Уникальность концепции Рубинштейна – поиск «человеческого в человеке». А это те духовно-нравственные феномены, которые в неизменной связи с универсальными ценностями определяют нравственную жизнь личности, его духовную историю.

И именно в настоящий момент эти вопросы требуют предельно серьезного осмысления (подробнее см.: Воловикова, Журавлев, 2018; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; и др.). Современный мир претерпевает глобальные преобразования вследствие развития новых технологий. Социально-политические трансформации с ключевым словом «*цифровая*» (революция, эпоха, экономика, личность и

т. п.) создают новую реальность, новую этику и новый взгляд на человека. Проекты с внедрением технических, бионических, генно-инженерных разработок, виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта не только будут усиливать степень своего влияния на условия труда и жизни человека, но и направлены на изменение его самого, его мировоззренческих, ценностных и этических установок. Изменения носят парадигмальный характер, т. к. затрагивают все виды человеческой деятельности, в том числе науку в целом и психологическую науку в частности, в которой школа Рубинштейна занимает одну из ключевых позиций. Е.Е. Соколова в статье «Диалектическая логика С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева и логические основания “сетевой парадигмы” современной психологии» (Соколова, 2012) указывает, что часть современных методологов психологической науки рассматривают постмодернистскую парадигму, также называемую «сетевой», как наиболее перспективную. Так как методологические установки постмодернизма связаны со «смещением интереса от универсальных законов – к уникальным событиям, от эмпирических фактов и правил – к поиску смыслов и интерпретации фактов в изменяющихся ситуативных контекстах» (Гусельцева, 2012, с. 53-54), важность обретают «субъективность, ситуативность и относительность истины» (Соколова, 2012). С точки зрения Соколовой, мышление антиномиями является шагом назад от диалектики, поскольку в истории развития философской и научной мысли первое было «снято» последней. Т.В. Корнилова (Корнилова, 2009, с. 115) отмечает, что системное видение мира требует гораздо больше «методологических усилий», нежели простое принятие множественности методологических позиций.

В связи с подобными прогнозами вспомним, что заслуги Рубинштейна велики не только как крупного ученого, внесшего значительный вклад в развитие психологии, но и, по мнению А.Н. Ждан, как ученого, «научная и педагогическая деятельность которого способствовала сохранению самой психологии как таковой в 20–30-е годы XX века в ситуации прямых выступлений или скрывавшихся под лозунгом перестройки психологической науки косвенных тенденций, объективно направленных на ликвидацию психологии и замещение ее механистическими, поведенческими и педологическими концепциями» (Ждан, 2000, с. 76).

Социально-политические процессы, свидетелями которых мы являемся, носят другой характер, но они требуют самого пристального внимания, особенно со стороны психологов. Предложенный ученым путь

постижения «человеческого в человеке» дает возможность не только отстоять сущностное в человеке, но и очертить границы, вторжение за которые нарушает целостность личности.

Фундаментальное положение онтологии человеческого бытия, на которую опирается Рубинштейн: человек является частью Вселенной и его существование основывается на познании бытия и осуществлении его незыблемых законов. Рубинштейн вводит понятие – «*нравственное законодательство*». Полнота человеческой жизни в отношении к полноте бытия определяется через этику. Основная онтологическая задача субъекта полностью соответствует основной этической задаче. Базовое положение, которое отстаивает ученый: этическое является законом, так как имеет в силу объективности своего содержания форму общеобязательного положения. «Всем своим идейным содержанием, всей системой понятий и принципов, которые этика разворачивает, она отвечает на один вопрос, на сократовский вопрос: что такое человек?» (Рубинштейн, 2012, с. 166).

Познание как открытие бытия – не только деятельность сознания, а в силу участия в нем практики – способ существования человека по отношению к бытию. Необходимо различать объективное, трансцендентное бытие и субъективно познавательное, имманентное – бытие не в чистом, а в осложненном привходящими обстоятельствами виде. Основное свойство бытия, сущего в мире, в котором есть человек, заключается в том, чтобы являться человеку в чувственной данности, быть данным в ощущении. Чувственная данность, первое в сущем, что открывается познанию, выступает как поверхностный, внешний план глубинных слоев сущего. «Непосредственная чувственность бытия – это факт, данность существования с едва лишь наметившейся качественной определенностью, с еще не раскрытой сущностью» (Там же, с. 28). Далее включается опосредованное познание процессом мышления, но мышлением познание принципиально не исчерпывает сущего. Проблема бытия и его познания связана с проблемой человека как субъекта действия. Отношение субъекта к «объективной реальности» – это не идеальное познавательное отношение, но и практическое действие. Человек всегда находится в сфере сущего, непрерывно совершается «общение» взаимопроникновение и сопротивление посредством действий и регуляции этих действий сознанием. «Существовать – это страдать и действовать, воздействовать и подвергаться воздействиям, участвовать в бесконечном процессе взаимодействия как процессе самоопределения» (Там же, с. 27).

Действие, которое своим содержанием имеет этическое содержание общеобязательной значимости, т.е. определяется нравственным законом, Рубинштейн называет деянием. «Закон делает деяние деянием, не личность и не Я» (Рубинштейн, 2012, с. 169). Ошибкой является понимание субъекта как виновника и творца своих деяний, а деяний как проявлений или манифестаций субъекта. При таком подходе этическое содержание деяний, которое есть само этическое содержание нравственных законов, не входит в состав и построение содержания нравственного субъекта. Концепция нравственности оказывается бессодержательно-формалистичной, а субъект, который является источником своих деяний и для которого деяния только манифестации уже готовой сущности, лишен этического содержания. И потому он – не этический субъект, а лишь некоторое психологическое образование.

Лишь в этических деяниях этический субъект определяется и осуществляется. И если принцип автономии – в первую очередь определяет отношение субъекта и закона, то отношение субъекта и деяния Рубинштейн определяет через принцип самоопределения. Каждое деяние есть новое начало, новый источник, порождающий этический субъект. Поэтому нравственное совершенство есть задача, которую субъект в каждом деянии должен разрешить вновь. «Эта бесконечная задача, как само время, означает бесконечный процесс, который может быть субъективно прерван, но не может быть объективно закончен» (Там же, с. 172).

Для Рубинштейна основной задачей общества является создание необходимых предпосылок нравственной жизни – таких условий, которые будут способствовать формированию человека «большого плана» с полноценным отношением к бытию, другому человеку, природе, жизни и смерти.

Современное общество характеризуют как «общество потребления», в котором интеллектуальное, духовно-нравственное развитие человека не является приоритетным, а система ценностей и установок основана на потреблении материальных благ. Основопологающим понятием современности, заявляет отечественный композитор, писатель В.И. Мартынов, является имидж. «Имидж – это и есть абсолютная поверхность <...> не имеющая никакого внутреннего содержания <...> смысла, ибо имидж и смысл есть взаимоисключающие понятия» (Мартынов, 2017, с. 277). Престижными стали профессии дизайнера, кутюрье или куафера. «Мы живем в мире имиджмейкеров, где уже нет места ни поэтам, ни художникам, ни композиторам, стремящимся передать внут-

ренный смысл и создающих произведения, наполненные великим содержанием. Великое является реальностью человека переживающего, в то время как для человека манипулирующего все это превращается просто в фикцию» (Мартынов, 2017, с. 277).

Дефицит смыслов – диагноз современной цивилизации, потерявшей целостное чувство жизни, способность переживать бытие как Единство. Для современного общества познание бытия ограничивается чувственным, внешним, а значит, согласно Рубинштейну, поверхностным восприятием предметов и явлений. Поглощение человека предметным миром, возможно, никогда прежде не имело такого тотального характера. «Человек манипулирующий» или «человек потребляющий» не только не может реализовать свою подлинную сущность, но скорее находится в оппозиции к ней. «Человек, отчужденный от природы, от жизни Вселенной, от игры ее стихийных сил, не способный соотнести себя с ними, не способный перед лицом этих сил найти свое место и утвердить свое человеческое достоинство, – это маленький человек» (Рубинштейн, 2012, с. 124).

Библиографический список

1. Воловикова М.И., Журавлев А.Л. Характеристики нравственной элиты и современные представления о порядочном человеке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Вып. 1 (25). С. 44–48.
2. Гусельцева М.С. Парадигмы в психологии: историко-методологический анализ // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 34–56.
3. Ждан А.Н. Историческая роль С.Л. Рубинштейна в идейной борьбе в период перестройки теоретических основ психологической науки (20-е – 30-е годы) // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С. 75–85.
4. Корнилова Т.В. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии? // Прогресс в психологии: Критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 111–125.
5. Мартынов В.И. Зона *opus posth*, или Рождение новой реальности. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2017.

6. Психологические исследования духовно-нравственных проблем: Сб. научных трудов / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
7. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
8. *Соколова Е.Е.* Диалектическая логика С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева и логические основания «сетевой парадигмы» современной психологии // *Парадигмы в психологии: науковедческий анализ.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 380–403.

Digital society through the prism of heritage of S.L. Rubenstein

Borisova N.V.,
Institute of Psychology RAS, Moscow

Abstract. The relevance of philosophical and psychological heritage of S.L. Rubenstein devoted to search and disclosure "human in the person" is considered. The fundamental provision of ontology of human life on which Rubenstein relies: the person is a part of the Universe and his existence is based on knowledge of life and implementation of his firm laws. The main objective of society is creation of prerequisites of moral life – such conditions which will promote formation of the ethical subject with the full-fledged relation to life, other person, the nature, life and death. It is claimed that for modern society knowledge of life is limited to sensual, external, so superficial perception of objects and phenomena. As a result society has deficiency of meanings, loss of complete feeling of life and ability to endure life as Unity.

Keywords: digital society, S.L. Rubenstein, paradigm, personality, subject, ontology of human life, ethics.

ГЛАВА III. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Психозмоциональное благополучие подростков в современной социальной ситуации развития*

Головей Л.А., Данилова М.В.,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматривается конструкт психозмоционального благополучия, объединяющий эмоциональные характеристики (устойчивые эмоциональные состояния), показатели субъективного благополучия, когнитивной оценки удовлетворенности различными аспектами жизни и направленность на саморазвитие. В исследовании участвовали 4 группы подростков в возрасте 14–17 лет: воспитанники детского дома; гимназисты, проживающие в отрыве от семей; подростки из семей (всего 146 человек). Показано, что условия социализации влияют как на уровень психозмоционального благополучия, так и на его структуру. У подростков-сирот структура наименее интегрирована, в ней ведущую роль играют показатели, связанные с удовлетворением гедонистических потребностей. У подростков, проживающих в семьях, и гимназистов значимое место занимает направленность на саморазвитие.

Ключевые слова: подросток, развитие, социальная ситуация, психозмоциональное благополучие.

Проблема качества жизни и психологического благополучия относится к числу актуальных и активно разрабатываемых в современной науке. Ее актуальность повышается в периоды коренных перестроек общества, во время которых наиболее уязвимой частью населения оказываются дети и подростки. В исследованиях выявлено существенное повышение эмоционального неблагополучия и депрессивности почти у трети подростков (Подольский и др., 2011). В то же время по результатам Международного отчета Европейского регионального бюро ВОЗ (2012), посвященного психологическому здоровью подростков, эта возрастная группа в целом удовлетворена жизнью, им свойственна позитивная самооценка и уверенность в себе. Возможно, несовпадение оценок благо-

получия и психологического самочувствия в разных исследованиях отчасти может быть объяснено сложностью определения категории психологического благополучия (well-being). В исследованиях используются понятия психологического, субъективного, личностного благополучия, удовлетворенности жизнью, качества жизни и другие. Субъективное благополучие отражает преимущественно аффективную целостную оценку удовлетворенности жизнью (Динер, 1984 и др.). Под психологическим благополучием понимается позитивное функционирование личности на вершине возможностей своего потенциала, этот конструкт включает автономность, компетентность, жизненные цели, позитивные отношения, самопринятие, личностный рост (Рифф К., Кейс К., 1995). Ряд исследователей предлагают рассматривать в качестве показателя благополучия эмоциональные характеристики (Панкова, 2011). В клинической психологии для оценки психологического благополучия используются показатели эмоциональной дезадаптации, социальной тревожности (Матюшкина, 2016). Мы предлагаем рассматривать психоэмоциональное благополучие как сложный конструкт, объединяющий эмоциональные характеристики (устойчивые эмоциональные состояния), показатели субъективного благополучия, когнитивной оценки удовлетворенности различными аспектами жизни и направленность на саморазвитие (Головей, Яценко, 2016).

Задачей исследования является изучение уровневых показателей и структуры психоэмоционального благополучия подростков, находящихся в разных условиях социализации.

Методы: анкета удовлетворенности разными сферами жизни; шкала субъективного благополучия Э. Динера, шкала психологического благополучия К. Рифф (в адаптации Л.И. Жуковской, Е.Г. Трошихиной), шкала личностного роста методики «Индекс стремлений» (Э. Деси и Р. Райан); методика «Оценка психического состояния» (Т.А. Немчин, Н.А. Курганский).

Выборка: 146 подростков в возрасте 14–17 лет, в том числе 30 воспитанников детского дома; 24 учащихся гимназии, живущих в отрыве от семьи в связи с обучением в другом городе; 44 подростка, проживающие в нуклеарных семьях; 48 – в расширенных.

Однофакторный дисперсионный анализ выявил достоверные различия (при $p < ,005$; $,001$) между исследованными группами по общему уровню психологического благополучия, а также по отдельным его показателям. Наиболее высокие показатели психологического благополучия

оказались у подростков, проживающих в семьях (64,1 б. в нуклеарных семьях; 65,9 б. – в расширенных), достоверно более низкие – у гимназистов (57,9 б.) и сирот (58,04). Для подростков, обучающихся в отрыве от семьи, характерен более низкий уровень компетентности, они не ощущают контроля над своей жизненной ситуацией. У воспитанников детского дома, наряду с этим, менее выражена ориентация на позитивные отношения и направленность на личностный рост. По уровню субъективного благополучия достоверных различий не выявлено, показатели находятся в пределах нормативных значений, что согласуется с данными авторов, рассматривающих аффективный компонент благополучия в качестве индивидуально устойчивого признака, определяемого совокупностью личностных черт (Динер, 1984 и др.). В самооценке удовлетворенности разными сферами жизни наибольшее количество различий получено между подростками, не имеющими семейной поддержки (сироты и временно живущие вдали от родителей) и подростками, проживающими в семьях (различия достоверны при $p < ,005$). Подростки-сироты в меньшей мере удовлетворены учебой, отношениями в семье, материальным положением, гимназисты – питанием, отдыхом, общением, положением в социуме, возможностями для реализации хобби. Показатели доминирующих эмоциональных состояний укладываются в диапазон средних значений (9–14 баллов), за исключением эмоционального тонуса и комфортности. Выявлено снижение эмоционального тонуса и повышение напряжения у гимназистов. Учитывая их низкую удовлетворенность отдыхом, досугом, питанием, это может свидетельствовать о несоответствии учебных нагрузок возможностям и условиям восстановления организма. У подростков-сирот снижение эмоционального тонуса сочетается с более высоким ощущением комфортности. Этот факт можно объяснить искажениями в мотивационной сфере, что подтверждается исследованиями И.Ю. Кулагиной (2009), показавшей, для этой группы подростков характерно доминирование гедонистической и эгоцентрической мотивации. Их базовые потребности в питании, жилище и пр. на данном этапе жизни удовлетворены, и это обеспечивает ощущение комфорта. Возможно, это также является следствием активизации механизмов психологической защиты. Таким образом, очевидна специфика психоэмоционального благополучия подростков в зависимости от условий социализации. Следующие вопросы заключаются в том, взаимосвязаны ли отдельные компоненты изучаемого конструкта и зависит ли его структура от условий жизни. Для ответа на эти вопросы был применен корреляцион-

ный анализ, который выявил взаимосвязи в структуре психоэмоционального благополучия, количество и характер которых различаются в исследуемых группах. Наименее интегрированной эта структура оказалась в группе сирот. Субъективное благополучие взаимосвязано лишь с удовлетворенностью материальным положением и досугом. Направленность на личностный рост и оценка достижений в личностном росте не вошла в структуру взаимосвязей. Это еще раз подчеркивает преобладание гедонистической мотивации в условиях лишения родительской заботы. Суммарный показатель психологического благополучия образовал шесть положительных связей: с удовлетворенностью питанием, положением в обществе, общением, школьным коллективом и учебой (все связи при $p < ,001$). Взаимосвязи доминирующих эмоций указывают на то, что повышение психологического благополучия сопровождается повышением интереса и эмоционального тонуса. Более интегрированной является структура психоэмоционального благополучия в группах подростков, имеющих семью. В группе гимназистов все показатели психологического благополучия взаимосвязаны положительными связями с уровнем субъективного благополучия (5 связей при $p < ,001$). С ним, в свою очередь, взаимосвязаны достижения в личностном росте и направленность на личностный рост ($p < ,001$). В общую структуру включены эмоции: повышению удовлетворенности разными сферами жизни соответствуют более высокие уровни психической активации, интереса, эмоционального тонуса, комфортности и более низкий уровень напряженности. Наиболее интегрированной оказалась структура психоэмоционального благополучия в группах подростков, проживающих в семьях. В ней выделилось три взаимосвязанных блока: субъективное благополучие и удовлетворенность разными сферами жизни, психологическое благополучие и самооценка достижений в личностном росте и блок устойчивых эмоциональных состояний. Субъективное благополучие взаимосвязано с общим показателем психологического благополучия, наличием жизненных целей, компетентностью, самопринятием. Для субъективного благополучия наиболее важны удовлетворенность досугом, учебой, отношениями в семье, для психологического – удовлетворенность перспективами, общением, познавательными мероприятиями, на что указывают прямые связи между показателями. Эмоциональные состояния выступают в качестве промежуточного звена, образуя взаимосвязи, как с субъективным, так и с психологическим благополучием. Особое значение имеют эмоциональный тонус, психическая активация, ощущение комфортности. По-видимому,

они создают необходимый для поддержания благополучия уровень активации и комфорта. Исследование подтвердило целостность структуры психоэмоционального благополучия и выявило его особенности в разных условиях социализации. Наиболее низкий уровень психологического благополучия и удовлетворенности жизнью обнаружены у подростков, проживающих вне семьи, причем это касается не только сирот, но и одаренных подростков, временно оторванных от жизни в родительской семье. Показано, что условия социализации влияют не только на уровневые показатели, но и на структуру благополучия. У подростков-сирот структура наименее интегрирована, в ней большая доля принадлежит показателям, связанным с удовлетворением гедонистических потребностей. У подростков, проживающих в семьях, и гимназистов значимое место в структуре психоэмоционального благополучия занимает направленность на личностный рост.

Библиографический список

1. Головей Л.А., Яценко Т.Т. К вопросу о структуре психоэмоционального благополучия взрослых // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: Материалы IV Международной конференции. Кострома: КГУ им. А.Н. Некрасова, 2016. Т.1. С. 293–295.
2. Кулагина И.Ю. Развитие мотивационной сферы подростков-сирот // Другое детство: Сборник тезисов Второй Всероссийской научно-практ. конференции по психологии развития / Ред.: Л.Ф. Обухова, И.А. Корепанова. М., 2009. С. 35–37.
3. Матюшкина Е.Я. Учебный стресс у студентов при разных формах обучения // Консультативная психология и психотерапия. 2016. № 2. С. 47–63.
4. Панкова Н.В. Эмоциональное благополучие и психологическое здоровье подростков из семей группы риска // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2011. № 4 (74). С. 148–151.
5. Подольский А.И., Карabanова О.А., Идобаева О.А. Психоэмоциональное благополучие современных подростков: опыт международного исследования // Вестник Московского университета. 2011. № 2. С. 9–19.
6. Социальные детерминанты здоровья и благополучия подростков // Основные результаты исследования «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (HBSC): Международный отчет по

материалам обследования 2009–2010 гг. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/181551/E96444_part1-Rus.pdf (дата обращения: 19.09.2018).

7. *Ryff C.D., Keyes C.L.M.* The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. № 69. P. 719–727.
8. *Diener E.* Subjective well-being // *Psychological Bulletin*. 1984. Vol. 95. P. 542–575.

Structure of psychoemotional well-being of adolescents in connection with the social situation of development

Golovey L.A., Danilova M.V.,
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Abstract. In the article structure of psycho-emotional wellbeing is investigated, combining emotional characteristics (stable emotional states), parameters of subjective wellbeing, cognitive evaluation of different fields of life and intention to self-development. There were 4 groups of adolescents 14-17 in total 146 people in the research: orphans; boarding school children talented, living separately from their families; teenagers, living with families. The research shows that socialization conditions influence as level of psycho-emotional wellbeing as its structure. Orphans has less integrated structure where dominating role plays parameters connected with satisfaction of hedonistic needs. Adolescents living with families and boarding school living without families the key role plays intention to self-development.

Keywords: adolescence, development, social situation, psycho-emotional well-being.

Специфика развития социокультурной идентичности современных подростков и юношей*

Хузеева Г.Р.,

Институт психологии имени Л.С. Выготского
Российского государственного гуманитарного университета;

Калинина М.И.,

Московский педагогический государственный университет,
г. Москва

Аннотация. В статье представлены результаты исследования динамики изменений социокультурной идентичности у подростков и юношей. Она трансформируется в различных направлениях. В структуре социальной идентичности развитие идет в направлении: от осознания своей принадлежности к формальным группам к осознанию принадлежности к значимым группам, связанным с межличностными отношениями и реализацией перспективы будущего. Развитие восприятия ингруппы и аутгруппы идет в направлении от высокой эмоциональной напряженности при восприятии своей и чужой групп к большей эмоциональной стабильности, от ориентации на внешние характеристики к ориентации на более широкий круг и внутренние характеристики при восприятии других групп.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, подростки и юноши, транзитивное общество.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения динамики процесса развития социокультурной идентичности подростков в условиях транзитивности современного общества. Изменения происходят в содержании социальной идентичности подростков и в восприятии ими социальной действительности.

В своей работе мы опирались на идеи Т.Д. Марцинковской, Е.П. Белинской, Е.М. Дубовской о возможностях и трудностях формирования идентичности в современном транзитивном обществе (Марцин-

* Исследование выполнено по гранту РФФИ № 17-06-00077-ОГН «Проблема лингвистической идентичности в мультикультурном пространстве».

ковская, 2015), а также на исследования механизмов межгруппового восприятия Т.Г. Стефаненко (Стефаненко, 1987).

В исследовании приняли участие 100 человек. Из них 60 юношей (студенты Московского государственного педагогического университета 20–22 лет) и 40 подростков (учащиеся школы №121 ЮЗАО 14–15 лет).

Задачами исследования стало выявление особенностей структуры социокультурной идентичности, значимости групп межличностного общения, а также рассмотрение динамики развития межгруппового восприятия у подростков и юношей.

Особенности структуры социальной идентичности у подростков и юношей. Методика «Структура социальной идентичности» (Марцинковская, Дубовская, 2016)

В структуре социальной идентичности у подростков и юношей наиболее значимое место занимает семья, что подтверждает результаты современных исследований о том, что в ситуации нестабильности и изменчивости современного общества возрастает значимость семьи. После семьи подростки выделяют как наиболее значимую группу – группу интересов, юноши выделяют половую принадлежность. Данные результаты можно объяснить характером возрастных задач двух возрастных групп.

Наблюдается тенденция того, что у подростков в структуре социальной идентичности более высокую значимость имеют формальные группы, такие как гражданская, национальная принадлежность, место жительства. При этом у юношей большее значение имеют группы, которые включены в реализацию перспективы будущего, такие как пол, интересы, профессиональная принадлежность.

Методика «Референтные группы» (Марцинковская, Дубовская, 2016)

Структура групп, связанных с межличностными контактами по степени значимости у юношей и подростков не отличается: семья, родственники, друзья. При этом степень выраженности значимости всех групп у юношей выше, чем у подростков. То есть, у юношей отмечается более выраженное чувство общности и принятия групп, связанных с межличностными отношениями.

Особенностью подросткового возраста является принадлежность широкому кругу социальных групп. При этом степень значимости социальных групп с возрастом повышается, а их круг сужается. Происходит более тесное взаимодействие внутри групп, возрастает значимость групп межличностного общения.

Особенности межгруппового восприятия у подростков и юношей (авторская методика «Свои-Чужие» (Марцинковская, Дубовская, 2016)

В описание «своей» этнической группы и подростки, и юноши чаще используют положительные характеристики (в среднем 55%). В описании «чужих» этносов у юношей преобладают нейтральные характеристики (55%), тогда как у подростков данный показатель составляет только 33%. Большинство определений подростков имеют либо отрицательный характер (40% ответов), либо положительный (27%). Восприятие «чужих» групп у подростков отличается более выраженной эмоциональной напряженностью и амбивалентностью, подвижностью, тогда как восприятие «своих» и «чужих» у юношей отличается менее напряженным и более нейтральным характером. При восприятии «чужих» этносов подростки опираются на внешние характеристики (манера поведения, коммуникативные способности), тогда как юноши чаще отмечают более широкий круг характеристик, при этом выделяя в большей степени внутренние характеристики (язык, ценности, традиции). Восприятие межгрупповых отношений у юношей более дифференцировано.

Таким образом, социокультурная идентичность развивается в направлениях:

- от осознания своей принадлежности к формальным группам к осознанию принадлежности и значимости групп, связанных с межличностными отношениями;
- от высокой эмоциональной напряженности при восприятии своей и чужой групп к большей эмоциональной стабильности;
- от ориентации на внешние характеристики к ориентации на более широкий круг и внутренние характеристики при восприятии других групп, то есть большей дифференцированности при восприятии этнической принадлежности.

Библиографический список

1. *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
2. Социализация в мультикультурном пространстве: Методическое пособие / Т.Д. Марцинковская, Е.М. Дубовская и др. М.: МПГУ, 2016.
3. *Стефаненко Т.Г.* Социальные стереотипы и межэтнические отношения // Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Directions of development of sociocultural identity in teenagers and young men

Huzeeva G.R.,
Vygotsky Institute for Psychology,
Russian State University for the Humanities, Moscow
Kalinina M.I.,
Moscow Pedagogical State University, Moscow

Abstract. Results of a research of dynamics of changes of sociocultural identity at teenagers and young men are presented in article. The received results show that the sociocultural identity is transformed in various directions. In structure of social identity development goes in the direction: from understanding of the belonging to formal groups to understanding of belonging to the significant groups connected with the interpersonal relations and realization of prospect of the future. Development of perception of an ingroup and outgroup goes in the direction from high emotional tension at perception personal and others' groups to bigger emotional stability, from orientation to external characteristics to orientation to more wide range and internal characteristics at perception of other groups.

Keywords: sociocultural identity, teenagers and young men, transitive society.

Особенности общения современной молодежи в цифровом пространстве*

Голубева Н.А.,
Психологический институт РАО,
г. Москва

Аннотация. Рассматриваются новые тенденции процесса информационной социализации молодежи, связанные с возрастающим влиянием информации как нового института социализации. Показывается, что специфика информационной социализации определяется как когнитив-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 16-06-00161 «Экзогенные и эндогенные факторы информационной социализации».

ными особенностями подростков, так и эмоциональными составляющими поиска, переработки и передачи информации, а также новыми языковыми формами, которые появляются в интернете и широко распространяются на другие информационные пространства и сферы общения. Представлены результаты исследования особенностей межличностного и межгруппового общения современной молодежи в диджитал пространстве (N = 76). Показано, что социальные сети являются одной из важнейших частей картины мира современной молодежи. Социальные сети и диджитал технологии в настоящее время формируют индивидуальное, субъективное пространство современной молодежи, которое начинает доминировать в общей картине мира.

Ключевые слова: виртуальное общение, социальные сети, виртуальное пространство, личное пространство, социальное пространство, современные подростки, современные технологии.

Пространство социализации современного человека заметно трансформировалось, расширилось и усложнилось. Данные трансформации тесно связаны с процессами глобализации, с изменчивостью современной культуры, ценностей, норм. Резкий скачок в развитии диджитал-технологий увеличил количество информационных потоков. Вместе с расширением информационного пространства изменился и процесс социализации. Сетевая виртуальная реальность плотно вошла в жизнь современного общества. Высокая плотность диджитал-потоков, окружающих современную молодежь, позволяет говорить об информационном стиле жизни мегаполисов (Марцинковская, 2010; Прихожан, 2010). Особо интересным представляется изучение роли сетевого общения в процессе социализации современной молодежи. Направление и содержание информационной социализации можно определить на основании процесса самокатегоризации или групповой идентичности современного пользователя. А о приоритетах и интересах человека, о группе идентичности можно смело судить по выбору наиболее предпочитаемого и значимого источника информации (Голубева, Марцинковская, 2011).

Мы проводим бесчисленные часы в социальных сетях, которые предоставляют нам невиданные прежде возможности для общения друг с другом. Интернет-пространство для современных пользователей открывает новые возможности. Все знания мира стали доступны по одному клику, появился новый канал для самовыражения и реализации творческого подхода. Но с расширением информационных потоков пользова-

тели столкнулись с тем, что действительно стоящая информация тонет в водовороте развлечений и фейковых новостях. Перед пользователями стоит задача научиться ориентироваться в разнообразии информационных потоков, фильтровать не только получаемую информацию, но и новые виртуальные контакты. Именно поэтому, наличие и ведение личного аккаунта становится обязательным условием для современной молодежи. В своих блогах пользователи делятся своими мыслями, отношением к происходящим изменениям в мире.

Следуя основным трендам современного общества, мы решили провести экспресс-опрос среди современной молодежи, чтобы получить срез по использованию социальных сетей.

Нами был разработан экспресс-опросник, включающий в себя восемь вопросов. В опросе участвовали 76 респондентов, мы условно разделили их на две группы по возрастному признаку: 46 респондентов – 17–19 лет и 30 респондентов – 28–37 лет.

Подводя итоги экспресс-опроса, можно выделить основные тренды по использованию социальных сетей в наше время.

Наблюдается тенденция поиска информации (в том числе новостей) в социальных сетях, блогах. Практически все респонденты (89%) указали на то, что социальные медиа являются ведущим каналом получения интересующей их информации. Стоит обратить внимание, что речь не идет о новой информации, а именно о поиске наиболее интересной информации. В то время как ведущие СМИ уходят далеко на второй план, пользователи хотят найти именно ту информацию, которая будет подтверждением уже полученных знаний. Таким образом, социальные медиа представляют собой эхо-камеру. Для пользователей социальные сети становятся каналом, где можно находить подтверждение своим знаниям. Практика эхо-камер в социальных сетях позволяет говорить о том, что пользователь получает от данных каналов не новую информацию, а ранее полученную информацию в развернутом формате, будь то лекция, видео, прямой эфир, что в свою очередь является подтверждением уже сложившихся убеждений/установок. В отличие от ведущих СМИ, социальные медиа дают пользователям то, что они хотят услышать.

Мы входим в эпоху, когда процветает фриланс, а медиа становятся для человека площадкой для продвижения себя, своего творческого потенциала и своих способностей. Наряду с этим наблюдается снижение интереса к использованию «ВКонтакте», «Одноклассников», «Фейсбука» и переход на другие площадки. По 100% мнению пользователей первой

возрастной группы (17–19 лет) и 36% второй возрастной группы (28–37 лет) данные социальные сети вышли из моды, теперь ими пользуются люди более старшего поколения, в них сидят мамы, папы, бабушки и дедушки, преподаватели, учителя и т. д. Молодежная группа переключилась на другие сети, такие как «Инстаграмм». Также отмечается некая тенденция к аналоговым технологиям. Растет предпочтение к прочтению печатных книг (65% всей выборки), возврат к виниловым пластинкам (51%).

У пользователей появляется единая учетная запись для всего Интернета, где происходит идентификация с реальным «Я», практически все участники (97%) опроса указали, что используют для личного аккаунта реальные фамилию и имя, и свои фото для аватарки. Пользователи пишут под своими именами, выкладывают информацию о сферах своих интересов, показывают актуальные события своей жизни. Таким образом, социальные сети становятся глобальной базой данных, где можно получить детализированную информацию о каждом человеке. Развитие информационных технологий открывают для пользователей новые возможности. На использование диджитал-технологий в своей повседневной жизни указали 92% выборки. Среди актуальных технологий выделяют браслеты, которые отслеживают самочувствие, новые приложения, которые позволяют добиться спортивных результатов в кратчайшие сроки и самостоятельно. Приложения, позволяющие отслеживать разного рода новинки и т. д.

Остановим свое внимание на приложениях с использованием потокового видео. Данный вид приложений становится популярным среди молодежи (100%), также растет интерес к использованию потокового видео и у возрастной группы 28–37 лет (40%). На данный момент можно сказать, что приложение Снэпчат/Прямой эфир ориентировано на молодую аудиторию, которая активно пользуется гаджетами и предпочитает обмениваться не просто текстовыми сообщениями, но и смешными картинками, фотографиями, селфи и короткими видео [4].

Важным достоинством Снэпчата является возможность регулировать время существования информации. Обмениваясь фотографиями, сообщениями или видео с друзьями в Снэпчате, можно не беспокоиться о том, что эта информация сохранится в телефоне, в аккаунте или где-то в сети. Программа разработана таким образом, что фотографию или видео получатель может просматривать не более 10 секунд, после чего они ис-

чезнут. Все пользователи из молодежной группы (100%) ценят именно эту особенность Снэпчата/прямого эфира.

Из отдельных снапов программа позволяет собрать свою снэп-историю, которую можно просматривать неограниченное количество раз, но только в течение суток, далее история самостоятельно удалится. Именно возможность транслировать в прямом эфире события собственной жизни привлекает внимание современной молодежной аудитории к социальной сети. Кроме этого, пользователи указывают на такую функцию, как «прозрачность». По мнению пользователей, благодаря камере им приходится стримить свою жизнь 24 часа в сутки. Наблюдается тенденция к прозрачности, пользователи показывают всю свою жизнь другим пользователям в режиме онлайн. Активные пользователи под пристальным вниманием многочисленной аудитории стремятся быть «лучше». Приведем пример ответа активного пользователя сети «Инстаграмм»: «Хочется съесть что-то вкусное, открываешь холодильник, а понимаешь, что нельзя, что за тобой наблюдают, что ты ведешь трансляцию онлайн. И ты вынужден брать полезную еду и следовать “правильному питанию”». Т.е. по мнению активных пользователей, постоянное наблюдение извне, мгновенная оценка твоих действий (лайки, комментарии) делают тебя «лучше». Ты стараешься лучше питаться, быть активным, посещать мероприятия, делиться опытом, заниматься спортом, вести правильный образ жизни и т.д. «Прозрачность» становится всеобщим трендом у молодежной аудитории.

Выводы. Полученные данные дают возможность сделать вывод о том, что в современных социальных сетях реализуется не только потребность молодежи в информации и контактах, но и в эмоциональном насыщении этой информацией и этих контактов.

Социальные сети – субъективное пространство в представлениях современной молодежи. Социальные сети важны, т.к. снимаются многие барьеры, в том числе и социальные.

В условиях транзитивности все больше места в картине мира играет диджитал-пространство, прежде всего социальные сети, блоги. Именно социальные сети имеют одну из ведущих ролей в формировании картины мира, потому что расширяют ее и дают возможность соответствовать современному темпу жизни. Доказательством этому может служить наше исследование.

Социальные сети являются одной из важнейших частей картины мира современных подростков. Можно говорить о том, что они в настоя-

щее время формируют индивидуальное, субъективное пространство современной молодежи, которое начинает доминировать в общей картине мира. Значение социальных сетей связано с несколькими факторами:

- помогают снять (или существенно уменьшить) коммуникационные барьеры (личностные и социальные);
- расширяют картину мира, выстраивая разные представления о реальности;
- помогают получить «виртуальный опыт» и принять решение – хочу ли я получить данный опыт в реальности;
- дают возможность соответствовать современному темпу жизни;
- позволяют «прожить» много разных жизней.

Библиографический список

1. *Голубева Н.А., Маринковская Т.Д.* Информационная социализация: психологический подход // Психологические исследования. 2011. № 6(20). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/579-> (дата обращения: 27.12.11).
2. *Голубева Н.А.* Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. 2018. № 2(12). С. 45–60.
3. *Маринковская Т.Д.* Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010. № 3. С. 90–102.
4. *Прихожан А.М.* Информационная безопасность и развитие информационной культуры личности // Мир психологии. 2010. № 3. С. 135–141.

Phenomenology of communication of modern youth in digital space

Golubeva N.A.,
Psychological Institute of the RAE, Moscow

Abstract. In this article we study new tendencies of youth's information socialization. These tendencies are connected with increasing influence of information, which became a new institution of socialization. We show that information socialization features are determined by youth's cognitive characteristics, as well as emotional components of search, processing and transmission of information and new language forms, which appear in the web and

become widely spread among other information spaces and spheres of communication. We present study results of personal and group communication of modern young generation in «real life» and in virtual space (N = 76). It is shown that social networks have become an important part of a contemporary youth's life. Nowadays social networks form individual, subjective space of young people which begins to dominate perception of a world.

Keywords: virtual communication, social networks, virtual space, personal space, social space, modern teenagers, modern technologies.

Информационные предпочтения молодежи в цифровом обществе

Иванова И.В.,

Благовещенский государственный педагогический университет,
г. Благовещенск

Аннотация. Рассматривается возможность исследования информационной социализации на основе изучения информационных предпочтений. Приводятся данные эмпирического исследования когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов информационной социализации учащихся колледжа и студентов. Выявлены предпочтения в источниках интересующей информации (Интернет) и учебной информации (книги, педагоги, интернет), предпочтения в содержании (люди и их отношения, наука и образование, кино, музыка), направленности (на общение, познание/образование, развлечения), форме получения информации (наглядные образы и видеозаписи), способах передачи информации. Констатируется наибольшее доверие к информации из книг, оценка информации в интернете чаще как достоверной, удовлетворение в интернет-среде экзистенциальных, социальных и престижных потребностей. Учащаяся молодежь предпочитает мобильные устройства, активно пользуется интернет-ресурсами, проводит в сети Интернет более 5 час в сутки, предпочитает воспринимать информацию в визуальной форме, передавать ее в форме звуковых сообщений. Между студентами и учащимися в компонентах информационной социализации и информационных предпочтениях больше сходства, чем различий.

Ключевые слова: цифровое общество, информационная социализация, информационные предпочтения, информационное пространство,

источники информации, личностная и социальная идентичность, учащаяся молодежь.

В настоящее время особый научный и практический интерес приобретают исследования информационных предпочтений и их роли в информационной социализации учащейся молодежи, которая решает задачу самоопределения и конструирования идентичности в условиях современного транзитивного *цифрового общества*.

Проблема информационной социализации в цифровом обществе в условиях транзитивного мира с характерной для него изменчивостью, неопределенностью и множественностью контекстов является одной из центральных в психологической науке (Марцинковская, 2011, 2012, 2015; Белинская, 2001, 2013; Войскунский, 2016; Авдулова, 2011; Голубева, 2011; Гребенникова, Пархоменко, 2013).

Информационная социализация рассматривается как процесс и результат усвоения и воспроизведения личностью накопленного человечеством опыта по работе с информацией как восприятие и переработка разных видов информации, нахождение путей и усвоение способов работы с информацией и информационными ресурсами с учетом влияния социально-личностных и индивидуально-личностных характеристик человека (Голубева, Марцинковская, 2011).

Информационное пространство является компонентом общего социокультурного пространства социализации человека, который сформирован конкретными *источниками информации*, составляющими *информационное поле* (Гребенникова, Пархоменко, 2013).

Анализ психологических исследований показывает необходимость разработки проблемы выбора предпочитаемых информационных источников и их влияния на процесс социализации и становления идентичности молодежи.

Т.Д. Марцинковская выделяет пять основных сфер анализа *информационных предпочтений*: источники получения информации, средства коммуникации, временные параметры использования источников информации, доверие и избирательность в отношении информации, и вводит дифференциацию источников информации по таким критериям, как степень влияния и доверия к информации, форма представленности информации, принадлежность к определенным информационным группам, содержание информации, целевая направленность информации (Голубева, Марцинковская, 2011).

Рассматривая *информационную социализацию* с позиции идеи «фундаментальной психологической триады» (А.В. Юревич, 2005), то есть единства трех базовых психологических процессов – когнитивных, аффективных и поведенческих, и в контексте *информационных предпочтений* как преимущественного внимания и избирательного отношения к определенным источникам, содержанию и средствам информации, и их применения, становится возможным выделить ее показатели.

Наше исследование было направлено на изучение информационной социализации учащейся молодежи. Ставилась задача выявить когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты информационной социализации и сравнить их у студентов вуза и учащихся колледжа. Эмпирическое исследование проводила А.В. Баженова под нашим руководством в 2017–2018 годах в г. Благовещенске Амурской области. В качестве методик применялись разработанные нами анкеты, направленные на изучение компонентов информационной социализации на основе выявления в том числе информационных предпочтений (предпочитаемых источников, средств, содержания, способов и форм представленности информации, доверия к ним, их применению), а также опросник В.А. Плешакова «Диагностика потребностей, удовлетворяемых в Интернет-среде». При разработке анкет мы опирались на публикации исследований, выполненных в лаборатории психологии подростка Т.Д. Марцинковской (Психологический институт РАО) (Голубева, Марцинковская, 2011; Марцинковская, 2012; Гребенникова, Пархоменко, 2013).

Результаты исследования *когнитивного компонента информационной социализации* показали, что вне зависимости от уровня получаемого образования (высшего или среднего профессионального) существует сходство в предпочитаемых средствах информации (мобильные устройства), источниках интересующей информации (Интернет), источниках учебной информации (книги и педагоги), видах информации (обыденная, специальная и личная), содержании наиболее востребованной информации (о людях и их отношениях, наука и образование), целевой направленности (на общение, учебу, развлечения), форме получения информации (в виде наглядных образов и видеозаписи), средствах и способах передачи информации, типах сообщений (устная речь при непосредственном личном контакте и звуковые сообщения при дистантном общении). Различия касаются предпочтений в содержании наиболее интересной информации (о друзьях, близких людях и кино – у студентов и учебно-познавательной и музыке – у учащихся колледжа).

Изучение *эмоционального (эмоционально-мотивационного) компонента* у студентов и учащихся колледжа выявило сходство в доверии к источникам информации (прежде всего книгам, а так же педагогам, Интернету, родителям), ценностное отношение к ним, оценку достоверности информации (размещенную в Интернете информацию считают чаще достоверной, чем наоборот), реализацию потребностей (экзистенциальных, социальных и престижных) в интернет-среде, эмоциональную оценку преимуществ и недостатков Интернета. Определенные различия обнаружены в знаке эмоциональной составляющей информации (информация, предпочитаемая учащимися колледжа, имеет более выраженную эмоционально-позитивную окраску).

Изучение *поведенческого компонента* обнаружило у студентов и учащихся колледжа сходство в овладении операционально-технической стороной работы с источниками, средствами поиска, обработки и передачи информации. Все владеют средствами поиска информации (мобильными устройствами), пользуются интернет-ресурсами для поиска информации в целях общения и познания. Большинство предпочитают пользоваться социальными сетями «Instagram» и «ВКонтакте», создают персональные страницы, проводят в сети Интернет более 5 час в сутки, значительно меньше времени уделяют другим источникам информации. Предпочитают воспринимать информацию в визуальной форме, передавать в форме мгновенных звуковых и текстовых сообщений. Полученную информацию применяют в жизни и деятельности.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод, что между студентами педагогического университета и учащимися педагогического колледжа в когнитивном, эмоциональном и поведенческом компонентах информационной социализации больше сходства, чем различий. Не выявлено значимых различий в предпочитаемых источниках информации, доверии к ним, средствах и формах передачи информации, ее применении.

Информационные предпочтения можно рассматривать как единицу анализа, в которой представлены в единстве индивидуальное и социальное, личность и информационная среда. Это позволяет считать информационные предпочтения важнейшим фактором информационной социализации, а также изучать их роль в конструировании личностной и социальной идентичности.

Библиографический список

1. *Авдулова Т.П.* Тенденции социализации подростков в контексте информационных предпочтений // Психологические исследования. 2011. № 6(20). С. 8. URL: <http://psystudy.ru/num/2011n6-20/573-avdulova20> (дата обращения: 14.05.2018).
2. *Белинская Е.П.* Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858> (дата обращения: 14.05.2018).
3. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Социальная психология личности. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 260–274.
4. *Войскунский А.Е.* Предисловие: Человек в цифровом обществе // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сборник научных статей / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. С. 8–11.
5. *Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д.* Информационная социализация: психологический подход // Психологические исследования: 2011. № 6 (20). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/579-> (дата обращения: 20.08.2018).
6. *Гребенникова О.В., Пархоменко А.Н.* Современная молодежь в информационном обществе: представления об информации и информационные предпочтения // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/855-> (дата обращения: 20.08.2018).
7. *Марцинковская Т.Д.* Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. URL: <http://psystudy.ru/num/2012v5n26/766-> (дата обращения: 18.08.2018).
8. *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n42/1168-martsin> (дата обращения: 18.08.2018).
9. *Юревич А.В.* Интеграция психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 16–28.

Information preference as a factor socialization of studying youth in a digital society

Ivanova I.V.,
Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk

Abstract. The possibility of research information socialisation on the basis of a study of informational preferences. Data of empirical research of cognitive, emotional and behavioral components of information socialization of College students and students of the University. Revealed preferences in sources of information (Internet) and educational information (books, teachers, Internet) and preferences in the content (people and their relationships, science and education, film, music), orientation (communication, knowledge/education, entertainment), the form of information (visual images and videos), ways of transmitting information. It is stated the greatest trust in information from books, assessment information on the Internet as credible, satisfaction in the online environment existential, social and prestige needs. Students prefer mobile devices that is actively using Internet resources, conducts the Internet more than 5 hours a day, prefer to take in information in visual form, send it in the form of audio messages. Between of College students and students of the University in the components of socialization of information and information preferences more similarities than differences.

Keywords: digital society, information socialization, information preference, information space, information sources, personal and social identity, students.

Специфика родительских отношений к детям в условиях киберсоциализации

Бахадова Е.В.,
Институт психологии имени Л.С. Выготского
Российского государственного гуманитарного университета,
г. Москва

Аннотация. Развитие дошкольника в условиях киберсоциализации во многом зависит от позиций и отношения родителя, от медиакомпетенций, которыми он владеет. Представленное исследование ставит це-

лю изучить особенности родительского отношения в условиях киберсоциализации. С помощью неструктурированного интервью выделено 3 группы детей: дошкольники, проводящие в киберпространстве с гаджетами максимально много времени, достаточно много времени и минимальное количество времени. Полученные в исследование данные позволяют утверждать, что родительское отношение к детям, проводящим максимально много время в киберпространстве и имеющим трудности в адаптации и общении со сверстниками, характеризуется сниженным принятием ребенка, склонностью к авторитарной гиперсоциализации, несогласованностью эмоциональных и поведенческих составляющих, неосознанностью своих позиций по отношению к ребенку.

Ключевые слова: дошкольники, родительское отношение, киберсоциализация, киберпространство, гаджеты, различное время, проведенное с гаджетами.

Изучение различных аспектов влияния цифрового пространства на подрастающее поколение сегодня активно возрастает. Это связано с появлением все новых векторов развития цифровых технологий, а так же с появлением нового поколения – поколения «Z». В различных исследованиях отмечаются как положительное влияние цифровых технологий, так и проблемные зоны изучения онлайн-безопасности, столкновения с онлайн-рисками. Поколением «Z» называют детей и подростков, родившихся в новом веке, после 2000–2004 годов, вместе с появившимися на свет интернетом, гаджетами, смартфонами. Это поколение предвосхитили, предвидели в 1991 году американские исследователи Нейл Хоув и Уильям Штраус, представившие миру свою демографически-социально-психологическую теорию о различии ценностей людей разных поколений (Мирошкина, 2017). Это дети, развитие и социализация которых происходила и происходит вместе с развитием интернета, в условиях киберсоциализации в киберсреде.

В словаре русского языка приставка «кибер-» присваивает слову со значением чего-либо, относящегося к эпохе интернета и цифровых технологий. Понятия киберсреды и киберсоциализации активно стал развивать с 2010 года профессор А.В. Плешаков, где под киберсоциализацией понимается развитие и адаптация ребенка, происходящие в новой технологической среде и с ее помощью (Плешаков, 2012).

Киберсреда может сильно трансформировать личностное и психическое развитие ребенка. Дети и подростки, попавшие в зависимость от

технологической среды, становятся замкнутыми, агрессивными, погружаясь в реальность виртуальную, теряют интерес к окружающему миру. Дети дошкольного возраста сегодня начинают знакомиться с цифровой средой очень рано. По данным Института современных исследований МЕДИА за 2016 год 43% детей в возрасте до 2 лет уже имели в своей жизни опыт пользования планшетом, а в возрасте от 2 до 8 лет их количество составляет уже 72%. В ежегодном докладе «Дети. Медиапотребление. 2017» утверждается, что «сохраняется высокий уровень тревожности родителей по отношению к киберсоциализации детей, дефицит родительской осведомленности и медиакомпетенции, в условиях раннего и интенсивного овладения детьми цифровыми устройствами, которое зачастую происходит без участия родителей» (см.: <http://momri.org/>).

Сегодня нет единого взгляда на влияние киберсреды на ребенка, каждый родитель формирует свое мнение о том, стоит ли давать своему ребенку телефон или планшет, или же нет, а если давать, то ограничивать ли ребенка в возможности пользования данными электронными устройствами или дать ему полную свободу. На вопрос, «почему ребенку дается планшет или телефон, или даже покупается ему собственный телефон» мамы и папы в 2015 году давали следующие ответы: 13% родителей говорили о том, что делают это для того, чтобы использовать обучающие игры для ребенка; 17% дают детям телефон для того, чтобы совместно с ребенком смотреть обучающие видеопрограммы или узнавать о разных явлениях живой природы; 56% мам и пап дают своему ребенку поиграть в планшет или телефон для того, чтобы занять ребенка, когда у самих родителей нет на это времени (Щепина, Лукьянова, Третьякова, 2015).

Нами было проведено исследование детей дошкольного возраста и их родителей с целью выяснить, как родители относятся к влиянию цифровой среды и киберсоциализации, как они относятся к ребенку и сколько времени они уделяют ребенку, а ребенок при этом, цифровому гаджету. В исследовании приняли участие 35 детей 6–7 лет и их родители – 56 человек. О влиянии цифровой среды родители высказывались следующим образом:

- 42% родителей не видят проблем в том, что ребенок находится с гаджетом достаточно много времени, больше чем у половины детей есть собственный гаджет;
- 33% детей не имеют какого-либо ограничения нахождения с гаджетом;

- 39% родителей определяют временные границы нахождения ребенка с гаджетом (например 1 или 1,5 час в день), но они исполняются формально или не соблюдаются;
- 12% считают влияние гаджетов в дошкольном возрасте отрицательным и ограничивают доступ ребенка к киберсреде;
- в гаджетах дети в основном просматривают мультфильмы;
- около 1/3 детей без контроля и ограничения родителей заходят на интернет-сайты;
- около 2/3 детей играют в развлекательные игры на компьютерах и планшетах, и в «мамино планшете» у них есть «собственные игры».

С помощью специально созданной анкеты было выявлено: чем больше родители уделяют непосредственного внимания ребенку, общаются и играют с ним, тем меньше ребенок находится с гаджетами, смотрит мультфильмы. И наоборот, чем меньше родитель может найти времени для общения и игры с ребенком, тем больше последний находится в «общении» с планшетом и телефоном. Многие родители сами озвучивают это положение таким образом: «чтобы ребенок не мешался, и ему было чем заняться». Нами были зафиксированы 3 группы: дети, максимально проводящие время с гаджетами (11 человек); дети, проводящие с гаджетами достаточно много времени (13 человек) – эти группы детей имели трудности в адаптации и общении со сверстниками, 3 группа – дети, минимально проводящие время с гаджетами (11 человек).

Прояснение родительского отношения к ребенку проводилось с помощью опросника «Родительское отношение» В.В. Столина и А.Я. Варга. Не по всем шкалам были получены достоверные различия, но наметились некоторые тенденции. Так, в показателе «принятие – отвержение» значимо различается «принятие» родителями детей, которые в меньшей степени проводят время с гаджетами или не проводят совсем, по сравнению с теми, кто меньше общается и проводит время со своими детьми и позволяет им больше времени находится с гаджетами ($U \leq 0.05$ по непараметрическому U-критерию Манна-Уитни).

По шкале «Авторитарная гиперсоциализация», которая определяет направление контроля за поведением ребенка, значимые различия выявлены между группами детей, проводящими минимальное и максимальное время с гаджетами. При этом парадоксально, что родители детей, приверженных к гаджетам, видят себя более контролирующими и строгими, хотя именно они утверждают, что дети не имеют с их стороны ограничения в отношении времени нахождения в киберсреде. Шкала «Коопе-

рация» – эта шкала социально желательного образа родительского отношения. Относительно высокие баллы определяются у всех трех групп родителей, что говорит о их заинтересованности в делах своих детей, сочувствии, доверии. Прослеживается тенденция большего сотрудничества у родителей дошкольников, проводящих максимальное время в киберпространстве. По шкале «Симбиоз», отражающей межличностную дистанцию в общении, выявлено, что в меньшей степени стремятся к симбиотическим связям и поощряют самостоятельность родители группы детей, проводящих минимальное время с гаджетами. По шкале «Маленький неудачник», которая отражает особенности восприятия и понимания ребенка родителем, все три группы набрали хорошие низкие баллы – это показывает, что все родители неудачи своего ребенка считают случайными и верят в него.

Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой позволил увидеть, что наиболее чувствительны к *взаимодействию* с детьми родители группы детей, проводящих минимальное время с гаджетами (были выявлены значимые различия $U \leq 0.05$). В этом блоке исследуются: а) способность воспринимать состояние ребенка; б) понимание причин его состояния; в) способность к сопереживанию.

Блок эмоционального принятия, состоявший из четырех параметров: а) чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком; б) безусловное принятие; в) отношение к себе как родителю; г) преобладающий эмоциональный фон взаимодействия, в этом блоке та же группа родителей значимо набирает наибольшие баллы.

Блок поведенческого проявления эмоционального взаимодействия: а) стремление к телесному контакту; б) оказание эмоциональной поддержки; в) ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия; г) умение воздействовать на состояние ребенка, повторяет ту же тенденцию, но значимых различий здесь не выявлено. Однако внутри этого блока мы увидели противоречие в позициях родителей, позволяющих проводить значительное время в киберпространстве. Эти родители плохо соотносят и осознают свои поведенческие и эмоциональные составляющие по отношению к ребенку.

Наше исследование показало, что родители групп детей, максимально и достаточно много проводящих времени в киберпространстве, принимают своих детей, проявляют заинтересованность в их жизни, но эта заинтересованность скорее декларируемая. Родители группы детей,

проводящих минимальное время с гаджетами, больше симпатизируют ребенку, уважают его индивидуальность, поддерживают его интересы, держат баланс контроля над ребенком. У родителей групп детей, максимально и достаточно много проводящих времени с гаджетами, позиции противоречивые и менее осознанное отношение к детям. Таким родителям сложнее выстраивать взаимодействие и помогать детям социализироваться, адаптироваться в киберпространстве, в то время как родители должны стать помощниками и проводниками своим детям в современном цифровом мире.

Библиографический список

1. *Мирошкина М.Р.* Интерпретация теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 30–35.
2. *Плешаков В.А.* Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a: Монография. М.: Прометей, 2012. 212 с.
3. Сайт Института современных исследований медиа. URL: <http://momri.org/> (дата обращения 01.10.18)
4. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
5. *Щетина Е.С., Лукьянова О.Г., Третьякова Е.А.* Ребенок и гаджет. За или против? // Дошкольное образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Чебоксары: Изд-во «Центр научного сотрудничества Интерактив плюс», 2015. С. 122–124.

Parental relation to preschool children under cyber socialization

Bakhadova E.V.,
Vygotsky Institute for Psychology,
Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. The development of a preschooler in the context of cyber-socialization largely depends on the position and attitude of the parent, his media competencies, which he owns. The presented study of preschoolers and their parents aims to explore the features of parental relationships. With the help of an unstructured interview, 3 groups of children were singled out: preschoolers who spend the most time in cyberspace with gadgets, quite a lot of time and the minimum amount of time with gadgets. The data obtained in the

study state that children who spend the most time in cyberspace have difficulties in adapting and communicating with their peers. Parental attitudes toward such children are characterized by reduced child adoption, a tendency toward authoritarian hypersocialization, inconsistency of emotional and behavioral patterns, and an unawareness of their attitudes toward the child.

Keywords: preschoolers; parental relationship; cyber socialization; cyberspace; gadgets; various time spent with gadgets.

Социализация подростков в условиях социальной транзитивности

Ткаченко Д.П.,

Институт психологии имени Л.С. Выготского
Российского государственного гуманитарного университета,
г. Москва

Аннотация. Исследуется характер становления субъектности современных подростков в условиях транзитивности и противоречий, возникающих в процессе социализации. Рассматриваются основные критерии и регулятивные компоненты субъектности. Предлагается изучение эмоционального интеллекта как регулятивного компонента социализации и становления субъектности в подростковом возрасте. Выдвигаются предположения о возможных вариантах проявления эмоционального интеллекта в разные периоды социализации. Анализируются результаты исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта с другими аспектами социализации подростков кризисной и стабильной когорт. Описываются взаимосвязи эмоционального интеллекта с особенностями социальной адаптации у этих двух групп. Делаются выводы об успешности социальной адаптации на фоне разных проявлений эмоционального интеллекта. По итогам сравнения результатов, дается заключение о характере изменений эмоционального интеллекта и его значения в становлении субъектности и процессе социализации современных подростков в транзитивном социуме.

Ключевые слова: подростки, социализация, кризис, транзитивность, современное общество, субъектность, эмоциональный интеллект.

В период транзитивности общества характер социализации подростков неоднозначен ввиду того, что успешная социализированность в

одной группе может сочетаться с несоциализированностью в других (Гусельцева, 2016). Это связано с разнообразием выборов и ценностных систем, наличием противоречий между традиционными и индивидуальными моделями социализации (Дубовская, 2014), а также усилением разрыва между разными поколениями и возрастными когортами (Марцинковская, Полева, 2017).

В связи с этим, становление субъектности современных подростков, прежде всего, происходит через развитие самостоятельности, способности к принятию ответственности и самоопределению в транзитивном социуме. Это требует согласования различных уровней его организации и поддержания целостности посредством развития самопроизвольности и контроля поведения. В этом ключе способность к эмоциональной регуляции рассматривается как один из ключевых компонентов регуляции поведения (Сергиенко, 2012). Показано, что эмоциональный интеллект качественно различается у представителей разных субкультур в рамках одной возрастной группы (Изотова, Максимова, 2016), следовательно, он является гибким регулятивным компонентом становления субъектности и социализации в период транзитивности социума.

Исходя из этого, *цель* нашего исследования – анализ изменений в структуре эмоционального интеллекта в процессе социализации подростков в период транзитивности социума. *Объектом* исследования выступают различия, возникающие в структуре эмоционального интеллекта в процессе социализации подростков. *Предметом* исследования является взаимосвязь эмоционального интеллекта с особенностями социальной адаптации у подростков Стабильной и Кризисной когорт. Мы выдвинули *гипотезу* о том, что характер эмоционального интеллекта будет различаться в разные периоды (стабильности или кризиса) социализации подростков. Будет наблюдаться успешность социально-психологической адаптации на фоне сдвига эмоционального интеллекта Кризисной когорты подростков на регуляцию внутриличностных процессов (понимания и управления своими эмоциями).

Выборка. В исследовании принял участие 251 респондент: студенты первого курса Гуманитарного колледжа РГГУ в возрасте от 15 до 18 лет – 198 девушек и 53 юноши. Проведено три забора данных среди первокурсников в 2013–2014, 2014–2015 и 2016–2017 учебных годах. Респонденты в период исследования обучались на первом семестре первого курса, следовательно, пребывали на пике групповой социализации и адаптации к новым условиям учебно-профессиональной среды. Выборка

была разделена на три когорты по годам поступления, с учетом социально-экономических процессов, происходивших в России на протяжении 4 лет нашего исследования, – с 2013 по 2017 год: 2013–2014 учебный год – Стабильная, 2014–2015 – Переходная, 2016–2017 – Кризисная (Ткаченко, 2017).

Методики. Для оценки представлений подростков о своей социальной адаптированности и эмоциональном интеллекте мы использовали набор методик:

– «Методика диагностики социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда, адаптированная А.К. Осницким (Осницкий, 2004);

– опросник на эмоциональный интеллект «ЭМИн» Д.В. Люсина (Люсин, 2006);

– видеотест Д.В. Люсина и В.В. Овсянниковой (Люсин, Овсянникова, 2013).

Полученные результаты подвергли математико-статистической обработке посредством пакета программ STATISTICA 10. Выявление взаимосвязей между показателями при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Выводы. Основные результаты, полученные при сравнении трех когорт (Ткаченко, 2017), позволили сделать вывод об изменении облика и траектории социализации Кризисной когорты подростков на фоне социально-экономического кризиса российского общества в 2014–15 годах. Таким образом, мы можем рассматривать данные Кризисной когорты отдельно от двух других.

В результате анализа обнаруженных взаимосвязей между показателями социально-психологической адаптации и компонентами эмоционального интеллекта у подростков Кризисной и Стабильной когорт, мы можем говорить о следующих изменениях эмоционального интеллекта.

Подростки Стабильной когорты позитивно воспринимают себя и других на фоне способности идентифицировать и управлять эмоциональными состояниями окружающих. В то время, как подросткам Кризисной когорты важно понимать и управлять состояниями как окружающих, так и своими собственными для позитивного отношения к себе и другим.

При этом подростки Стабильной когорты более ориентированы на управление собственными эмоциональными состояниями, что позволяет поддерживать эмоциональное благополучие и готовность брать на себя

ответственность. Представители же Кризисной когорты обеспечивают это за счет способности понимать и влиять на переживания окружающих.

У подростков Кризисной когорты не выявлено взаимосвязи эмоционального интеллекта и стремления к лидерству. При этом показано, что более зависимые от окружающих подростки в недостаточной мере регулируют свои эмоциональные состояния, в то время как стремящиеся к доминированию и лидерству подростки Стабильной когорты высоко оценивают свою способность к пониманию и управлению эмоциями других людей.

Высокая чувствительность к эмоциям отрицательной валентности окружающих у подростков Кризисной когорты сопряжена со склонностью к неприятию других, в то время как у представителей Стабильной когорты она связана с высокой зависимостью от мнения и оценок социального окружения.

Таким образом, наши предположения об изменениях характера и значимости эмоционального интеллекта в становлении субъектности подростков в ходе социализации подтвердились.

Заключение. Эмоциональный интеллект способствует становлению субъектности и эффективной социализации подростков в транзитивном социуме за счет сдвига в сторону баланса между внутриличностными и межличностными процессами. Представители Кризисной когорты менее склонны к лидерству, а их зависимость от социального окружения связана с низкой чувствительностью и слабой регуляцией своих переживаний. При этом позитивное отношение к себе и окружающим возможно при развитой способности к пониманию и управлению эмоциями других, в то время как негативная оценка себя и окружающих возникает на фоне низкой чувствительности к внутриличностным процессам. Им для достижения психологического благополучия и развития ответственности за свои действия важно проявлять чувствительность к эмоциональным состояниям окружающих и влиять на них, тогда как низкая чувствительность и слабая регуляция собственных состояний связана с эмоциональным дискомфортом и экстернальным локусом контроля. Таким образом, ориентированность на внутриличностные процессы способствует становлению субъектности в плане развития автономности, самопроизвольности и личной ответственности у подростков, чей пик социализации приходится на транзитивные периоды развития общества.

Библиографический список

1. *Гусельцева М.С.* Теоретико-методологические основы гармонизации процессов социализации, индивидуализации и идентичности личности в условиях транзитивного общества // Психологические исследования. 2016. № 9(50). URL: <http://psystudy.ru/num/2016v9n50/1357-guseltseva50> (дата обращения: 18.09.2018).
2. *Дубовская Е.М.* Транзитивность общества как фактор социализации личности // Психологические исследования. 2014. № 7(36). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1018> (дата обращения: 18.09.2018).
3. *Изотова Е.И., Максимова Е.Б.* Психологические и психофизиологические аспекты исследования эмоционального интеллекта в подростковом и юношеском возрастах // Психологические исследования. 2016. № 9(46). URL: <http://psystudy.ru/num/2016v9n46/1261-izotova46> (дата обращения: 18.09.2018).
4. *Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
5. *Люсин Д.В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям /Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264–278.
6. *Люсин Д.В., Овсянникова В.В.* Измерение способности к распознаванию эмоций с помощью видеотеста // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 82–94.
7. *Марцинковская Т.Д., Полева Н.С.* Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. № 1. С. 24–37.
8. *Осницкий А.К.* Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43–56.
9. *Сергиенко Е.А.* Принципы психологии развития: современный взгляд // Психологические исследования. 2012. № 5 (24). URL: <http://psystudy.ru/num/2012v5n24/711-sergienko24> (дата обращения: 10.10.2018).
10. *Ткаченко Д.П.* Новый вектор в траектории социализации современных подростков в контексте социально-экономического кризиса российского общества // Психологические исследования.

2017. № 10(55). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n55/1481-tkachenko55.html> (дата обращения: 10.10.2018).

Development of subjectivity of adolescents in conditions of social transitivity

Tkachenko D.P.,
Vygotsky Institute for Psychology,
Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. The character of formation of subjectivity of modern teenagers in the conditions of transitivity and contradictions arising in the process of socialization is investigated. The main criteria and regulatory components of subjectivity are considered. The study of emotional intelligence as a regulatory component of socialization and formation of subjectivity in adolescence is proposed. Assumptions about possible variants of emotional intelligence manifestation in different periods of socialization are put forward. The article analyzes the results of the study of the relationship of emotional intelligence with other aspects of socialization of crisis and stable cohorts of adolescents. The interrelations of emotional intelligence with the peculiarities of social adaptation in these two groups are described. Conclusions are made about the success of social adaptation against the background of different manifestations of emotional intelligence. According to the results of the comparison, the conclusion is given about the nature of changes in emotional intelligence and its importance in the formation of subjectivity and the process of socialization of modern adolescents in a transitive society.

Keywords: adolescents, socialization, crisis, transitivity, modern society, subjectivity, emotional intelligence.

Социально-психологические особенности девиантных подростков

Соболева М.О.,
Институт психологии имени Л.С. Выготского
Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Аннотация. В статье поднимается проблема, связанная с пониманием отличительных характеристик тех подростков, которых традици-

онно принято называть «девиантными». Автором рассматриваются особенности самооценки, мотивации к учению, экстрверсия/интроверсия, нейротизм. Анализируются полученные различия и рассматриваются дальнейшие перспективы изучения самой категории «девиантность».

Ключевые слова: девиантные подростки, самооценка, мотивация учения, экстраверсия, интроверсия, нейротизм.

Традиционно девиантное поведение (англ. *deviation* – отклонение) понимается как действия, не соответствующие установленными или сложившимся в обществе нормам, приводящие нарушителя к изоляции, лечению, исправлению или наказанию (Зинченко, Мещеряков, 2008). Психологический подход классификации девиантного поведения основан на выделении социально-психологических различий отдельных видов отклоняющегося поведения личности. Психологические классификации основываются на следующих критериях: вид нарушаемой нормы, психологические цели поведения и его мотивация; результаты данного поведения и ущерб, им причиняемый; индивидуально-стилевые характеристики поведения (Змановская, 2010).

В психологии можно встретить различные классификации девиантного поведения. Рядом авторов выделены три основные группы поведенческих девиаций: негативные (например, злоупотребление наркотиками), позитивные (например, социальное творчество) и социально-нейтральные девиации (например, попрошайничество) (Клейберг, 2004). В работах Ц.П. Короленко и Т.А. Донских все поведенческие девиации делятся на две большие группы: нестандартное и деструктивное поведение. К нестандартному поведению, по мнению авторов, можно отнести нестандартное мышление, новые идеи, а также действия, выходящие за рамки социальных стереотипов поведения. Классификацию деструктивного поведения представляется возможным выстраивать в соответствии с его целями. В первом случае это могут быть цели, направленные на нарушение социальных норм (правовых, морально-этических, культурных) и, соответственно, внешнедеструктивное поведение. Во втором случае – внутридеструктивные цели, направленные на дезинтеграцию самой личности, ее регресс, и, соответственно, внутридеструктивное поведение (Короленко, Донских, 1990).

В отечественной психологии особенности подросткового возраста связывают, прежде всего, с поиском собственного места в обществе. При этом отмечается, что подростковый кризис – это настоящая ломка, когда

происходит резкое разрушение и перестройка всей системы переживаний, ценностей и т.д. подростка. В самосознании происходит настоящая революция (Фельдштейн, 1989). Появляется чувство взрослости и желание подражать некоторым действиям, которые ассоциируются с поведением взрослых людей. Так, например, подростки начинают курить, употреблять алкоголь и т.д. Таким образом, дети именно этого возраста оказываются склонными к тому, чтобы проявлять девиантность в своем поведении. Желание подростков самоутвердиться отражается на их отношении к роли и позиции ученика. В этот период учебная деятельность отступает на второй план (Поливанова, 1996). Ведущей деятельностью, по Д.Б. Эльконину, в это время выступает общение со сверстниками (Эльконин, 2004). Интимно-личностное общение – деятельность, в которой происходит усвоение норм и ценностей общества, при этом особое значение в этот период приобретают цели и ценности референтной группы. При этом отношения со сверстниками у подростков выстраиваются, в отличие от младших школьников, не только не в школьном контексте, а часто намеренно с ориентацией на другие виды деятельности, нежели в школе (Запорожец, 1986).

В данный период дети начинают брать на себя определенную ответственность, решая разные проблемы. Но все-таки основной деятельностью подростка является обучение, где и проявляется влияние этого периода. Ведь все эти изменения, физические и психологические, еще не привычны для ребенка, поэтому ему приходится быстро адаптироваться, чтобы влиться в обычную размеренную жизнь. С возрастом меняются отношения с учителями и одноклассниками, меняется мотивация учения.

Важным явлением подросткового возраста является переход от оценки, транслируемой взрослыми, к самооценке. Возникает стремление к работе над собой и саморазвитию, появляется стремление к признанию себя как личности. Это во многом и обуславливает основное противоречие развития в подростковом возрасте, которое состоит, с одной стороны, в стремлении к признанию своей личности взрослыми, но, с другой стороны, в отсутствии реальных возможностей для этого (подросток материально и законодательно зависит от взрослых) (Соболева, 2013).

Таким образом, резонно было бы предположить, что девиантные подростки должны отличаться по своим психологическим характеристикам от сверстников, которые не склонны к проявлению девиантного поведения, то есть дети будут по-разному решать те вопросы, которые перед ними ставит общество в данный возрастной период. На основе произве-

денного теоретического анализа было выдвинуто несколько предположений: мотивация учения, самооценка, экстраверсия и нейротизм связаны с успеваемостью у учащихся и средних, и старших классов; самооценка девиантных подростков будет чаще показывать заниженные или завышенные значения, в отличие от подростков, без выявленных девиаций; показатели нейротизма у девиантных подростков будут показывать более высокие значения, чем у «нормы» как в средних, так и старших классах.

В нашем исследовании участвовало 80 подростков средней образовательной школы, ученики средних и старших классов. С помощью опросника «ДАП-П» и экспертного опроса учителей выборку удалось условно разделить на «девиантных» и «недевиантных» подростков. Для диагностики самооценки подросткам предлагалось пройти тест Куна – Макпартленда «Кто я?» (модификация Т.В. Румянцевой). Для диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах использовалась методика А.Д. Андреевой, также использовался подростковый вариант личностного опросника Г. Айзенка, чтобы выявить такие личностные характеристики как экстраверсия/интроверсия, нейротизм. Расчет значимости различий производился по U-критерию Манна-Уитни.

Стоит отметить, что группа девиантных подростков демонстрирует средний уровень девиации по методике «ДАП-П». «Норма» же имеет низкий уровень девиации. Примерно такие же данные были получены путем экспертной оценке, где экспертами выступали учителя испытуемых, а так же их классный руководитель. У многих девиантных подростков было выявлено аддиктивное поведение, что так же может объяснять низкую мотивацию к учебе, так как рост алкоголизма среди подростков все так же по статистике находится на высоком уровне.

Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод о том, что показатели самооценки демонстрируют весьма неоднозначные результаты. Суммируя данные, полученные и в старших, и в средних классах, самооценка обнаруживает три вида значений: адекватная, неадекватно завышенная и неадекватно заниженная. В старших классах адекватную самооценку имеют 40%, неадекватно завышенную – 38%, неадекватно заниженную – 22%. В средних классах адекватную самооценку имеют 30%, а неадекватно завышенную – 70%. Уровень «неадекватно заниженная» никак не проявился. Однако, ни в старших, ни в средних классах самооценка не показала значимых взаимосвязей ни с одним критерием, то есть не было обнаружено никакой значимой связи между са-

мооценкой и успеваемостью. Эти данные частично опровергают первую гипотезу о том, что самооценка имеет связь с успеваемостью. Мы предполагаем, что полученный результат можно объяснить тем, что ведущей деятельностью подросткового возраста является интимно-личностное общение и становление самооценки будет происходить прежде всего исходя из общения со сверстниками. Возможно так же, уровень притязания подростков не соответствует тем задачам, которые ставятся в данном учебном заведении.

Говоря о сравнении самооценки у учеников старших и средних классах, можно смело сказать, что, как и предполагалось, различия между группами значимые, и в средних классах наиболее частые значения показывает неадекватная самооценка, когда в старших классах преобладают адекватные значения, так как к этому возрасту идет стабилизация самооценки и устойчивое формирование Я-концепции, что говорит об адекватном оценивании себя и тех задач, с которыми может справиться конкретный ученик.

Проанализировав результаты методики, направленной на изучение мотивации учения в обоих классах, были получены четыре вида мотивации из заявленных в методике пяти (как оказалось, никто из испытуемых не обладает первым уровнем мотивации учения, то есть продуктивной мотивацией с выраженным преобладанием познавательной мотивации учения). В старших классах продуктивную мотивацию учения имеют только два человека, что составляет 5% от общего числа, среднюю мотивацию имеют 53%, сниженную – 22%, а отрицательное отношение к учебе – 20%. В средних – продуктивную мотивацию имеют 23%, среднюю – 57%, сниженную – 10%, а отрицательное отношение к учебе – 10%. Обобщая полученные результаты, можно сказать, что оба класса показали сильную значимую взаимосвязь мотивации учения с успеваемостью.

Говоря же о сравнении мотивации учения в общем, стоит отметить, что средние классы показали мотивацию учения продуктивнее и выше, чем в старших классах, и эти различия были значимы, что частично подтверждает наше первое предположение. Также важно отметить, что старшие классы нацелены в основном на подготовку к экзаменам и ЕГЭ, а также на профессиональное самоопределение, когда средние классы все еще больше увлечены познавательной деятельностью и сбором различной новой информации.

Далее были рассмотрены различия между девиантными и недевиантными подростками. Девиация проявляется в средних и старших классах

примерно поровну, что подтверждают данные теста и экспертная оценка. В старших классах распределение идет в пользу контрольной группы в соотношении 57% к 43%, а в средних 55% на 45%, где большая часть также условно относится к группе недевиантных подростков. В результате обработки данных было выявлено, что значимые сильные связи с девиантностью показали почти все критерии (мотивация учения, нейротизм, экстраверсия, успеваемость), кроме самооценки, которая также не имела значимых связей.

Мотивация учения показала значимые различия между контрольной группой и девиацией как в средних, так и в старших классах, и говорит о том, что у девиантных подростков преобладает пониженная мотивация к учению, что отражается в их поведении, а так же в успеваемости. Самооценка же в обоих случаях не показала значимых различий. Говоря же о гипотезах, то можно сказать, что вторая гипотеза не подтвердилась, так как данные сравнения групп оказались незначимы, и говорят о том, что нет различий в распределении самооценки в контрольной группе и группе девиантных подростков.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение таких категорий, как «экстраверсия» и «нейротизм», их связь с различными характеристиками, а также сравнение в контрольной группе и девиации. Если говорить о связях, то экстраверсия показала значимые связи с успеваемостью только в средних классах, тогда как нейротизм показал сильные значимые связи с успеваемостью как в средних, так и в старших классах. В старших классах экстраверсия могла не выявлять значимых значений, так как учащиеся нацелены на себя, на формирование Я-концепции и на профессиональное самоопределение, поэтому как и самооценка, не имеют значимой связи с успеваемостью.

Экстраверсия и нейротизм показывают значимые сильные связи с девиацией в обоих классах, чем ниже значения по экстраверсии (то есть, чем выше показатель интроверсии), тем выше показатель девиантности, и такая тенденция распространяется во всех классах. Также было интересно выделить, что нейротизм показал значимые связи с мотивацией учения в обоих классах, то есть низкая эмоциональная устойчивость связана с низкой степенью мотивации учения в обоих классах, возможно для детей, имеющих проблемы с поведением, трудности в заданиях или в понимании могут отпугнуть и оттолкнуть от учебы и познавательной деятельности.

В сравнении же экстраверсии и нейротизма между классами можно отметить, что в средних классах показатель экстраверсии выше, чем

старших, что вполне перекликается с завышенной самооценкой в средних классах. По данным характеристикам в контрольной группе и девиации, можно выделить, что в обоих классах в группе девиации показатели нейротизма выше, чем у нормы, когда экстраверсия наоборот, ниже, чем у контрольной группы. То есть в группах с девиацией присутствуют дети с низкой эмоциональной устойчивостью и они более интровертированы. Говоря же о третьей гипотезе, можно с уверенностью сказать, что гипотеза полностью подтверждена, так как данные по нейротизму показывают высокие значения в обоих классах.

Нейротизм показал сильную значимую связь с успеваемостью в обоих классах, а экстраверсия только в средних, что нельзя сказать в старших классах. Мы предполагаем, что такие данные получились из-за влияния внешних факторов. Так как нейротизм в подростковом возрасте проявляет себя как динамическая характеристика, то высокий уровень ожидания от подростков, стрессы от предстоящих экзаменов, гормональные скачки (в средних классах) и давление со стороны учителей и родителей (в старших классах) могут оказывать влияние на данную личностную характеристику. Нейротизм у девиантных подростков обоих классов действительно показал значения выше, чем в контрольной группе. А при связи с мотивацией к учению можно сказать, что девиантные подростки не нацелены на получение знаний и могут иметь определенные трудности с их получением. Возможно, с повышением мотивации к учению, помощь в трудностях с учебой, особые условия организации обучения могут помочь повышению успеваемости девиантных подростков.

При этом экстраверсия могла не быть связана с успеваемостью в старшем подростковом возрасте, потому что в данном возрасте ведущая роль отведена самоопределению, как профессиональному, так и личностному, поэтому, как и с самооценкой, учебная деятельность не связана с социальными контактами и коммуникабельностью. Если рассматривать экстраверсию в средних классах не только как коммуникабельность, но и как активность, то активность на уроках действительно может повысить успеваемость.

Так же интересными могут быть данные по сравнению девиантных подростков в средних и старших классах. Однако значимые различия получились только при сравнении мотивации учения, то есть, несмотря на то, что у девиантных подростков в обоих классах мотивация учения ниже, чем у контрольной группы, в старших классах девиантных подростков показатели мотивации учения опускаются еще ниже, чем в средних

классах, что может подтверждать предположение о том, что в выпускных классах направленность идет не на обучение, и не на поиск знаний, а у девиантных подростков данная тенденция выражена особенно очевидно.

Интересные данные для анализа показала именно самооценка своим отсутствием значимых связей и различий. Связь между уровнями самооценки и девиантности не была значимой, и при сравнении «нормь» и девиации в старших классах не было выявлено значительных расхождений в самооценке. Это может быть связано с тем, в девиантное поведение было резко выражено у данных подростков, чтобы существенно влиять на становление самооценки, возможно, при более высоких уровнях девиации самооценка бы оказалась связана с данным показателем. Однако при сравнении в средних классах самооценка показывала адекватные значения намного выше в «норме», чем в девиантной группе, но корреляция не показала эту связь значимой, следовательно, она может быть случайной. Данные закономерности можно объяснить тем, что в этом возрасте как раз идет начало становления самооценки, и она может существенно колебаться от неадекватно высокой до неадекватно низкой, а значит трудно выявить связь с девиацией.

Таким образом, мы видим, что очень важно рассматривать девиантность, учитывая психологические характеристики возрастной группы. Представляется особенно интересным рассмотреть девиантные проявления в различных возрастах, а также динамику их изменений. Еще один интереснейший аспект изучения девиантности открывает нам поведение подростков в интернет-пространстве, так как поведение в реальной и виртуальной жизни зачастую отличается. Информационное пространство также является институтом социализации современных детей. Можно сказать, что современная социальная ситуация представляет собой новое постоянно изменяющееся и имеющее сложную структуру социальное пространство (Дубовская, 2018). Более того, само представление о девиантности, в данном контексте, придется уточнять и сравнивать особенности поведения одного и того же человека в реальном и виртуальном мире, что, в свою очередь, может дать интересные данные об устойчивости девиантного поведения, самооценке и, возможно даже, мотивации учения в различных типах реальности. Ведь как отмечает Г.Г. Кравцов, этот период развития отличается тем, что подростки очень сензитивны к обучению, правда, учатся они часто сомнительному содержанию и в неформальных коллективах. При этом именно в виртуальном пространстве ребенок может учиться именно тому, что ему интересно, а не тому, что

нужно пройти по школьной программе, поэтому и учебная мотивация может представляться совсем иначе, в том числе и у девиантных подростков.

Библиографический список

1. *Запорожец А.В.* Избранные психологические труды: В 2 т. / Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. М.: Педагогика, 1986.
2. *Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г.* Большой психологический словарь. М.; СПб.: АСТ; АСТ-Москва; Прайм-Еврознак, 2008.
3. *Змановская Е.В.* Девиантное поведение личности и группы. СПб.: Издательский дом «Питер», 2010.
4. *Клейберг Ю.А.* Социальная психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов. М.: ТЦ Сфера, 2004.
5. *Короленко Ц.П., Донских Т.А.* Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск: Наука, 1990.
6. *Полыванова К.Н.* Психологическое содержание подросткового возраста // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 21–33.
7. *Соболева М.О.* Психологические условия изменения отношения к учению у подростков: Автореф. ... канд. психол.наук. М., 2013.
8. *Эльконин Д.Б.* Детская психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ред.-сост. Б.Д. Эльконин. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
9. *Фельдшайн Д.И.* Психология развития личности в онтогенезе. М.: Педагогика, 1989.

Socio-psychological characteristics of deviant adolescents

Soboleva M.O.,
Vygotky Institute for Psychology,
Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. This article raises the problem associated with understanding the distinctive characteristics of those adolescents, which are traditionally called "deviant". This study examines the features of self-esteem, motivation for learning, extroversion/introversion, neuroticism. The obtained differences are analyzed and further prospects for studying the category of "deviance" are considered.

Keywords: deviant adolescents, self-esteem, learning motivation, extroversion, introversion, neuroticism.

ГЛАВА IV. ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ВПФ

От «кликерного» к клиповому и чиповому мышлению

Шнейдер Л.Б.,

Институт психологии имени Л.С. Выготского
Российского государственного гуманитарного университета,
г. Москва

Аннотация. В статье два ключевых момента цифровой среды: информация и ее потребитель – пользователь Интернета. В сравнительном ключе представлено описание людей, принадлежащих к двум разным поколениям – «кликерному» и клиповому. Прогнозируется дальнейший вектор развития – к чиповому мышлению.

Ключевые слова: цифровая среда, информация, потребитель, информационная грамотность, поколения, миллениалы («цифровые мигранты»), текст, центениалы («цифровые аборигены»), экран, чип.

В настоящее время мы живем в условиях информационного взрыва, кардинально изменившего пространство нашей жизни, систему отношений и общения. Возникшая вследствие этого специфическая ситуация многоплановых преобразований обуславливается зримо фиксируемыми изменениями самого человека, его жизненных ритмов, установок, отношений к себе и другим (Д.И. Фельдштейн). Современный человек в отличие от его предшественников живет совершенно в иной среде – информационной, и использует ранее неизвестные – цифровые технологии.

Среда характеризуется как информационно богатая, если в ней есть возможность получения доступа ко всем видам информационных ресурсов, каналов и баз данных. В противном случае ее можно считать информационно бедной. Соответственно, информационно богатым считается информационно грамотный человек, способный действенно и эффективно использовать различные виды информации. Такой человек может обучаться и развиваться на протяжении всей жизни. Информационно бедный человек на это неспособен (Медиа- и информационная грамотность в обществах знания, 2013; с. 37).

Итак, ключевыми моментами современности являются информация и человек как ее создатель, распространитель и потребитель.

Мощный поток свободной информации порождает уникальную информационную культуру личности со смешением виртуального и реального мира. Прежде культура информации заставляла учитывать требования, предъявляемые к форме информации и способам ее подачи, в нынешнее время цифровой мир обращает мало внимания на проблемы обмена, методы объединения и ритуальные формы, хотя эти аспекты важны для понимания формирующейся культуры. На самом деле цифровая культура больше ориентирована на описание того, что она предлагает, нежели того, что она делает в действительности (Медиа- и информационная грамотность в обществах знания, 2013, с. 108). Хаотичная информация, ставшая доступной вследствие распространения цифровых устройств, не относится к культуре «грамотности», которая в основу процесса ставит понятия прогрессивного обучения, развития искусств, разработки методов, исследовательских подходов, а также формирования знаний. Цифровая культура иная по самой сути, для ее постижения необходимо овладение информационной грамотностью.

По определению Фрейре и Мачедо, медиа- и информационная грамотность – это критическое «прочтение» мира и его «воссоздание» (Медиа- и информационная грамотность в обществах знания, 2013, с. 64).

Сегодня процесс определения моделей культурных практик, связанных с информационной грамотностью, кажется особенно трудным. Проведенные исследования (Шнейдер, Сыманюк, 2016) показывают, что информационная грамотность отсутствует даже у студентов престижных московских вузов. Между тем, мы окружены, взяты в плен информацией. Она повсюду: на телевидении, в печатных СМИ, Интернете, на билбордах, в кино, на предметах одежды и пр. И ситуация ее широкого масштабного распространения не ограничивается одной лишь коммерческой рекламой или сообщением новостей.

К. Уилсон со ссылкой на своих коллег заявляет: «Практически все, что мы знаем (или думаем, что знаем) о мире (не из своего непосредственного опыта), доносят до нас средства массовой информации. Тот факт, что СМИ, оказывающие громадное влияние на многие аспекты общественной жизни и, разумеется, на индивидуальное сознание, остаются за пределами школьной программы, – это показатель того, что медиа способны влиять на нас на таких уровнях, о которых мы не знаем» (Медиа- и информационная грамотность в обществах знания, 2013, с. 65).

Итак, информация, будучи весьма неупорядоченной и широко охватной, искусно влияет на наши убеждения. И не только. Сегодня мы становимся свидетелями пиар кампаний и корпоративного спонсорства – представители бизнеса и органы власти делают все возможное, дабы создать позитивный образ и повысить свой престиж. Используемые в информационном пространстве техники и стратегии постоянно совершенствуются для более успешного продвижения продукции, услуг и идей. Они оказывают влияние на поведение людей, формируют их ценности и attitudes. Для многих представителей молодого поколения информация повествует не только о том, что происходит в мире, чего стоит ждать, что следует купить и пр., но и о том, как оценивать себя и свое место в мире (Медиа- и информационная грамотность в обществах знания, 2013, с. 69).

В связи с этим в информационной культуре личности, по мнению Н.И. Гендиной, особое место занимает информационное мировоззрение. Его суть – ценностное (осмысленное, ответственное) отношение и к информации, и к создаваемым и используемым информационным продуктам, и к техническим средствам, информационным технологиям. Информационное мировоззрение – это система взглядов человека на мир информации и собственное место в нем, включающая в себя ценности, идеалы, принципы познания и деятельности (Гендина, 2012).

В современной среде существует два типа потребителей информации. Дж. Палфри, У. Гассет называют их цифровыми мигрантами и цифровыми аборигенами (Палфри, Гассет, 2011). Цифровые мигранты – люди, родившиеся, выросшие и сформировавшиеся в информационной среде без цифровых устройств, и вошедшие в киберпространство в поздней молодости или зрелости. Цифровые аборигены – это люди, родившиеся, выросшие и повзрослевшие в эпоху цифровых технологий. Первые еще помнят, какой была жизнь без гаджетов, вторые этого вообще не знают. По сути, это два разных поколения.

Предыдущее поколение (миллениалы) можно отнести к поколению с «кликковым» мышлением (восприятием, пониманием), когда важным моментом организации жизни и поведения был клич (клик, текстовый вброс). На многое ориентировали призывы, лозунги: «Будь готов!», «Даешь пятилетку в три года!», «Миру мир!», «Нет войне!» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и т.д. и т.п. Призывной характер воздействия не допускал возражений. Клич взывал, соединял, будоражил, активизировал и направлял. Его короткий плакатный текст и трубный глас провозглашения не оставлял времени на размышления. Голосовое воздей-

ствие в специально организованных ситуациях (на торжественных собраниях, во время демонстраций и пр.) было достаточно мощным, плакатные призывы легко прочитывались и оседали в подсознании. «Кликовое» мышление порождено публичным воздействием, соответственно и реакция на него проявлялась внешне демонстрируемыми, часто шумными, способами. На это поколение доходчиво, но раздражающе воздействует реклама, которая, по сути, повторяет «кликтовую струю» с назойливым и регулярно повторяющимся призывом «Купи!». Это поколение предпочитает читать, слышать и видеть. Это люди книги, люди подвергшиеся обработке текстовой доктриной. Кстати, название книг, заголовки газетных статей нередко носили (да и сейчас носят) зазывной характер. Зов (клич, текст) способствовал и развивал концентрацию внимания. Вероятно, корни этого явления уходят к эпохе глашатаев. Миллениалы ориентируются на короткую, четкую, повторяющуюся и однозначную информацию (отчеты, сообщения, короткие тексты и т.п.). Конечно, и в этом поколении нередко встречаются люди, которым нужен значительный, монотонный и последовательный объем информации, чтобы прийти к какому-то заключению. Сам мир предстает перед ними как текстовое пространство, последовательно заполненное фразами, которые предъявляются либо быстро, но с повторами, либо последовательно, но медленно.

Центениалы (они же цифровые аборигены) живут в «молчаливой зоне», которую дополняют аудиальными (часто музыкальными) стимулами из наушников, и обладают клиповым мышлением (восприятием, пониманием). «Клиповое мышление» базируется на ярких образах и посланиях теленовостей или видеоклипов, представляющих собой последовательность почти не связанных между собой событий. В результате молодой человек, отметив одну жизненную «закладку», толком не осмыслив ее проблематику, переходит к потреблению другой. Усиливается желание искать комментарии, цепляющие заголовки и вирусные ролики, слушать новую музыку, «чатиться», редактировать фотографии, ставить лайки и так далее. Центениалы любят общаться в Сети, причем анонимно. У них иммунитет к рекламе, встроенный адблок (URL: lifelifehack.ru). Они не любят (или уже не способны) долго концентрироваться, предпочитают смотреть, а не читать, процесс чтения заместился просмотром. Это люди, вакцинированные экраном. Цифровым аборигенам нужно уловить максимум информации в короткий срок. В работе с ней они предпочитают онлайн-каналы, визуализацию, динамику и ско-

рость. В современном цифровом пространстве и подача информации, и ее восприятие ориентированы на быстроту реакции человека, отсюда судорожное переключение каналов («зепинг») и чтение кратких материалов, занимающих массу времени (URL: lookatme.ru, rosbalt.ru). Сейчас скорость поглощения и обработки информации – главный показатель успешности. В памятке из 15-ти пунктов для студентов Гарварда есть такой пункт: «Твой успех прямо пропорционален твоей скорости восприятия, нахождения и обработки информации» (URL: fit4brain.com/).

Конечно, и среди молодого поколения есть люди с последовательным мышлением, с балансом между потреблением и созданием нового. Их отличает просмотр полноценных фильмов, посещение театральных представлений и продолжительное чтение больших текстов. Они склонны размышлять и анализировать.

Таким образом, в настоящее время сосуществуют два вида восприятия информации и соответствующего им мышления: «кликерное» и клиповое. Между тем, похоже, что оба вида достаточно схожи. Носители того и другого (потребители цифрового контента) в своем большинстве не ориентированы на сложную аналитическую работу, на самостоятельное создание текстов или образов, больше подвержены управляемому воздействию, но меньше – умению и желанию думать. Если в прежние времена фиксировалась зависимость человека от плакатов, текстов, лозунгов, то теперь широко распространилась зависимость от цифровых носителей. В настоящее время все источники и способы получения информации окружены (объединены) Всемирной паутиной. Средства массовой информации могут быть цифровыми, общение – сетевым, игра – виртуальной, а художественные произведения – электронными (Батенова, 2009). Время, проводимое в Интернете, становится значимой частью распорядка дня, а Интернет – тем фактором, который определяет образ жизни.

Наряду с этим приходится констатировать, что человечество не стало свободнее, просто информационное «рабство» модифицировалось. Клиповое мышление, так или иначе, вытеснило «кликерное».

Об этом же повествование Б. Гейтса, утверждающего, что 90% информации он получает онлайн. «Трудно себе представить, как мы работали 30 лет назад, когда компания только зарождалась. Мы, наконец, приближаемся к тому, что я называю “цифровой стиль работы”. Если заглянете в мой офис, вы не увидите здесь много бумаги. <...> Вряд ли вы захотите вернуться назад, потому что это напрямую влияет на производительность вашего труда. <...> (Гейтс, 2008).

А что дальше?

Сами IT-специалисты смотрят в будущее с оптимизмом. Ст. Возняк утверждает, что современные технологии – машинное обучение, блокчейн, квантовые компьютеры, интернет вещей и пр. – вселяют в него большие надежды. Развитие многих из них – это тренд, который меняет жизнь. В компьютерных технологиях он видит персональных помощников, которые дают возможность решать задачи, не вводя текст, не обращаясь к девайсам и часто даже не формулируя самого главного. Он уверен, что системы распознавания речи скоро изменят окружающий мир, и полагает, что время роботов, которые будут нам помогать, не за горами (URL: econet.ru).

М. Каку в книге «Физика будущего» пишет, что образование будет базироваться на интернет-технологиях и гаджетах типа Google Glass. Совсем скоро компьютеры и очки Google Glass трансформируются в крохотные линзы, предоставляющие возможность загружать всю необходимую информацию. С одной стороны, не нужно будет перегружать мозг бесполезными знаниями. С другой – освободившийся умственный резерв переориентируется на развитие способности принимать быстрые и верные решения. Как он полагает, диктата учительства больше не будет. Люди станут образовывать сами себя, причем реально осознавая, какие именно знания им нужны. Университетское образование станет по преимуществу виртуальным, обучение будет основано на облачной системе. Города будущего, наполненные информационно-коммуникационными решениями, станут активными участниками новой образовательной среды. Учебники научатся начинать искусственным интеллектом, он сможет подбирать фото, тексты, видео, задания, схемы под потребности каждого конкретного ученика вне зависимости от его возраста.

М. Каку полагает, что общество постепенно переходит от товарной экономики к интеллектуально-творческой. Самое главное – вовремя сориентироваться и переключиться. Вполне реально, что будет создан сверхразум, превосходящий лучшие умы человечества практически во всех областях, что позволит максимально безопасно совершенствовать и стимулировать естественные когнитивные процессы, наработать базу знаний. По его мнению, мозговые чипы, обеспечивающие непрерывную подачу информации, – технология недалекого будущего (URL: 22century.ru).

Таким образом, приходится констатировать, что эра клипового мышления изживает себя, приближается эпоха чипового мышления. Что оно принесет с собой? Время покажет.

Библиографический список

1. *Батенова Ю.В.* Психологические аспекты взаимодействия человека и информационных технологий: современные тенденции // Актуальные проблемы психологического знания. 2009. № 4. Вып. 13. С. 6–14.
2. *Гейтс Б.* Как я работаю. URL: <https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2008/06/20/kak-rabotaet-bill-geyts/> (дата обращения: 20.02.2017).
3. *Гендина Н.И.* Информационная подготовка и медиаобразование в России и странах СНГ. Проблемы формирования информационной культуры личности и продвижения идей информационной и медиаграмотности. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012.
4. *Каку М.* Физика будущего / Пер. с англ. Н. Лисова. М.: Альпина нон-фикшн, 2012.
5. Лайфхакер. URL: <https://lifehacker.ru/> (дата обращения: 10.03.2017).
6. Медиа- и информационная грамотность в обществах знания / Сост. Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М., 2013.
7. *Палфри Дж., Гассет У.* Дети цифровой эпохи. М.: Эксмо, 2011.
8. Росбалт – новости, статьи, мнения. URL: <http://www.rosbalt.ru/> (дата обращения: 02.04.2017).
9. *Фельдштейн Д.И.* Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития. М., 2010.
10. Фитнес для мозга. URL: <http://fit4brain.com/> (дата обращения: 12.03.2017).
11. *Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В.* Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1406-shneider52.html> (дата обращения: 02.10.2018).
12. XXII век. Открытия, ожидания, угрозы. URL: <https://yandex.ru/search/?lr=216&text=22century.ru%20> (дата обращения: 12.03.2017).

Yesterday, today, tomorrow: from klikovy to clip and further to chip thinking

Schneider L.B.,
Vygotsky Institute for Psychology,
Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. In article two key moments of the digital environment: information and its consumer – the Internet user. In a comparative key the description of the people belonging to two different generations – "klikovy" and clip is submitted. The further vector of development – to chip thinking is predicted.

Keywords: digital environment, information, consumer, information literacy, generations, millenials ("digital migrants"), text, centenials ("digital natives"), screen, chip

Клинико-психологические аспекты отношений человека с цифровым миром*

Балашова Е.Ю.,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Психологический институт РАО;
Научный центр психического здоровья РАМН,
г. Москва

Аннотация. Автор статьи анализирует комплекс психологических проблем, возникающих при взаимодействии человека с цифровыми технологиями и различными гаджетами. Обсуждаются феноменология поведенческих проявлений этих проблем и вероятные клинико-психологические механизмы формирования таких аспектов цифровой зависимости, как хроническая усталость от постоянного пребывания в интернете, снижение качества психического развития детей и подростков при слишком раннем и недозированном включении гаджетов в образовательный процесс и в сферу досуга. Автор приводит ряд доказательств отрицательного влияния цифровой зависимости на состояние когнитив-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 16-06-00161 «Экзогенные и эндогенные факторы информационной социализации».

ных функций (памяти, внимания, мышления) у взрослых пользователей. Описываются современные методы средовой терапии и психологической профилактики такой зависимости.

Ключевые слова: цифровые технологии, гаджеты, клиническая психология, зависимость, профилактика.

Последние десятилетия характеризуются все более широким внедрением т.н. цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности человека: в науку, промышленное производство, здравоохранение, обучение, общение, досуг и т.п. Обладая несомненными преимуществами, эти технологии, вместе с тем, могут нести с собой определенные угрозы психическому здоровью людей (Балашова и соавт., 2010; Белинская, Марцинковская, 2018; Емелин, Тхостов, 2013; Головина, 2018; Марцинковская, 2010; Тхостов, Емелин, 2012; *Teperik*, 2010). Задачей (одновременно научной и практической) клинической психологии в данной ситуации является внимательный анализ возможных рисков и затем разработка профилактических мер.

Какие же проблемы взаимодействия человека и цифровых технологий (одним из реальных воплощений которых являются разнообразные гаджеты) обсуждаются сегодня в научной среде и в средствах массовой информации?

Во-первых, это сформировавшийся у многих пользователей особый вариант синдрома хронической усталости – но уже не от работы, а от постоянного пребывания в интернете. По данным Sky News, темпы продажи обычных мобильных телефонов растут сейчас больше чем в два раза быстрее, чем современных смартфонов. И эта тенденция объяснима – все больше и больше людей проводят в интернете десятки часов. Например, приблизительно у четверти взрослых британцев эта цифра составляет более 40 часов в неделю; более 60% европейцев и жизни себе не могут представить без глобальной паутины. Поэтому многие, понимая, что попадают в плен зависимости от гаджета, и осознавая, что это потенциально опасно или, по крайней мере, непродуктивно, пытаются оградить себя от соблазна, выбирая мобильный телефон без интернета.

Поскольку я регулярно пользуюсь московским общественным транспортом, хочу поделиться собственными наблюдениями. По моим подсчетам, смартфоны не выпускают из рук около 80% пассажиров метро. Это преимущественно подростки, молодежь, люди среднего возраста. Причем никогда! Ни в вагоне, ни на эскалаторе, ни на платформе. Ни сидя,

ни стоя, ни идя пешком, ни даже во время посадки в вагон и выхода из вагона. Ни в толпе в «час пик», ни в относительном одиночестве. Более того, приблизительно у 25% «он» не один. Мне встречались пассажиры, у которых я видела в руках два смартфона и еще мобильник. А многие берут с собой еще планшеты и ноутбуки. На мой взгляд, широкое распространение массивных рюкзаков связано именно с непреодолимым желанием постоянно носить с собой все любимые гаджеты, далеко не всегда обусловленным профессиональной необходимостью. Зададим себе вопрос – это нормально? Это делает вас счастливее? Придает уверенности в себе? Это повышает вашу самооценку? Лично мне всегда казалось, что таскание тяжелых сумок – это вариант самоистязания (у психоаналитиков есть и более изящный термин – мазохизм). Читатели помнят, что те или иные проявления самоистязания часто имели место в разных религиозных культурах. Впрочем, зависимость от гаджетов (или преклонение перед ними?) в чем-то сродни религии. Адепты «digital religion», например, готовы сутками стоять в очереди за новой моделью айфона: в конце сентября 2018 года москвичи удостоились лицезреть такую очередь на Тверской улице. Любопытно, что в ответах стоящих на вопросы журналистов причудливым образом сочетался фанатизм с меркантильными рефлексам: место в очереди оценивалось в сотни тысяч рублей и, при желании, покупалось и продавалось. Мне эта ситуация почему-то напомнила гениальный фильм Якова Протазанова «Праздник святого Йоргена», снятый аж в 1930 году. Вот уж где фанатизм и стяжательство становятся даже не ассоциативным комплексом, а настоящей функциональной (и весьма успешно функционирующей!) системой!

Во-вторых, внимание общества все больше привлекает влияние чрезмерного увлечения гаджетами на качество и успешность психического развития в ходе ранних этапов онтогенеза. Широко известен следующий факт: Стив Джобс, основатель компании Apple, где придумали первый смартфон, строго ограничивал для своих детей время пользования планшетом. В ряде элитных школ США и Европы не приветствуется наличие гаджетов – дети учатся делать вычисления вручную. Почему так? Оказывается, психические функции (устная и письменная речь, память, моторика, интеллект и другие) в детстве должны пройти определенный путь развития, складывания, автоматизации входящих в их состав действий и операций. При передаче ряда таких операций гаджетам функция не формируется в достаточном объеме. Кроме того, даже у взрослых людей отмечается заметное снижение IQ, если они во время выполнения

заданий теста регулярно отвлекаются на звонки и мессенджеры своего смартфона. Между прочим, мне это напоминает поведение студентов на лекциях и семинарах: смартфоны всегда рядом с тетрадями. И как, по-вашему, это сказывается на усвоении учебного материала и формировании профессиональных знаний и навыков?

Словом, ресурсы нашего внимания явно не безграничны. И вообще, возникает впечатление, что длительное бездумное общение с некоторыми гаджетами моделирует давно известный в нейропсихологии феномен «полевого поведения» у больных с поражениями лобных отделов мозга: они отвлекаются на любой стимул и, вследствие этого, не могут сосредоточиться на решении главной задачи. Специалисты говорят еще и о том, что другим фактором интеллектуальной деградации является потребление информации маленькими порциями (а именно так она представлена в мессенджерах) не требует усилий и мозг начинает лениться (Головина, 2018). О влиянии многочасовых игр в «Тетрис», «Шарики» или «Пиратские сокровища» (настоящего убийства времени в духе произведений известного сказочника про приключения Алисы в стране чудес и в Зазеркалье) и говорить не стоит. Такое прогрессирующее интеллектуальное снижение уже получило страшненькое медицинское название – *“digital dementia”*.

В-третьих, развитие цифровых устройств и чрезмерное увлечение мобильными технологиями приводит к появлению изменению психики и поведения. Это неконтролируемый страх остаться без мобильного даже на несколько минут. Многие пользователи не расстаются с ним даже в душе или во время еды (фирмы-производители поэтому выпускают все больше и больше моделей с водонепроницаемым корпусом). Это невозможность запомнить, где в интернете вы видели ту или иную информацию (т.н. интернезия), и невротические реакции по поводу подобных затруднений. Замечу попутно, что даже разумное пользование интернетом, когда путешествия по глобальной паутине являются дозированными и целенаправленными, предъявляет особые требования к селективности памяти, к умению выбрать и запомнить нужное. Это вспышки ярости при сбоях в работе гаджета. Это носящие навязчивый характер опасения не успеть вовремя зарядить смартфон или забыть (потерять) зарядное устройство. Я перечислила лишь немногие из известных специалистам «цифровых» симптомов; весь их комплекс, без сомнения, уже давно превратился в настоящий синдром.

Существуют ли способы совладания с описанной ситуацией? В разных странах мира появляются особые дни, когда люди пытаются полностью отказаться от использования гаджетов; создаются специальные программы отдыха с добровольной конфискацией всей «цифры» на время отпуска; в городской среде все чаще возникают зоны Wi-Fi free. Цифровая зависимость стала объектом огромного числа шуток, анекдотов, юмористических видео, что свидетельствует о наличии определенного критического отношения наших современников к этому феномену. Но важно и другое. Прежде всего, каждый пользователь цифровых гаджетов должен решить, кто слуга и кто господин. Он должен помнить, что гаджет – это небольшое устройство, предназначенное для облегчения и усовершенствования жизни человека, что оно является лишь средством достижения различных целей, а никак не сверхценным фетишем. Пользователю необходимо решить, не попадает ли он во власть растущей патологической потребности (в психологическом смысле этого слова), которая неизбежно окажет негативное влияние на его личность, когнитивные функции, реальное общение с окружающими людьми. Важно и понимание того, что отношение с миром гаджетов должно стать осознанным, продуманным, доступным произвольной регуляции. И в формировании навыков такого осознания и регуляции может внести существенный вклад клиническая психология.

Библиографический список

1. *Балашова Е.Ю., Ковязина М.С., Сурнов К.Г.* Часовой механизм в контексте проблемы культурной патологии // Психологические исследования. 2010. № 2(10). URL: <http://psystudy.ru/num/2010n2-10/302-balashova10> (дата обращения: 18.09.2018).
2. *Белинская Е.П., Маринковская Т.Д.* Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сб. научных статей и материалов международной конференции, 14–17 февраля 2018, Коломна / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 43–48.
3. *Головина Е.* Виртуальный доширак // Вечерняя Москва, 6–13 сентября 2018. № 34 (28030). С. 28–29.
4. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 74–84.

5. *Маринковская Т.Д.* Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010. № 3. С. 90–102.
6. *Тхостов А.Ш., Емелин В.А.* Мобильные деспоты // Дети в информационном обществе. 2012. № 12. С. 60–65.
7. *Teperik R.F.* Ontopsicologia della dipendenza // Ontopsicologia. 2000. № 3. Pp. 91–98.

People and digital world: clinical-psychological aspects of the relationship

Balashova E. Yu.,
Lomonosov Moscow State University,
Psychological Institute of the RAE, Moscow

Abstract. The author analyzes the complex of psychological problems arising in human interaction with digital technologies and various gadgets. The phenomenology of behavioral manifestations of these problems and probable clinical and psychological mechanisms of formation of such aspects of digital dependence as chronic fatigue from constant stay on the Internet, decrease in quality of mental development of children and teenagers at too early and unproven inclusion of gadgets in educational process and in the sphere of leisure are discussed. The author provides a number of proofs of the negative influence of digital dependence on the state of cognitive functions (memory, attention, thinking) in adult users. Modern methods of environmental therapy and psychological prevention of such dependence are described.

Keywords: digital technologies, gadgets, clinical psychology, addiction, prevention.

Высшие психические функции в контексте цифровых*

Емелин В.А.,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва

Аннотация. Культурно-историческое развитие человека в информационном обществе связано с трансформацией его идентичности под влиянием вхождения в жизнедеятельность цифровых и других высоких технологий. Технологии информационного общества становятся не только инструментами, количественно умножающими способности человека, но и качественными расширениями его высших психических функций. Если на протяжении всей предшествующей истории технологии лишь облегчали человеку те или иные действия, радикально не преобразовывая его натуральных возможностей, то современные цифровые технологии информационного общества в ходе их использования меняют не только топологию человека, расширяя и дополняя его, но и изменяют его мировоззрение, создавая возможности разнородных и анонимных каналов коммуникации, формируют новые формы удовлетворения потребностей и оказывают влияние на высшие психические функции. Изучение последствий этих процессов в условиях динамично развивающегося информационного общества становится одной из актуальных задач наук о человеке.

Ключевые слова: идентичность, цифровые технологии, информационное общество, высшие психические функции, культурно-историческое развитие, когнитивные карты.

Стремительное развитие цифровых телекоммуникационных технологий в современном обществе привело к пониманию необходимости осмысления их последствий для жизнедеятельности человека в целой серии междисциплинарных областей – философии, социологии, психологии (Степин, 1997; Рейнголд, 2006; *How Technology Changes Everything (and Nothing) in Psychology*, 2009). При этом, если традиционно информационные технологии обсуждались как отдельная сфера деятельности (отдельная виртуальная реальность) (Носов, 2000), как усовершенствование, линейное расширение возможностей человека (Маклюэн, 2003), то

* Исследование осуществлено при поддержке гранта РФФИ 17-06-00849-ОГН.

к настоящему моменту становится все более очевидно, что информационные технологии не просто дополняют или расширяют, но опосредствуют все психические процессы и отношения людей (How Technology Changes ..., 2009), становясь в этом смысле «психотехнологиями» (Schimmenti, Caretti, 2010). Как следствие, в современном обществе понимание культурно-исторического процесса развития человека невозможно без описания того, каким образом это развитие трансформируется в новом социальном контексте, опосредствованном влиянием технологий. Развитие цифровых технологий делает необходимым психологических анализ направлений и механизмов трансформации процесса культурно-исторического развития человека (в том числе, трансформации высших психических функций человека) с развитием информационных технологий.

Сегодня в психологии активно дискутируется проблема так называемых «психотехнологий» в том смысле, что они влияют на психические процессы и отношения людей (Schimmenti, Caretti, 2010), непосредственно на психику человека (How Technology Changes ..., 2009). Так, семья перестала быть важнейшим фактором в формировании и поддержании представлений: телевидение и интернет предлагают большое количество недоступных ранее ролей и моделей поведения, способов мышления и выборов. Видеоигры позволяют конструировать и переживать виртуальные реальности, которые могут быть далеки от норм и ценностей общества. Помимо этого, используя технологии, человек может создавать новые референтные группы с необычными нормами взаимодействия вместо того (или вместе с тем), чтобы быть вовлеченным в привычный процесс социализации. В результате ценности, представления и отношения нового поколения могут отличаться от традиционно признаваемых: то, что обычно рассматривалось как изоляция, в глазах пользователей технологий выглядит тесной связью с другими людьми, то, что считалось импульсивным поведением, становится жизнью на современной скорости. Без учета и понимания этого невозможно понимание психологических особенностей современного поколения, особенно молодежи. По мнению ряда исследователей (Srivastava, 2005), технические средства являются «выгодным» объектом для включения в структуру идентичности: они позволяют не столько удовлетворить потребность в обладании, сколько организовывать некий процесс (переживаний). Некоторые технологии позволяют выразить и личностные особенности (идентичность) своего владельца. Так обстоит дело с профилями и ава-

тарами в интернете и звуковым тоном и заставкой мобильного телефона – они открывают возможности для персонализации и несут некую информацию о человеке для других людей (о том, кто он). Широкое распространение и практически «безграничность» технологий приводят к актуальности проблемы сохранения идентичности и приватности. Предлагается даже термин – «цифровая тень» – для описания того, как представлен человек, его личность и идентичность в виртуальном мире (Shroff, Fordham, 2010).

В целом, существующие исследования задают проработанную теоретическую основу для интеграции полученных данных на основе положений культурно-исторического подхода в психологии. Однако до настоящего времени лишь немногие работы (Mossberger et al., 2008; Солдатова и соавт., 2013) уделяли внимание пониманию цифрового мира как опосредствующего все сферы жизни и задающего специфическую социальную ситуацию развития, что делает необходимым анализ трансформации культурно-исторического развития человека под влиянием технологий. Это ставит вопросы о собственно психологических изменениях в системе социальных ожиданий и представлений, в мотивационно-смысловой, ценностной, волевой, эмоциональной и когнитивной сферах личности, а также в структуре деятельности, которые до настоящего момента остаются недостаточно исследованными. Несмотря на очевидность и широкую распространенность представлений о важности и актуальности исследования влияния информационных технологий на психику человека (How Technology Changes ..., 2009), в современном психологическом дискурсе отмечается дефицит работ, посвященных теоретическому осмыслению того, каким образом и по каким механизмам трансформируются внутренний мир и деятельность человека под влиянием технического прогресса. Лишь в недавнее время представления о цифровом мире как опосредствующем все сферы жизни человека получили развитие в рамках концепций цифрового гражданства (Mossberger et al., 2008) и цифровой компетентности (Солдатова и соавт., 2013).

Технологические и социокультурные трансформации, произошедшие в последние десятилетия, требуют выявления психологических закономерностей, определяющих то, каким образом информационные технологии опосредствуют культурно-историческое развитие человека, позволяя говорить о новом «витке» в развитии высших психических функций – «информационно-опосредствованных» ВПФ. Это позволит перейти от исследований распространенности тех или иных феноменов в

интернете к пониманию их психологического содержания и динамики. С практической точки зрения выявление трансформации высших психических функций и деятельности человека под влиянием информационных технологий позволит модифицировать существующие методы психологической диагностики и психологической помощи таким образом, чтобы они были сензитивны к современным условиям развития человека.

Специальный интерес представляет собой анализ влияния технологического расширения человека на трансформацию его когнитивных карт и, опосредствовано, на изменение его «картины мира». Хотя многие высшие психические функции взаимодействуют, в отношении трансформации натуральных когнитивных карт происходит их довольно необычное пересечение с технологическим расширением человека. Человек не только способен усваивать знания, дополняющие его собственную когнитивную карту, он может изменять само природное ограничение его локомоций через изобретение транспортных средств, дающих ему даже возможность летать, информационных сервисов, позволяющих организовывать маршруты перемещений, и соответственно, получать уже новые знания о новых возможностях. Иначе говоря, возникает особый гибридный конструкт карты-возможности локомоции, соотношенный с новыми технологическими возможностями, приводящий уже к качественным изменениям географии, становящейся привязанной не к натуральной реальности, а реальности технологической.

На метафорическом и лингвистическом уровне изменения в деятельности человека зафиксированы в таких терминах, как «поколение большого пальца», «текстовая шея», «многооконность», «клиповое сознание», «фрагментарное мышление» и т.п. «Будущее теперь – это уже не завтра, это через 10 минут» (How technology changes ..., 2009, p. 454), и это будущее не нейтрально – технологии задают новые возможности, а тем самым – цели и ценности, сдвигают привычные границы нормы и патологии, изменяют структуру деятельности. Изменения в социальной распространенности технологий и соответствующих социальных ожиданий приводят к трансформации конвенциональных границ нормы и патологии, когда то, что считалось зависимостью, становится проявлением современного образа жизни. Исходя из понимания того, что технологии не являются нейтральными по отношению к использующему их человеку, предлагается дополнить их разработкой новой позиции, учитывающей возможности соразмерного и гармоничного сосуществования человека и технологий с целью сохранения родовой сущности человека и его

устойчивой и когерентной идентичности при неуклонном развитии технического прогресса.

Библиографический список

1. *Маклюэн М.* Понимание медиа. Внешние расширения человека. М.: Гиперборей, Кучково Поле, 2003. – 464 с.
2. *Носов Н.* Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. – 432 с.
3. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.
4. *Стётин В.С.* Высокие технологии и проблема ценностей // Высокие технологии и современная цивилизация. М.: ИФРАН, 1999. С. 4–11.
5. Цифровая компетентность российских подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / *Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова.* М.: Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.

The transformation of higher mental functions under the development of digital technologies

Emelin V.A.,

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract. The cultural-historical development of the man in the information society is strongly associated with the transformation of his identity under the influence of digital and other high technologies. The information society technologies turn into not only the instruments, enhancing the natural abilities of a person, but also the quality extensions of his or her higher mental functions. During the whole preceding history, technologies have facilitated one or the other actions, transforming no natural abilities. Then, in the course of the deployment, modern digital technologies of the information society change not only the man's topology, extending and augmenting him. But, they change his worldview, making heterogeneous and anonymous channels of communication possible, creating new forms of satisfaction of needs and exert influence on higher mental functions. Studying the effects of those processes and in the conditions of the dynamically developing information society become one of relevant problems of the humanics.

Keywords: identity, digital technologies, information society, higher mental functions, the cultural-historical development, cognitive maps.

Роль языка в процессе информационной социализации в мультикультурном обществе

Киселева Е.А.,

Институт психологии им. Л.С. Выготского
Российского государственного гуманитарного университета,
г. Москва

Аннотация. Анализируется роль информационной социализации в современном мультикультурном мире, раскрывается значение психологической транзитивности и возрастающая роль информационной культуры и информационной социализации для адекватного позиционирования в этом пространстве. Рассматривается влияние места проживания, языка и социокультурной идентичности на процесс информационной социализации. Выделяется несколько ведущих тенденций информационной социализации в современном мультикультурном и транзитивном мире. Доказывается, что различия между молодыми людьми и взрослыми респондентами заключается в выборе информационных источников и степени доверия к ним. Доказывается, что в процессе информационной социализации возрастает роль русского (часто и иностранного) языка у молодежи Карелии и Коми, при этом уменьшается потребность в знании родного, карельского и коми языков. Доказывается, что смешанная лингвистическая идентичность увеличивает толерантность к неопределенности и повышает социализированность подростков в мультикультурной среде.

Ключевые слова: информационная социализация, лингвистическая идентичность, мультикультурная среда.

Проблема информационной социализации в последние годы является одной из самых актуальных и острых не только для науки, но и для общества в целом (Марцинковская, 2015). Подрастающее поколение развивается в принципиально новом социальном и информационном пространстве, в котором слова «информационная культура» являются не абстрактными понятиями, но живой реальностью (Белинская, Дубовская, 2009). В то же время, необходимо отметить, что вопросы информационной социализации и информационного пространства для психологии, в отличие от культурологии и социологии, в значительной мере «*terra incognita*». Психологические исследования фокусируются в основном на

проблемах интернет-коммуникаций и интернет-зависимости. Однако достаточно очевидно, что информационное пространство шире пространства интернет-коммуникации, а отношение к информации, разным информационным полям (источникам), в том числе и интернету, связаны с многообразными психологическими проблемами. В числе этих проблем, безусловно, и вопросы, связанные с веером возможных идентичностей, проявляющихся при различных формах общения и взаимодействия, и вопросы, относящиеся к новым вариантам трансляции идеалов, норм и ценностей при межгрупповой и межпоколенной трансмиссии. Не менее важной является и проблема лингвистической идентичности, роли языка в информационной социализации и общей социализации в современном мультикультурном пространстве (Андреева, 2012; Донцов, Стефаненко, Уталиева, 1997).

Материалы, выявившие невозможность прогнозирования выбора СМИ и их воздействия, исходя из принадлежности к возрастной когорте, и/или социальной/профессиональной группе, показали необходимость разработки дальнейших исследований, связывающих выбор информационных источников, исходя из групповой идентичности, степени референтности группы и профессиональных интересов, а не профессиональной принадлежности.

Влияние референтной группы ярко сказывается, например, в выборе СМИ у большой группы людей, недавно приехавших в Москву. Полученные данные показали, что доминирование телевидения, а не газет, радио или Интернета, является общим для большинства людей данной возрастной группы (35–50), независимо от места проживания (Марцинковская, 2015). Однако существенным отличием именно этой группы является высокий интерес к политическим новостям, а также факт доминирования ТВ как основного источника информации, в то время как другие люди зрелого возраста все же имеют альтернативные источники получения знаний (в том числе и печатные СМИ, и Интернет). Для остальных респондентов (как взрослых, так и подростков) наибольший интерес представляет не политика, но профессиональные знания, культура, спорт, светская хроника и т.д. Этот факт важен не столько сам по себе, но в связи с возможностью прогнозирования выбора поля информации и, частично, формы СМИ, в зависимости от референтности группы, ее социальной и этнической принадлежности.

Еще один примечательный феномен связан с все увеличивающейся долей музыки в общем информационном пространстве подростков. Му-

зыка накладывает существенный отпечаток на весь стиль и ритм жизни подростков и молодежи, на их поведение, одежду, героев. Тот факт, что музыка является не только развлечением, но и информацией, подтверждается популярностью РЭПа и русскоязычных исполнителей, так как для подростков важны слова, а не только ритм и мелодия, которая вообще имеет подчиненное слову и ритму значение. По-видимому, можно говорить и о катарсическом воздействии музыки, которая заменяет комедии, мелодрамы, детективы и приключенческие фильмы и книги, являющиеся способом разрядки и катарсиса (очищения от трудностей и переживаний) для более взрослой части населения. Во втором случае идентификация идет с героями фильмов и книг, в первом – эмоциональное заражение и разрядка заложены в самом строе музыки. Частично, в этом кроется и феномен подростковой субкультуры, пронизанной музыкальными стилями, исполнителями и ритмом. Этот факт необходимо учитывать и при выборе для данной возрастной аудитории способа подачи значимой информации.

Целью данного исследования было изучение роли родного/родных языков и культуры в процессе информационной социализации в мультикультурном пространстве. Выборка: 250 человек из г. Москвы, Республики Коми и Карелии. В Москве принимали участие в исследовании 80 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет. В Карелии принимали участие 58 школьников 8–10 классов в возрасте от 14 до 16 лет. В г. Сыктывкаре в исследовании принимали участие молодые люди (72 человека) в возрасте от 15 до 25 лет и 40 человек в возрасте от 20 до 30 лет, входящие в культурное объединение «русских немцев».

Для исследования лингвистической идентичности использовалась методика «Отношение к родному и иностранному языкам» (Идентичность и социализация..., 2015).

Полученные результаты показали, что определение родного языка для респондента, находящегося на границах нескольких культур достаточно сложно. В данном определении важную роль играют эмоциональные и когнитивные факторы, оказывающие влияние на идентичность человека.

Сравнение ответов разных групп респондентов показывает, что эмоциональное отношение к языку (то есть признание его родным) не всегда совпадает с когнитивным компонентом, который определяется тем, на каком языке они думают.

Изучение эмоционального отношения респондентов к русскому и второму родному языкам показало, что позитивное принятие русского языка значительно выше, чем второго языка. Это разница особенно ярко видна в отношении коми языка у разных групп. Также можно заметить, что, чем младше группа, тем более явной становится разница в отношении к обоим языкам.

Обращает на себя внимание тот факт, что респонденты четко осознают роль второго языка, который нужен для общения с людьми одной культуры, близкими людьми, родственниками (социальные сети, семья). В то же время 60% российских немцев отметили и связь языка с родной культурой. Язык, по их мнению, помогает осознанию российскими немцами своей национальной и культурной принадлежности. Только 20% респондентов отметили значение языка для общения и столько же – в профессиональных целях.

На вопрос «Связывает ли респондент свое будущее со вторым языком?» были получены следующие ответы: 88% школьников ответили отрицательно, а российские немцы – положительно. Эта разница ярко характеризует разный статус второго языка в Карелии, Коми и у российских немцев. В первом случае речь идет об отмирающем языке, с низким статусом, что рефлексируется всеми, в том числе и взрослыми, респондентами. Во втором случае речь идет о престижном с точки зрения социального окружения и будущего трудоустройства немецком языке.

При этом, несмотря на выбор русского как родного языка, респонденты указывали свою национальность не как русский, но как коми, карел и немец, даже если плохо владели своим родным языком. Это говорит о слабой связи лингвистической и этнической идентичности. Таким образом, можно говорить о том, что язык, хотя и не является определяющим при становлении этнической идентичности, но может в некоторой степени влиять на содержание социокультурной идентичности, как один из параметров, входящих в ее содержание.

Приоритетной ценностью культуры для респондентов является язык, большинство респондентов, независимо от этнической принадлежности, отметили в качестве важной составляющей родной культуры язык, причем в ответах часто звучало – родной язык, звучание языка, мой язык. Хотя русский язык в Коми, судя по результатам методики «Отношение к языкам», абсолютно вытеснил коми язык на второй план, однако данное обстоятельство не мешает подросткам к языку с уважением и ценить его. Таким образом, можно говорить о том, что лингви-

стическая идентичность для многих играет амбивалентную роль по отношению к этнической и социокультурной идентичности. Хотя многие респонденты плохо владеют родным языком (карельским, коми, немецким) и говорят, и думают на русском языке, фактором, определяющим этническую идентичность, является именно родной язык. В то же время приоритетным является более социально значимый русский язык, по отношению к которому также сформирована лингвистическая идентичность.

Эмоциональное отношение к родной культуре проявляется и том, что большинство подростков и юношей ценят свой эпос и достаточно хорошо осведомлено о мифах и сказках своего народа. При этом культурное наследие связывается многими респондентами именно с языком, на котором изложены сказки, мифы, предания народа.

Выводы

Изменение статуса языка малых народов и национальных меньшинств влечет за собой изменение отношения к языку, особенно у молодых респондентов. Ими ясно осознается социальный статус языка, достаточно высокий в отношении немецкого языка и невысокий по отношению к карельскому и коми языку. Это приводит, особенно в многонациональных небольших городах, к появлению стигматизированной лингвистической идентичности.

Язык, даже не являющийся приоритетным, эмоционально остается ведущим параметром этнической идентичности, но часто не соотносится с социокультурной идентичностью и даже с культурой народа в целом.

Смешанная лингвистическая идентичность для подростков и молодежи является преимущественно позитивным моментом, увеличивающим толерантность к неопределенности и повышающим их социализированность в мультикультурной среде.

Этнические и лингвистические аспекты культуры могут позиционироваться как интолерантные параметры, препятствующие развитию социокультурной идентичности в мультикультурном пространстве города.

Культура как позитивная составляющая социокультурной идентичности доминирует в большом городе, при этом ее влияние на этническую идентичность носит амбивалентный характер.

Культура является важной составляющей социокультурной идентичности, но в незначительной степени определяет этническую, что за-

трудняет социализацию и позиционирование в мультикультурном пространстве.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/772> (дата обращения: 07.10.2018).
2. *Белинская Е.П., Дубовская Е.М.* Изменчивость и постоянство как факторы социализации личности // Психологические исследования. 2009. № 5(7). URL: <http://psystudy.ru/num/2009n5-7/226-belinskaya7> (дата обращения: 07.10.2018).
3. *Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т.* Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
4. Идентичность и социализация в современном мире: Сб. методик / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: МПГУ, 2015.
5. *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.

The role of language in the process of informational socialization in a multicultural society

Kiseleva E.A.,
Vygotsky Institute for Psychology,
Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. The role of informational socialization in the modern multicultural world is analyzed; the significance of psychological transitivity and the growing role of informational culture and informational socialization for adequate positioning in this space are revealed. The influence of place of residence, language and sociocultural identity on the process of informational socialization is considered. The leading trends of informational socialization in the modern multicultural and transitive world are stand out. It is proved that the differences between young and adult people are connected with the choice of information sources and the degree of confidence in them. It is showed that in the process of informational socialization, the role of the Russian (as well as foreign) language

increases among the youth of Karelia and Komi, while the need for native, Karelian and Komi languages decreases. It is demonstrated that mixed linguistic identity increases tolerance for uncertainty and optimize the socialization of adolescents in a multicultural environment.

Keywords: informational socialization, linguistic identity, multicultural environment.

Психологическая помощь детям в период адаптации в приемной семье

Жуйкова Е.Б.,

Психологический институт РАО, г. Москва

Печникова Л.С.,

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Аннотация. Подчеркивается необходимость приоритетного развития психотерапевтической помощи и сопровождения принимающих семей, по сравнению с усилением контроля. Характеризуется период адаптации приемного ребенка, его основные этапы, запросы на психотерапевтическую работу и мишени психотерапии. Предъявляется опыт проведения психотерапии 16 детей дошкольного и школьного возраста из 12 семей в онлайн-режиме с использованием образовательной игровой программы, позволяющей психологу и ребенку дистанционно взаимодействовать.

Ключевые слова: приемный ребенок, приемная семья, усыновление, психотерапевтическая помощь, адаптация приемного ребенка, психологическая помощь онлайн.

В последние годы интерес исследователей к проблемам семей, воспитывающих приемного ребенка постоянно растет. Это связано с несколькими факторами, среди которых: (а) развитие социальной политики в сторону уменьшения практики институционального устройства детей-сирот и предпочтение ему семейного устройства; (б) раскрытие внешних границ принимающих семей, в связи с обязательной подготовкой родителей и другими требованиями, (в) постоянные изменения во взаимоотношениях общества и принимающей ребенка семьи (от активной

стимуляции, в том числе материальной, к приему большего числа детей-сирот, до ограничений и установления систем контроля за функционированием). Институт принимающей семьи, в целом, и конкретные семьи оказываются в особом фокусе внимания и постоянно подвергаются оценке и социальной, и научной. Опыт родительства квалифицируется в категориях функциональности/дисфункциональности, а государство делает выводы о необходимости отбора приемных родителей (Милосердие.ru, 2017). Эта оценка ставит вопрос о целесообразности развития семейного устройства в существующей форме, но обходит вопрос необходимости улучшения качества жизни приемной семьи. Между тем, уже на протяжении многих лет, международные исследователи указывают, что усыновленные и приемные дети находятся в зоне риска по психическим заболеваниям и социальной дезадаптации. И хотя этот риск ниже, чем у детей из детских домов и интернатов, тем не менее, приемные дети чаще, чем дети в кровных семьях, сталкиваются с такими проблемами, как агрессивность, воровство, ложь, оппозиционное поведение, уходы из дома, гиперактивность, снижение самооценки, сложности в обучении и др. (Brodzinsky, Schechter, 1990). Такие данные говорят о необходимости развития системы сопровождения принимающих семей (как с усыновленными, так и приемными детьми), совершенствования практики психологической помощи, особенно в кризисные периоды.

Один из наиболее трудных этапов в развитии принимающей семьи, это период адаптации, длящийся от полугода до нескольких лет после появления ребенка, именно в это время формируется привязанность между родителями и детьми и перерабатывается травматический опыт членов семьи, предшествующий их объединению. Период адаптации начинается с так называемого «медового месяца» и «опережающей привязанности», когда дети и родители испытывают удовлетворение от объединения, облегчение после переезда и интерес к новым условиям (Красницкая, 2001). Затем наступает «регресс», разочарование друг в друге, проверка правил и границ, проекция паттернов поведения, сформированных до образования принимающей семьи, потеря контроля над поведенческими и эмоциональными проявлениями. Признание проблем и принятие родителями и детьми друг друга, отказ от нереализованных ожиданий, совладание с чувствами от нереализации надежд, снижение требований друг другу и выстраивание достаточно стабильной структуры семьи – знаменует завершающий этап периода адаптации, «привыкание». Анализируя причины процессов, происходящих в период адап-

тации, и опираясь на различные концепции, специалисты отмечают широкий круг факторов, вызывающих проблемное поведение ребенка и сложности совладания с ним у родителей: (а) опыт депривации и потери объекта привязанности у ребенка; (б) сложности формирования привязанности (особенно, при ранней депривации); (в) конфликт лояльности (к приемной семье и предыдущим значимым фигурам) у ребенка; (г) кризис идентичности и принадлежности у всех членов семьи; (д) отказ родителями принимать факт, что они «вторые» родители, отсутствие рефлексии мотивации и ожиданий. И наконец, множество исследователей указывают на биологические факторы, в том числе на (д) пренатальные трудности и родовые травмы, а также на тот факт, что (е) в период адаптации ребенок находится под воздействием стресса, сравнимого с потерей родителя или развода родителей (Brodzinsky, Schechter, 1990).

В рамках различных программ поддержки и сопровождения нами проводилась психотерапевтическая работа с семьями, принявшими на воспитание приемного ребенка. Всего помощь была оказана 12 семьям и 16 детям, в них воспитывающихся. Возраст детей: от 5 до 15 лет, большинство детей являлись младшими школьниками и дошкольниками. Все семьи, на момент оказания помощи, проходили период адаптации, дети находились в семье от одного месяца до четырех лет. Психотерапевтическая помощь проходила в формате семейной психотерапии и игровой терапии, с использованием методов нарративного, когнитивно-бихевиорального и системного семейного подходов. Консультации были организованы в онлайн-режиме, с использованием программного обеспечения аудио- и видео связи Skype и образовательной платформы CoSpaces Edu (<https://cospaces.io/edu/resources.html>). CoSpaces Edu – это «интуитивная» обучающая технология, разработанная для образовательных учреждений, позволяющая в рамках психотерапевтической работы создавать на едином для психотерапевта и ребенка поле анимированных персонажей, их окружение, 3D-объекты, организовывать диалоги между ними. Таким образом, создается общее пространство онлайн для игровой психотерапии, доступное как на персональном компьютере, так и на планшете и сенсорном телефоне. Детям до 7 лет на первых консультациях нужна помощь родителей для занятий, дети более старшего возраста могут пользоваться программой самостоятельно. Онлайн-формат работы, включающий привлекательную для детей деятельность, вызывающий аналогию с компьютерными играми и играми на планшете, создает высокий уровень первичной мотивации к занятиям даже у детей,

настроенных оппозиционно к родителям и психологической помощи. Известно, что использование гаджетов, то, как воспринимается информация, полученная через них, различается у разных поколений (Марцинковская, 2012). Подростки больше доверяют информации в интернете, более свободно себя чувствуют в онлайн-пространстве, при этом само содержание информации и эмоциональное отношение к ней не имеет значительных различий у людей разных поколений (Марцинковская, 2012).

Таким образом, используя в консультировании онлайн-формат, мы делаем форму получения информации более привлекательной для детей, а содержание работы при этом понятно и разделяется обоими поколениями. Онлайн-формат дает психотерапевту некоторый «бонус» для установления контакта и развития мотивации к изменениям у ребенка. В случаях работы с детьми, переживающими период адаптации, это имеет ключевое значение, так как дети часто не доверяют специалистам в этот период, оппозиционно настроены по отношению к предложениям родителей «разбираться с проблемами», демонстрируют нарушения поведения, трудности внимания, нередко замыкаются и не идут на контакт. Немаловажно и то, что дети могут заниматься из дома, в больших городах, где на дорогу к профильным специалистам могут уходить часы, это имеет особое значение.

Основные запросы приемных родителей в период адаптации ребенка связаны с нарушениями у него контроля собственного поведения, отсутствием рефлексии чувств и понимания последствий собственных действий, «включением» паттернов «дерись, беги, замри», отсутствием позитивного образа себя, игнорированием чувств других, а также тревожной симптоматикой (Brodzinsky, Schechter, 1990). Говоря о собственных сложностях, родители указывают на чувства разочарования, усталости, беспомощности, на неустойчивость воспитательных стратегий и внутренние конфликты во взрослой подсистеме между супругами, а также другими людьми, участвующими в воспитании.

Предъявляемая родителями симптоматика, как мы указывали ранее, описывается в рамках разных объяснительных моделей, однако, большинство специалистов рассматривают ее, прежде всего, как следствие травматического опыта и нарушений привязанности.

В первый период нахождения в семье психотерапевтическая работа ведется в нескольких направлениях (Levy, 2000).

1. *Формирование паттернов привязанности.* Создание безопасных детско-родительских отношений, нередко восстановление способов взаимодействия, которых ребенок был лишен на предыдущих этапах развития. Позиция родителя должна быть последовательна, стабильна, соответствовать состоянию ребенка, содержать эмпатию, поддержку, иметь позитивную эмоциональную окраску. В ходе терапии родители и ребенок получают опыт тактильного взаимодействия, так называемого «контейнирования» чувств, родитель выступает в роли «большого», ребенок в роли «маленького», родитель определяет структуру и форму взаимодействия, откликаясь на потребности ребенка в данный момент.

2. *Системная терапия.* Направлена на установление стабильной родительской подсистемы, когда все взрослые действуют согласовано, проясняют стратегии, разрешают конфликты за пределами взаимодействия с ребенком, исключая процессы триангуляции, формируют новые правила и структуру семьи.

3. *Формирование навыков, с использованием интегративных моделей.* Организация условий для экспериментов родителей с различными коммуникативными техниками, поведенческими стратегиями, формирование навыков взаимодействия, для поиска наиболее комфортных для всей семьи паттернов взаимодействия в ситуациях обострения симптоматики.

4. *Перетисывание историй.* Закрепление и развитие позитивного опыта детско-родительских отношений, формирование совместных планов, мечтаний, надежд, проговаривание с ребенком семейных перспектив, создание традиций, совместных праздников.

Данные направления работы требуют устойчивого эмоционального состояния родителей, стабильности выбранных стратегий, переживая со своей стороны адаптационный кризис, сомнения в перспективах развития отношений, они не всегда могут сменить паттерны, продемонстрировать ребенку позитивную обратную связь; дети также не демонстрируют стабильно признаки привязанности и симпатии в адрес приемных родителей.

В этой ситуации экстернализованная картинка, которая создается на экране в игровой программе, становится внешним образом альтернативных отношений, проигрывая которые и родитель, и ребенок получают эмоционально-позитивный опыт. Этот опыт затем с помощью домашних заданий переносится в реальное взаимодействие.

Основные этапы терапии при использовании игровой онлайн-программы:

а) знакомство, сбор информации о семье, запроса, определение целей психотерапевтической работы, освоивание функций игровой онлайн-программы всей семьей;

б) установление контакта с ребенком, свободная игра, игра с «простыми» инструкциями: поставить членов семьи, построить безопасное место для героя и т.д.;

в) диагностический этап: конструирование историй и игры, соответствующей проблематике семьи. Ребенку предлагается развивать игру, содержащую конфликт или переживания, конгруэнтные настоящему опыту семьи. Среди тем и используемых для игры инструкций: «придумай два мира, в одном из которых герою страшно, а в другом – спокойно», «построй дом и его окружение, в котором живет семья, в которой людям трудно вместе», «придумай ситуации, в которых герой поступает не так, как ему на самом деле бы хотелось», «давай создадим мир, в котором с героем будут поступать так, что он этого не ожидает»;

г) интервенции и конструирование альтернативного опыта: на этом этапе психолог совместно с ребенком ищет альтернативные стандартным паттернам действия (поиск помощи, рефлексия чувств, ясные коммуникации, эмоциональный контакт с близкими). Большое значение в работе с детьми в период адаптации на этом этапе играет визуализация альтернативного контакта с приемным родителем. Например, создавая диалог между персонажами, психолог может приписать образу родительской фигуры «терапевтические» тексты: «я злюсь, когда ты дерешься и ломаешь вещи, но ты мой сын навсегда», «я не всегда могу обнять тебя, мне нужно еще поучиться это делать, но внутри – я тебя обнимаю», «когда тебе страшно, я буду всегда говорить: никогда не позволю никому больше обидеть тебя». В большинстве случаев, такие альтернативные взаимодействия вызывают у ребенка отклик-проверку: «а я тебя все равно ударю», «я никогда не изменюсь», «ты меня не будешь любить» и т.д. Психотерапевт демонстрирует устойчивость позиции родителя внутри игры, согласно концепциям терапии нарушений привязанности. Интервенции терапевта могут быть и «из роли», ассоциированной ребенком с собой, как правило, они связаны с переходом на открытые коммуникации, проговаривание, в противовес демонстрации действий. В ходе игры может быть организован даже телесный контакт персонажей, фигуры могут обнимать друг друга, стоять плечом к плечу (родительская пара), держать на руках ребенка, вытягивать руки, защищаясь от контактов. Тематика интервенций, в целом, соответствует основным направлениям помощи в период

адаптации: прояснение коммуникаций, декларация принадлежности ребенка к семье, обозначение родительской позиции по отношению к прошлому опыту и перспективам развития отношений, формулировка семейных правил, границ, создание безопасного пространства и позитивного эмоционального детско-родительского опыта и т.д.;

д) перенос опыта и онлайн-пространства в жизни семьи. В зависимости от остроты протекания адаптационного кризиса, существуют несколько путей интеграции «сконструированной» реальности в детско-родительское функционирование. Во-первых, демонстрация родителю созданной игры с обсуждением увиденного, формированием стратегий поведения дома. Во-вторых, привлечение родителя в наблюдение за игрой и присваивание ему «терапевтических» текстов, как правило, выражающееся в декларированном согласии («да, именно это я хотел бы тебе сказать/сделать, но у меня не получалось»). Третий вариант, включение родителя в игру, создание условий для самостоятельного конструирования части истории (взрослый может защищать, прятать, обнимать, помогать справиться с трудностями и т.д.), этот вариант возможен, если родители в достаточно «ресурсном» состоянии и могут поддерживать терапевтические тексты.

Как правило, использование онлайн-игры становится частью психотерапевтической работы, включающей также семейную терапию и домашние задания. Многие родители получают поддержку в Клубах приемных родителей, помощь врачей и других специалистов. Однако именно создание условий для проработки ключевых для приемной семьи тем принятия новых отношений, совладания с травмами предыдущих периодов жизни, формирования новой идентичности родителей и ребенка, развитие отношений привязанности – являются ключевыми задачами психологической помощи в период адаптации ребенка в принимающей семье.

Библиографический список

1. В СКР заявили о росте числа недобросовестных опекунов // Милосердие.ru, 23.06.2017. URL: <https://www.miloserdie.ru/news/v-skr-zayavili-ob-uvelichenii-chisla-nedobrosovestnyh-opekunov/> (дата обращения: 15.09.2018).
2. *Красницкая Г.С.* Вы решили усыновить ребенка. М.: Дрофа, 2001.
3. *Маринковская Т.Д.* Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исслед-

- дования. 2012. Т. 5. № 26. URL: <http://psystudy.ru/num/2012v5n26/766-> (дата обращения: 15.09.2018).
4. *Brodzinsky D.M., Schechter M.D.* The Psychology of adoption. USA, NY: Oxford university press, 1990.
 5. *Levy T.M.* Handbook of attachment interventions. USA, San Diego: Academic press, 2000.

Online psychotherapy for children, passing the postplacement period of adoption in adoptive/foster family

Zhuikova E.B.,
Psychological Institute of the RAE, Moscow;
Pechnikova L.S.,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract. The article emphasizes the necessity of priority development of psychotherapy and support of adoptive/foster families, in comparison with strengthening of control.

The period of adaptation of the adopted child, its main stages, requests for psychotherapeutic work and targets of psychotherapy are characterized. Experience of psychotherapy of 16 children of preschool and school age from 12 families in the online mode with the use of the educational game program allowing the psychologist and the child to interact remotely is reported.

Keywords: adopted child, adoptive family, foster family, adoption, psychotherapy, post placement period of adoption, psychological help online.

Мнемический «Google-эффект» при имитации деятельности детектива

Ласьков Г.Д., Букинич А.М., Нуркова В.В.,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва

Аннотация. Мнемический «Google-эффект», который заключается в снижении воспроизведения после копирования материала на электронные носители, важен в контексте дискуссии о влиянии цифровых технологий на ВПФ. Эксперимент (N = 64) проводился с помощью ком-

пьютерного интерфейса, в игровой форме имитировавшего деятельность детектива, где варьировались цели испытуемых и компьютерная операция, выполняемая относительно материала. В заключении применялся имплицитный тест выбора стимула из четырех равновероятных. Разнонаправленный мнемический эффект выполнения компьютерных операций был зафиксирован как при реализации цели запоминания, так и при отсутствии мнемической цели, что, на первый взгляд, поддерживает прогноз деградации контроля над действием в результате делегирования его операционального состава компьютеру. Однако анти- «Google-эффект» наблюдался в случае негативной цели «не запоминать». На фоне низкого уровня выбора новых стимулов, операция «стереть» снижала воспроизведение, а операция «сохранить» – повышала. Таким образом, испытуемые продемонстрировали способность к поведенческому игнорированию содержания исполненных команд, сравнив уровень воспроизведения с нейтральной командой «пропуск».

Ключевые слова: Google-эффект, опосредствование, структура мнемической деятельности, информационные технологии и ВПФ, моделирование деятельности.

Вопрос о влиянии делегирования внутренних компонентов когнитивной деятельности внешним устройствам на состоятельность функционирования высших психических функций человека вызывает полярные суждения. Согласно оптимистической точке зрения, выраженной А.Н. Леонтьевым (Леонтьев, 2001, с. 346), передача операциональной стороны деятельности компьютеру избавляет когнитивный аппарат человека от рутины, высвобождая ресурс мышления для более продуктивного целеобразования и, как следствие, генерации все более широкого репертуара операций. Другими словами, Леонтьев прогнозировал, что с внедрением компьютерных технологий, мышление сосредоточится на производстве новых целей, которые в перспективе будут автоматизироваться и пополнять номенклатуру доступных операций, а те, в свою очередь, будут воспроизводиться в компьютерных программах.

По нашему мнению, данный тезис вызывает сомнения уже с позиций методологии самого деятельностного подхода, так как, акцентируя процесс автоматизации целевого уровня деятельности и перехода цели в статус операции, игнорирует обратную детерминацию целевого уровня деятельности «снизу – вверх». Нормальный способ функционирования операционального состава деятельности подразумевает, что неосознава-

емые сейчас операции прежде были таковыми и способны потенциально вернуться в сознание в случае необходимости их контроля. «Достаточно какого-нибудь отклонения от нормального осуществления этой операции, и тогда сама эта операция, как и ее предметные условия, отчетливо выступают в сознании», – писал об этом А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 1959, с. 528).

Однако современный пользователь получает операциональный состав реализации своей цели в готовом виде, минуя этапы его освоения. При таком «отчужденном» характере взаимодействия с корпусом операций человек не только утрачивает способность контролировать и корректировать их протекание, но и, согласно пессимистической позиции, может попасть в зависимость от эмансипировавшихся операций.

Так, например, было показано, что возможность видеть на дисплее цифрового фотоаппарата снятый кадр существенно снижает качество отсроченного воспроизведения контекстной информации запечатленного эпизода по сравнению с воспоминанием об эпизоде съемки аналоговым фотоаппаратом, где такая возможность отсутствует (Нуркова, Козяр, 2012).

Пожалуй, наиболее популярным аргументом в пользу гипотезы «бунта» операций является т.н. мнемический «Google-эффект», заключающийся в том, что воспроизведение намеренно заученных ранее фактических сведений менее эффективно в случае информирования испытуемого о сохранении материала в файле по сравнению с информированием о его стирании (Sparrow, Wegner, 2011). Поскольку компонентом «Google-эффекта» является также преимущество воспроизведения «адреса» искомого материала над его точным содержанием, авторы трактуют эффект как манифестацию механизма транзактной (разделенной) памяти (Wegner, Giuliano, Hertel, 1985). В то же время несколько попыток повторить эффект закончились неудачей (Friede, Elizabeth, 2013), так что «Google-эффект» был включен в число не прошедших репликацию результатов в получившей широкий резонанс статье в журнале *Nature* (Camerer et al., 2018).

Таким образом, не остается сомнений в том, что поиск эмпирической поддержки как оптимистической, так и пессимистической гипотез относительно детерминирующей роли компьютерных операций относительно успешности реализации целей весьма далек от своего завершения.

Предпринятое нами экспериментальное исследование имеет ряд существенных отличий от оригинального опыта, впервые выявившего

наличие «Google-эффекта». Во-первых, вместо одной цели «запомнить» были введены три независимые целевые переменные – «запомнить», «не запоминать» и контрольное условие отсутствия эксплицитной цели. Во-вторых, исходя из соображений экологической валидности результатов и перспективы их генерализации на реальные жизненные ситуации, мнемические цели и операции были включены в игровой контекст имитации деятельности детектива, расследующего преступление. В-третьих, пассивное наблюдение за «судьбой» предъявленного материала было заменено на активную и обоснованную в рамках игры реализацию операций «save», «delete» и «пропуск». И, наконец, в четвертых, в качестве более тонкого теста памяти нами использовалось отсроченное интуитивное решение о релевантности материала задаче на основе переживания его субъективной знакомости.

Таким образом, целью исследования стало изучение влияния направленной на внешнюю форму хранения материала рутинной операции взаимодействия с компьютером в условиях ее согласованности или противоречия актуальной мнемической цели.

Испытуемыми выступили студенты факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (64 человека: 9 юношей, средний возраст 20 лет).

Исследование выполнялось по внутригрупповому плану с 2 независимыми переменными («мнемическая цель», «операция») и 1 зависимой переменной («отсроченный выбор стимула»). Каждая из независимых переменных имела 3 уровня, что составило 9 вариантов предъявления стимула в каждом из двух блоков. Для проведения эксперимента был разработан специальный веб-интерфейс на языках JavaScript, HTML, CSS.

Исследование включало две сессии в игровом формате для создания мотивации выполнения поставленных в рамках эксперимента задач. На первой встрече испытуемому сообщалась «легенда», согласно которой он – частный детектив, получивший кратковременный доступ к виртуальному архиву следователя (представлен разработанным веб-интерфейсом). Испытуемому предоставлялась возможность ознакомиться с рядом фотографий, часть из которых имели отношение к расследуемому делу и были получены законно; другая часть – также релевантны задаче детектива, но, поскольку получены из неофициальных источников, к делу приобщены быть не могли; и третья часть – это улики по другим делам, которые не должны были интересовать детектива. Чтобы правильно использовать шанс доступа к архиву, испытуемому необходимо было следовать появлявшимся на экране синхронно с каждой фо-

тографией инструкциям. На целевом уровне – запомнить фотографию, не запоминать, инструкция отсутствует (контрольное условие). На операциональном уровне – сохранить фотографию, удалить или пролистнуть фото (контрольное условие). Для обоснования каждой комбинации испытуемым предлагалась игровая «легенда», например «Данное фото имеет ценность для расследования (запомните его), однако руководству его лучше не видеть (немедленно удалите)». В качестве стимульного материала рандомизированно предъявлялись 9 фотографий, включавших в себя 3 лица, 3 орудия преступления и 3 дополнительных объекта. Процедура повторялась дважды, якобы для двух различных «преступлений».

Через неделю на второй встрече испытуемому сообщалось, что архив утрачен и теперь при расследовании ему придется опираться на собственную память. Для каждого из «преступлений» на экран выводилось описание последовательности событий, пробелы в которой испытуемые должны были заполнить выбором фотографии. Для выбора предъявлялись наборы из трех присутствовавших в разных условиях в первой серии стимулов плюс один новый стимул-дистрактор того же типа. Выбор носил принудительный характер и должен был опираться на знакомость стимула, сформированную в установочной серии (например, «Один из этих людей – преступник, выберите кто это»).

После завершения сессии испытуемым сообщались реальные цели эксперимента. Анализ данных проводился в программе SPSS v.24.

Приведем результаты подсчета процента от максимально возможного количества выборов стимула, который в первой серии предъявлялся в каждом условии. После реализации цели «запомнить» испытуемые сделали следующие выборы: выбор фотографий после выполнения команды “save” составил 19%, выбор фотографий после выполнения команды “delete” – 43%, выбор фотографий после нажатия клавиши “пробел” – 33% и выбор новой фотографии – 5%. Отсутствие явной цели относительно предъявленного материала оказалось связанным с выбором стимулов условия команды “save” в 19% случаев, команды “delete” в 39%, команды «пробел» в 31% и выбором новой фотографии в 11%. Наконец, при реализации цели «не запоминать» процент выборов составил соответственно по 29%, при уровне выбора нового стимула в 13%. Данные различия значимы на уровне $p < 0.05$.

Проведенный по абсолютному числу выборов двухфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями также показал значимость фактора «операции»: $F(63, 12) = 14.091, p < 0.001, MSE = 0.635, \eta^2 = 0.409,$

и значимость взаимодействия факторов «цели» и «операции»: $F(63, 12) = 3.583$, $p = 0.004$, $MSE = 0.409$, $\eta^2 = 0.270$.

Таким образом, разнонаправленный мнемический эффект выполнения стандартных компьютерных операций («Google-эффект») был зафиксирован нами в совокупности с реализацией цели намеренного запоминания. Причем эффект проявился при применении чувствительного имплицитного теста интуитивного выбора одного стимула из четырех равновероятных, что свидетельствует в пользу его фундаментального характера. Переживание большей знакомости стимула и, как следствие, более вероятный его выбор следовал за выполнением операции “delete”, в то время как в результате выполнения операции “save” субъективная знакомость стимула оказывалась пониженной, что значимо тормозило выбор. Аналогичные данные, полученные для условия, когда цель действия испытуемого не была явно определена, казалось бы, поддерживают «пессимистическую» версию прогноза деградации способности контроля над выполняемым действием в результате делегирования его операционного состава компьютеру. Другими словами, не важно, намерен ли человек запомнить материал или следует изолированной инструкции, содержание выполняемых операций равно определяет результат. Хотя, следует заметить, что возможно и более мягкое (впрочем, спекулятивное) объяснение: испытуемые могли трактовать контрольное условие как наличие скрытой задачи запомнить, ведь, согласно игровой «легенде», фотографии из этого условия в принципе могли пригодиться в дальнейшем. Однако крайне важным нам представляется обнаруженный факт снятия «Google-эффекта» в случае реализации негативной цели «не запоминать». Следование цели «не запоминать» давало равновероятный выбор всех виденных в первой серии стимулов на фоне значимо более низкого уровня выбора новых стимулов. При этом наблюдался своеобразный анти- «Google-эффект», так как операция “delete” теперь, наоборот, снижала воспроизведение, а операция “save” – повышала. Получается, что испытуемые, во-первых, помнили «старые» стимулы и, во-вторых, поведенчески игнорировали содержание исполненных команд, сравнивая уровень воспроизведения с нейтральной командой «пропуск».

Библиографический список

1. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2001.

2. *Нуркова В.В., Козьяр Г.Н.* Какие воспоминания мы выбираем? Как цифровой фотоаппарат изменяет нашу память // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2012. № 4. С. 12–25.
3. *Friede E.T.* Googling to Forget: The Cognitive Processing of Internet Search. URL: https://scholarship.claremont.edu/cmcs_theses (дата обращения: 04.10.2018).
4. Evaluating the replicability of social science experiments in Nature and Science between 2010 and 2015 / *Camerer C.F.* et. al. // *Nature Human Behaviour.* 2018. Т. 2. № 9. С. 637–644.
5. *Sparrow B., Liu J., Wegner D.M.* Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // *Science.* 2011. Т. 333. № 6043. P. 776–778.
6. *Wegner D.M., Giuliano T., Hertel P.T.* Cognitive interdependence in close relationships // *Compatible and incompatible relationships.* 1985. P.253–276.

Mnemonic "Google-effect" in the context of gaming simulation of a detective activity

Laskov G.D., Bukinich A.M., Nourkova V.V.,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract. The mnemonic "Google-effect", which reduces the reproduction of the material after copying it to electronic media, is important in the discussion about the impact of digital technologies on the Higher Mental Functions. The experiment (N=64) was conducted using a computer interface in the form of a game imitation of a detective activity, where we varied subject's goals and computer operations with given material. Finally we used an implicit test to provide a choice of equiprobable stimuli. Multidirectional mnemonic effect of computer operations was recorded both in the realization of the mnemonic purpose, and in activity without the mnemonic purpose. At first, such result supports the idea about the decline of control over the action as a result of the delegation of its operational composition to the computer. However, anti-"Google-effect" appears in conditions of negative purpose "do not remember". In general context of the low level of new stimuli choice operation "erase" reduced reproduction, while operation "save" increased it. Thus, subjects demonstrated the ability to behaviorally ignore the content of the executed

commands, equalizing the reproduction level to the level of neutral command "skip".

Keywords: Google-effect, mediation, structure of mnemonic activity, information technologies and HMF, activity modeling.

Культурно-историческая психология в современном обществе

Олешкевич В.И., Бурлакова Н.С.,

Научно-практический центр психического здоровья
детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы историчности, культурологичности и практического значения культурно-исторической психологии для анализа современного общества и формирования новых психологических практик. Показывается важное прикладное значение культурно-исторической психологии для организации воспроизводства и развития культуры, изучения диалога культур и интеграции инокультурного опыта. Культурно-историческая психология по сути дела рассматривается как средство анализа развития психологии и метод интеграции различных ее направлений в культуре.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, общество, культура, диалог, самосознание, интеграция.

Когда говорится о культурно-исторической психологии, то обычно имеется в виду именно историческая психология, т. е. предполагается понимание психики и человека именно в историческом модусе. Соответственно здесь рассматриваются явления, психические факты как включенные в историю и развивающиеся, имеющие некоторую точку своего происхождения, специфическое направление роста и тенденции дальнейшего развития (Выготский, 1983). Достаточно глубокие исследования такого рода обычно предполагают задействование двух аналитических позиций: позиции внешнего наблюдателя (исследование реальных фактов, истории их развития) и внутреннюю позицию исследователя, включенного в данный исторический процесс. Внутренняя позиция опирается на более феноменологическое и экзистенциальное видение развития че-

ловека в данной исторической ситуации, проблем, с которыми он сталкивается, способов их разрешения, как в самосознании самого человека, так и в наблюдаемом им изнутри обществе в целом. В этом смысле, когда говорится о культурно-исторической психологии, то неявно это означает, что это психология того общества и той культуры, в которую мы включены уже изначально и которая определенным образом организует наше развитие, в том числе и как психологов.

Когда историчность культурно-исторической психологии понимается таким образом, то это предполагает нашу ориентацию на некоторое целостное понимание развития общества, культуры, в которую исследователь непосредственно включен, а также динамики и тенденций развития этого исторического целого, внутри которого психолог и может выделить значимые для него предметности, требующие их более углубленного понимания. В этом отношении культурно-историческая психология как дисциплина гуманитарная должна прежде всего опираться на детальное *понимание* тех явлений, того опыта, которые становятся последующими предметами изучения. В этом отношении психология похожа на искусствоведение, где, например, по словам М.М. Бахтина (1979), не может быть никакого исследования без понимания художественного произведения, и где глубина понимания является предпосылкой и условием всякого возможного исследования. Максима о необходимости понимания, а затем уже исследования не является банальной для культурно-исторической психологии, еще раз подчеркивая ее историчность и гуманитарность. При таком ракурсе культурно-историческая психология может быть также и настоящей практической психологией. В этом случае можно объединить в единый процесс культурно-историческое понимание психологических, социальных, культурных и пр. явлений, их исследование и все возможное разнообразие психологических практик, ориентированных на прикладные разработки результатов соответствующих исследований.

В этой связи важно отметить, что история постсоветского общества последних десятилетий разработана явно недостаточно. В особенности это касается культурно-исторического аспекта тех социально-психологических трансформаций самосознания людей, которые шаг за шагом можно было бы проследить в процессе более детального изучения скачкообразных изменений, происходивших в это время, например, резкого перехода от дефицита товаров к состоянию «дикого» капитализма, а затем к быстрому росту сетевых супермаркетов с разнообразием ассортимента с непривычной для советского человека проблемой выбора дей-

ствительно нужных ему вещей. Это также и резкая переориентация в ценностях. Если раньше образование получалось, чтобы затем с интересом для себя работать, то теперь основная ценность заключается в том, чтобы много зарабатывать, а сама ценность труда отходит на второй план. Если в советское время были устойчивые нравственные ценности, то начиная с 1990-х гг. ведущее положение начинают занимать сугубо утилитарные ценности. Внутри психологии тоже ведущее положение начинают занимать преимущественно утилитарные и прагматически ценностно-ориентированные подходы. Ориентация человека, пережившего личный, социальный и общественный кризис в условиях слома СССР, на мифологизируемую западную культуру автоматически предполагала формирование чувства собственной неполноценности и вытеснения или дискредитацию всего традиционного, «советского», устоявшихся социальных практик и норм. Произошел переворот в ценностях, на социальную поверхность выходили часто люди, которые с точки зрения советской культуры авторитета не имели, и считались скорее находящимися вне социальных норм. Эти трансформации самосознания привели к размыванию ценностей и породили некоторый экзистенциальный вакуум в самоопределении человека в этой культурной ситуации.

Чувство собственной неполноценности в этих условиях привело к массовым процессам интроекции западных социальных практик и образцов жизни. Это явление можно до сих пор широко наблюдать в психологии в виде заостренной ориентации на образцы западных практик. По сути, вся современная психотерапия, развивающаяся в стране, со всем многообразием школ и традиций, в сущности, представляет собой нередко механическое перетекание к нам некоторых устоявшихся стандартов западной культуры. И в этом процессе, казалось бы, ничего плохого нет. Это заимствование опыта, ликвидация пробелов в широких областях культуры и пр. Однако проблема состоит в том, что таким образом вместе с техническими процедурами и навыками заимствуется и соответствующие ценности, социальные установки, которые не являются безусловными для отечественной культуры, и которые чаще разрабатываются в достаточно узких либеральных кругах общества. Но самое главное – до сих пор почти не существует обратного процесса, а именно анализа этих практик, подходов с более широких и фундаментальных методологических позиций. Получилось так, что достижения психологии, имманентной развитию культуры в России, были оттеснены на периферию психологического осознания, не получив дальнейшей разработки. Хотя многие работы и идеи Л.С. Вы-

готского, А.Р. Лурии, П.Я. Гальперина могли бы стать отправной точкой для критического анализа и более глубокой интеграции всего многообразия западных школ и подходов в организацию развития российской психологии. В ответ можно услышать возражение, что современная наука включена в глобальные процессы, и что в эпоху глобализации национальные школы в конечном счете исчезают. На этот вопрос культурно-историческая психология отвечает следующим образом: всякая психология является в сущности рефлексией той социальной и культурной жизни, в которую включен человек. И в этом отношении действительно продуктивная культурно-историческая психология должна рефлексировать то общество, в котором мы живем, которое развивается и в этом движении испытывает определенные проблемы и сложности, а способствовать разрешению этих проблем и могла бы эта психология (Олешкевич, 2011).

Это относится не только к психологии, национальные традиции и культуры мышления присутствуют и в других науках. Но особенно очевидным это является в контексте культурно-исторической психологии. Сказанное не отменяет существование глобальных пространств развития науки, где могут конкурировать не только различные школы, но даже различные понимания того, что, собственно, является собой наука. Наконец, не нужно забывать, что наука – это часть культуры, в которой присутствует также и психотехническая культура.

Современность характеризуется серьезным ускорением исторического времени. Быстрые изменения технологий и связанного с ними образа жизни создают целый ряд проблем в организации психического развития целых поколений. Человек не успевает за современным прогрессом. Особенно это касается российского общества, где различного рода изменения происходили и происходят еще быстрее и резче, чем это было в западной Европе. Стремительность происходящего в том числе не оставляла времени для свободного и детального осмысления заимствованного зарубежного опыта. Если информационные технологии развивались на западе все-таки гораздо более размеренно и систематично, опирались на естественные тенденции развития западной культуры, то в России они наложились в целом на неприспособленную к этим технологиям культуру, что вызвало целый ряд социальных и психологических последствий. До сих пор это сказывается и в видимом разрыве поколений, в возникновении различных диссонансов в образе жизни человека, в освоении информационной культуры и включении в нее.

Конечно, на сегодняшний день все способны оценить основные достоинства информационного общества, способность информационных технологий облегчить жизнь, их возможности открыть более широкие пути коммуникации, получения услуг, сокращения расстояний и пр. Но сегодня осознается все глубже тот факт, что технологии меняют также и образ жизни, и самосознание человека, причем это может происходить в заранее непредсказуемых направлениях. Оказалось, что с одной стороны, информационное общество от многого освобождает, но оно формирует также и зависимого от технологий человека, зависимого от навязанного этими технологиями услуг, что оно может быть связано с формированием не человека-творца своей жизни, но человека-потребителя. Оказалось, что информационные технологии открывают широкий простор для манипуляций человеческим сознанием и т.д. В этом случае возникает вопрос о том, кто владеет этими технологиями? Кто их может развивать и в каких направлениях? Оказалось, что информационные технологии также связаны с определенной культурой и растут на определенных культурно-исторических основаниях, которые также важно изучать.

Культурно-историческая психология в этом отношении должна быть не только историчной, но и культурологичной. Она способна глубоко и тонко осуществлять понимание и рефлексию основания и особенностей развития российской культуры, анализировать ее диалоги, взаимосвязи с другими культурами, а также образование в ней транскультурных и глобализированных содержаний (Зинченко, Пружинин, Щедрина, 2010). В этом отношении она может заново осознать и изучить те инновации и модернизации, которые осуществлялись в образовании и медицине в России в последнее время. Инновации могли представлять собой как инокультурные процессы, так и быть орудием явной или неявной агрессии против традиционной российской культуры. В этой связи культурно-историческая психология может открывать новые пути заимствований и культурологически значимой переработки опыта, идущего от иных культур. И одна из важнейших задач культурно-исторической психологии состоит в культурологической и культурно-исторической рефлексии влияния информационных технологий на развитие российской культуры и ментальности в образовании, где важно четко различить практики и понятия информации, знания и понимания. Информационная культура ориентирована на генерирование, поиск и обработку именно информации и в ней поэтому затушевываются действительные функции

знания и понимания, которые важно особо рефлексировать, проектировать их развитие и контроль.

Культурно-исторический анализ истории российского общества последних десятилетий дает возможность построить и картину его состояния, понять, что мы потеряли и что приобрели, и исторически осознать современное состояние культуры, психологию различных социальных групп, культурно-исторические причины сложившегося состояния (Андреева, 2002). На основе такой целостной культурно-исторической картины развития российского общества есть возможность более глубокого понимания и целого ряда проблем психического здоровья, развития патопсихологических явлений, кризисных явлений в семье, в социальных организациях и пр. Таким образом, обозначенное представление о предметности культурно-исторической психологии позволяет не только выстроить понимание психического развития системно и целостно, но и организовать соответствующие исследования, а также сформировать адекватные психологические практики, ориентированные на развитие культуры и самосознания людей.

Наше культурное состояние достаточно рельефно презентуется теми образцами культуры, которые представлены в СМИ. Уже один анализ этих материалов позволяет получить некоторое представление о кризисных точках в развитии культуры. Но ведь культурно-историческая психология на основе своих исследований может также и проектировать соответствующие образцы для идентификации и таким образом принимать активное участие в развитии российской культуры.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI в. // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс. 2002. С. 9–26.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
4. *Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г.* Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 575 с.
5. *Олешкевич В.И.* Культурно-исторический анализ в западной «психотерапевтической» психологии и новые формы культур-

но-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2011. № 1. С. 99–107.

Applied cultural-historical psychology in modern society

Burlakova N.S., Oleshkevich V.I.,
Scientific-Practical Children's Mental Health Centre
n. a. G. Sukhareva of Moscow City Department of Healthcare,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow

Abstract. The article focuses on historical, culturological and practical importance of cultural-historical psychology for analysis of modern society and shaping of new psychological practices. It demonstrates applied relevance that cultural-historical psychology has for organization of reproduction and development of culture, analysis of cultural dialogue and intergration of cultural experience belonging to a different culture. The authors examine cultural-historical psychology as a tool to analyze development of psychology and as a method to intergrate its different schools iwithin the culture.

Keywords: cultural-historical psychology, society, culture, dialogue, self-awareness, integration

Роль онлайн-игр в социальной адаптации при психических заболеваниях

Бойко О.М.,
Научный центр психического здоровья,
г. Москва

Аннотация. В статье описаны результаты исследования соотношения использования он-лайн игр и особенностей социальной адаптации у мужчин, страдающих психическими заболеваниями. Было обследовано 82 человека в возрасте от 16 до 31 года, госпитализированных с 2012 по 2015 годы в 4 отделение ФГБНУ НЦПЗ. Применялись калифорнийский опросник социальной сети и опросник к методике «рисунок социальной сети» (О.Ю. Казьмина, 1997), опросник COPE (Carver et al., 1989, адаптация Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин, 2013). Оценка характера

использования онлайн-игр проводилась в ходе полуструктурированного интервью, разработанного для данного исследования. Обработка производилась в статпакете SPSS с использованием U-критерия Манна-Уитни. Выявлены значимые различия в структуре системы межличностных взаимодействий и в ее качестве как генератора социальной поддержки, а также используемых копинг-стратегиях. Полученные результаты демонстрируют, что использование онлайн-игр, в том числе у людей, страдающих психическими заболеваниями, можно расценивать как часть социализирующей активности, которая может существенно влиять на уровень доступной социальной поддержки.

Ключевые слова: социальная поддержка, интернет, онлайн-игры, коммуникативное использование онлайн-игр, психическая болезнь.

Новинки научно-технического прогресса не только облегчают бытовую сторону жизни человека и создают новые сферы занятости, но и вводят в обиход новые способы коммуникации людей между собой и совместного времяпрепровождения. Интернет больше двух десятилетий является частью повседневной жизни большого числа людей, расширив в том числе и профессиональные представления о «нормальных» видах общения и способах обмена социальной поддержкой (I.G. Sarason, B.R. Sarason, 2009). Онлайн-игры, участвовать в которых одновременно может много людей с разных концов света, в психологии больше принято рассматривать в негативном контексте, фокусируясь на таких сторонах, как формирование зависимости и снижение уровня социальной адаптации с нарастающим отчуждением от круга знакомств. Однако эти характеристики свойственны не только для онлайн-игр, но и для любого варианта неадаптивного использования интернет-продукции в целом: будь то бесцельный интернет-сёрфинг, безостановочное использование социальных сетей или что-то аналогичное, да и для практически любого достижения научно-технического прогресса, которое может быть использовано для времяпрепровождения (R.S. Tokunaga, 2014). В то время как еще в 2012 году S. Trepte, L. Reinecke, K. Juechems было продемонстрировано, что участие в онлайн-играх может позитивно отражаться на качестве социальной адаптации человека, если выполняются такие условия, как территориальная близость места проживания участников и наличие в игре коммуникации между ними (S. Trepte, L. Reinecke, K. Juechems, 2012).

Психическое заболевание, отрицательно сказываясь на общей активности человека и его способности поддерживать взаимоотношения с

другими людьми, часто социально дезадаптирует страдающего им человека, вымывая из круга общения людей, с которыми человек не связан родственными связями, уменьшая число друзей, снижая общую близость в общении и сокращая взаимообмен социальной поддержкой (Казьмина, 1997). Онлайн-игры, как способ времяпрепровождения, предъявляют меньше требований к работоспособности и толерантности к неопределенности, при этом создавая ситуации, в которых заданы возможности для взаимодействия с другими людьми, создания общих смыслов, общей истории. В связи с этим, учитывая имеющиеся данные о положительном влиянии онлайн-игр на социализацию при условии соблюдения таких факторов, как наличие территориальной близости с другими игроками и поддержание общения с ними, возникает вопрос о связи использования онлайн-игр с качеством социализации у мужчин, страдающих психическими заболеваниями.

Данные, использованные в публикации, являются частью большого конгломерата данных, полученных в ходе изучения характера использования интернет-технологий людьми, страдающими психическими заболеваниями, и их соотношения с такими параметрами их социальной адаптации, как величина и состав круга общения, характер обмена социальной поддержкой, а также с уровнем текущей психопатологической симптоматики и особенностями багажа применяемых копинг-стратегий.

Материалы и методы

Материалом стали данные обследования 82 мужчин в возрасте от 16 до 31 года, госпитализированных в отделение № 4 отдела по изучению эндогенных психических расстройств и аффективных состояний ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», соответствовавших следующим критериям отбора: наличие эндогенного психического заболевания, актуальное отсутствие острой психотической симптоматики, согласие пациента на участие в исследовании. Возраст участников – от 16 до 32 лет. Методический инструментарий составили калифорнийский опросник социальной сети, опросник к методике «Рисунок социальной сети» (О.Ю. Казьмина, 1997), опросник COPE (адаптация Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин, 2013), а также разработанное специально для данного исследования полуструктурированное интервью, направленное на исследование характера использования интернета, включающее в себя вопросы относительно использования онлайн-игр и коммуникации в них с другими участниками. Полученные данные были обработаны в статпакете SPSS с использованием U-критерия Манна-Уитни.

Результаты и их обсуждение

У респондентов, не играющих в онлайн-игры, по сравнению с играющими, система межличностных взаимодействий содержит меньше людей, с кем респондент советуется в решении учебных и профессиональных проблем; оказывающих респонденту помощь в принятии наиболее важных жизненных решений; которых респондент считает своими друзьями и знакомыми; стаж знакомства с которыми составляет от 5 до 10 лет. Сравнение по характеристике «коммуникация в процессе онлайн-игр» подтвердило различия в числе друзей и знакомых; а также показало меньшее число в круге общения людей, стаж знакомства с которыми составляет от 6 месяцев до 2 лет, и тех, об образовании которых у респондента нет сведений, а также продемонстрировало снижение уровня использования копинг-стратегии «юмор» в группе респондентов, не использующих онлайн-игры с коммуникативными целями. У использующих компьютерные игры с коммуникативными целями меньшим, по сравнению с не использующими, оказалось число людей в круге общения, которым респондент оказывает и которые оказывают респонденту практическую помощь (инструментальную социальную поддержку) с частотой «редко».

Полученные результаты могут иметь несколько объяснений. С одной стороны они могут быть проявлением различий в протекании имеющегося психического заболевания. Тогда большая тяжесть нарушений сказывается и на мотивационной сфере личности, снижая уровень интереса к различным способам времяпрепровождения, в том числе онлайн-играм, и уменьшая мотивацию к общению, что довольно быстро приводит к сужению круга общения до тех людей, с кем человек связан родственными узами.

С другой стороны, они могут свидетельствовать о том, что использование онлайн-игр оказывает положительное влияние на систему межличностных взаимодействий человека, сглаживая разрушительное действие психического заболевания в ее отношении. Это можно объяснить как тем, что онлайн-игра становится одним из интересов, который можно разделить с другими людьми, который, при этом не является слишком личным, что создает область общих смыслов, помогающих сблизиться в удобном для всех участников темпе и регулировать уровень близости. Последнее приобретает дополнительную значимость при психических заболеваниях, сопровождающихся повышением сенситивности в общении.

Более пристальное внимание к полученным результатам демонстрирует сужение ядра системы межличностных взаимодействий и ухудшение выполнения ею буферной по отношению к стрессу функции за счет уменьшения источников разного типа социальной поддержки у респондентов, не использующих коммуникативные возможности онлайн игр и не играющих в онлайн-игры. На это указывает даже показатель меньшего по сравнению с группой не использующих онлайн-игры с коммуникативными целями людей, числа людей с которыми взаимообмен инструментальной социальной поддержкой происходит с частотой «редко» в обе стороны, при условии, если вспомнить, что в диапазоне ответов это следующий уровень после «никогда». Что скорее можно трактовать как показатель снижения обмена инструментальной социальной поддержкой в кругу общения респондентов, не использующих компьютерные игры с коммуникативными целями по сравнению с респондентами, использующими компьютерные игры с коммуникативными целями.

Также представляется интересным не только сниженное в сравнении с использующими коммуникацию в онлайн-играх число людей, стаж знакомства с которыми невелик (от 6 месяцев до 2 лет), но и уменьшенное число людей, связи с которыми поддерживаются уже достаточно долго (от 5 до 10 лет), наблюдающееся у тех респондентов, которые не играют онлайн-игры в сравнении с играющими (без рассмотрения вопроса общения в игре). Это может служить подтверждением предположения о том, что в некоторых случаях онлайн-игры помогают сохранить уже имеющиеся отношения (например, создавая дополнительную область общих интересов) и, при условии общения с товарищами по игре, помогать заводить новые знакомства.

Более низкий показатель использования копинг-стратегии «юмор» у респондентов, не использующих онлайн-игры с коммуникативными целями, может объясняться тем, что использование юмора как копинг-стратегии дает возможность одновременно общаться по поводу ситуаций, возникающих в игре и при этом сохранять эмоциональную дистанцию по отношению к происходящему. Это снижает уровень напряжения и тревоги из-за возможных сложностей. Другим объяснением будет предположение о том, что использование юмора как стратегии совладания связано с уже имеющейся меньшей социальной тревожностью респондентов, использующих коммуникативные возможности онлайн-игр. Так как, согласно исследованиям, при шизофрении копинг-юмор положительно влияет на взаимодействие с другими людьми именно при отсут-

ствии социальной тревожности и, напротив, усиливает социальную изоляцию (снижает стремление к общению) при ее наличии (И.В. Григорьева с соавт., 2014).

Таким образом, можно утверждать, что онлайн-игры, как новый, с точки зрения исторической перспективы, способ времяпрепровождения, оказывает влияние на социальную адаптацию мужчин, страдающих психическими заболеваниями.

Выводы

Отталкиваясь от полученных результатов, можно сделать следующие выводы:

1. Использование онлайн-игр мужчинами, страдающими психическими заболеваниями, даже без коммуникации с другими участниками внутри игры, сопровождается положительным влиянием на способность к генерации социальной поддержки системой межличностных взаимодействий индивида, по-видимому, за счет поддержания общего круга интересов с людьми, в нее входящими.

2. Коммуникация с другими участниками онлайн-игр помогает мужчинам, страдающим психическими заболеваниями, заводить новые знакомства и поддерживать их.

3. Более низкий уровень использования копинг-стратегии «юмор» у респондентов, не использующих коммуникативные возможности онлайн-игр, может быть проявлением имеющейся у них социальной тревожности, требующей отдельного внимания в психокоррекционной работе психолога.

Заключение

Представленные данные наглядно демонстрируют, что взгляд на увлечения онлайн-играми у людей, страдающих психическими заболеваниями, лишь с негативной точки зрения требует пересмотра. В работе психолога с мужчинами, страдающими психическими заболеваниями, направленной на повышение уровня социальной адаптации и предотвращение рецидивов, это может применяться в виде поощрения коммуникации с другими участниками онлайн-игр и помощи в преодолении проблем, связанных с дефицитом навыков общения, в том числе общения в онлайн-пространстве.

Библиографический список

1. Влияние копинг-юмора на социальную тревожность при шизофрении / И.В. Григорьева, Е.А. Стефаненко, Е.М. Иванова и др. // Национальный психологический журнал. 2014. № 2(14). С. 82–89.
2. Казьмина О.Ю. Структурно-динамические особенности систем межличностных взаимодействий у больных юношеской малопрогрессирующей шизофренией: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
3. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.
4. Nowland R., Necka E.A., Cacioppo J.T. Loneliness and Social Internet Use: Pathways to Reconnection in a Digital World? // Perspectives on Psychological Science. 2017. С. 1–18.
5. Sarason I.G., Sarason B.R. Social support: Mapping the construct // Journal of Social and Personal Relationships. 2009. № 26. С. 113–121.
6. Tokunaga R.S. A Unique Problem or the Manifestation of a Preexisting Disorder? The Mediating Role of Problematic Internet Use in the Relationships Between Psychosocial Problems and Functional Impairment // Communication Research 2014. Vol. 41(4). С. 531–560.
7. Trepte S., Reinecke L., Juechems K. The social side of gaming: How playing online computer games creates online and offline social support // Computers in Human Behavior. May, 2012. Vol. 28. Is. 3.

The role of online games in social adaptation of the men with mental disorders

Boyko O.M.,
Mental Health Research Center, Moscow

Abstract. Article consists the results of investigation relation of online gaming and social adaptation features by men with psychical disorders. There 82 men (age from 16 to 31 years old), who was hospitalized from 2012 to 2015 years in Department of endogenous mental disorders and affective states from Mental Health Research Center, are surveyed. Methodical tools included Californian social support questionnaire, questionnaire by “picture of social network” (Kazmina O.U.), Cope inventory (Carver et al. 1989 in Rasskazova’s,

Gordeeva's, Osin's russian version). The ways of online games using was assessed with semi-structured interview, that was developed specially by this research. Data processing in SPSS Statistic program with Mann-Whitney U-test. There significant differences in structure of the system interpersonal transacting as social support producer and coping strategies was received. This results demonstrated online gaming using from men with mental disorders is the part of socializing activity, that can influence to the level of available social support.

Keywords: social support, internet, online games, communicative using of online games, mental disorder.

ГЛАВА V. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Социологические аспекты смысловых установок предпринимательской деятельности

Иванова Е.И.,

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва

Аннотация. Предпринимательская деятельность основывается на особых ценностных ориентациях, смысловых установках как компонентах социальных механизмов деятельности. Проблема смыслов деятельности затрагивалась в исследованиях представителей классической и марксистской политической экономии, маржинализма, неоклассицизма. К смыслам предпринимательства отнесены социальная ориентированность, профессионализм, новаторство. Исторически в России важнейшими смыслами предпринимательства являлись национальный менталитет, честность, меценатство. Молодые поколения находятся под усиливающимся воздействием инновационных технологий, информационных регуляторов социального взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности, заменяющих нормативные регуляторы. С учетом глобализации профессионального пространства, смысловые установки предпринимательской деятельности становятся обобщенными.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, смыслы, смысловые установки.

Формирование предпринимательской среды относится к насущным задачам современного российского общества. Предпринимательская сфера деятельности имеет характерные нормативные признаки (самостоятельность, нацеленность на прибыль), а также социальные признаки, соответствующие ожиданиям общества, основанные на наличии определенных ценностей.

Смыслы современного предпринимательства можно определить как представления о цивилизованной направленности деятельности, ее перспективной цели развития. Основывая свою деятельность на них, предприниматели ориентируются на будущее общества, создают настоящее. К

смыслам предпринимательства могут быть отнесены социальная ориентированность, профессионализм, новаторство.

Действия предпринимателей, мотивированные социальными смыслами, способствуют преодолению последствий явлений экономического и социального отчуждения. Источником их деятельности являются особые ценностные ориентации, смысловые установки. Смысловая установка – компонента исполнительных механизмов деятельности, она отражает в себе жизненный смысл объектов, на которые эта деятельность направлена.

К проблеме социальной составляющей предпринимательской деятельности обращались представители различных направлений социологической мысли. Обращаясь к теоретическим источникам, обосновывавшим цели и смыслы предпринимательской деятельности, следует отметить, что уже у теоретиков классической и марксистской политической экономии наряду с прибылью как основной целевой установкой деятельности капиталистов-предпринимателей обнаруживается и ее социальная сущность. По А. Смиту, «невидимая рука рынка» настраивает экономический процесс таким образом, что для получения собственной выгоды предприниматель вынужден учитывать и реализовывать интересы населения, потребление – единственная цель всякого производства. Именно наличие социального аспекта деятельности и ведет к росту богатства всего общества. К. Маркс указывал, что отчуждение рабочей силы и превращение ее в товар ставят капиталиста перед необходимостью оплачивать деятельность рабочих в размере, необходимом для прожиточного минимума, подчеркивал не только экономический, но и социальный аспект капиталистического воспроизводства.

Представители маржинализма учитывали социальный критерий как самостоятельную составляющую эффективности предпринимательской деятельности при анализе взаимодействия факторов производства и их предельной полезности. Согласно их утверждениям, выявить и решить экономические проблемы можно только на уровне индивида, на микроуровне, поскольку хозяйственные субъекты всегда желают максимизировать то, что их интересует в большей степени. Покупателей всегда интересуют полезность и качество, а производителей – прибыль. При этом, согласно К. Менгеру (1840–1921), ценность – это суждение, которое существует только в сознании хозяйствующих людей, она определялась степенью удовлетворения потребностей. Смысл деятельности состоит не

в увеличении количества полезных благ, а в *возможно более полном удовлетворении человеческих потребностей*.

В работах представителей неоклассицизма свобода производства и предпринимательства утверждалась как главная черта рыночной экономики. А. Маршалл (1842–1924) рассматривал предпринимательскую деятельность в качестве особого четвертого фактора производства (добавил к трем классическим факторам производства (земля, капитал, труд) четвертый фактор – организация). Смысл деятельности предпринимателей состоит в том, что своим новшеством они *создают новый порядок, ускоряют процессы, уже созревшие в обществе*.

Институционализм вводит в анализ предпринимательской деятельности все факторы общественно-экономических отношений, повышая меру присутствия социальной составляющей. Множество независимых от государства организаций, акционерные общества становятся атрибутами нового порядка открытого доступа, которому присущи верховенство закона, надежная система правовых гарантий и свобод, политика обеспечения равенства. Д. Норт при анализе критерия эффективности нового порядка вводит понятие «адаптивная эффективность», которая присуща людям, фирмам, организациям. Она позволяет создавать продуктивные, честные и стабильные институты, а если нужно, и заменять их новыми (Д. Норт).

К таким институтам относится институт доверия. В работе Р. Бокэ и О. Серве среда функционирования фирмы рассматривается с позиций когнитивной неопределенности, и только доверие (социальный капитал) способствует снижению трансакционных издержек. Доверие способствует кооперации и сотрудничеству, обеспечивает достижение равновесия и стабильности в деятельности. Смыслы предпринимательской деятельности, согласно интерпретациям институционализма, состоят в *обеспечении порядка открытого доступа* (верховенство закона, надежная система правовых гарантий и свобод, политика равенства), *доверия и сотрудничества*.

Й. Шумпетер обосновывает необходимость особых смыслов деятельности, он называет предпринимателем человека, берущегося за *создание нового блага; использование новой технологии производства; освоение нового рынка сбыта; открытие новых источников сырья*. Мотивы предпринимателя соответствуют девизу: еще больше. Это мечта основать свою частную империю, свою династию. Он выделяет несколько групп смыслообразующих мотивов: одному нужна «свобода» и «условия

для развития личности»; другой хочет обладать «сферой влияния»; третий движим «снобизмом», но не станет этого делать. Это и радость, которую человек испытывает от творческой деятельности, от своего творения. Это чувство может проявляться как само по себе, так и наряду с удовольствием, доставляемым работой. И здесь, блага приобретаются не ради них самих, т.е. теряется обычный «смысл» их приобретения.

Российский ученый Г.К. Гинс разделял взгляды Шумпетера на предпринимательство. В его исследованиях предприниматель рассматривается не только как основной субъект эффективной хозяйственной деятельности, но и как определенный психологический тип личности, отличающийся предприимчивостью, решительностью, гибкостью поведения. Предприимчивость является добавочным свойством человека, следствием работы его сознания и проявляется в способности действовать творчески, инициативно, основываясь на знаниях. Смысл деятельности заключается в творчестве, поиске и реализации новых идей и направлений для достижения общественно значимого эффекта.

В СССР и России марксистское учение стало основным источником толкования смыслов предпринимательства. Классовая сущность, жажда наживы, эксплуатация – эти образы деятельности капиталистов-предпринимателей способствовали признанию их негативных сторон. Между тем, в XIX – начале XX вв. среди российских ученых, государственных деятелей доминировали взгляды на традиционный, самобытный путь развития страны, считалось, что национальному менталитету чужды западные смыслы предпринимательства. Национальные перспективы развития предпринимательства поддерживали С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский, И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, П.Б. Струве.

В России, в отличие от европейских стран и США, не было культа денег, стремления нажиться любым путем. Хорошим предпринимателем считался тот, кто умел получать прибыль за счет ускорения оборота товара, качественного обслуживания покупателя. Российские предприниматели относились к своему делу как к важной миссии, возложенной на них Богом или судьбой, что составляло смысл их деятельности, а не личное обогащение. В купеческой среде считалось, что честность – основа деятельности, меценатство – обязанность, поскольку богатство должно использоваться. За счет меценатства в России появлялись музеи и театры, храмы, коллекции памятников искусства. При этом российские меценаты часто не афишировали свою помощь. Их поступки диктовались смысло-

выми установками, они не только приобщались к системе норм и ценностей социальной среды, но и способствовали их формированию.

Если ценности передаются из поколения в поколение часто в неизменном виде, то *смысл жизни* меняется – каждое поколение по-новому переосмысливает свою жизнь. В.М. Межуев подчеркивает, что у ценностей нет конкретного автора, а смыслы принадлежат только человеку, «творятся, создаются живыми людьми» (цит. по: Тощенко, 2016).

В современной России вновь возродилась предпринимательская деятельность, направленная на меценатство и благотворительность. Часто она организуется в качестве самостоятельной профессиональной деятельности. Предприниматели создают благотворительные организации, фонды, осуществляющие материальную поддержку сфер образования, науки, культуры, спорта. Примерами меценатства в названных сферах являются деятельность холдинга «Интеррос» В. Потанина, фондов «Искусство, наука и спорт» А. Усманова, «Вольное дело» О.В. Дерипаски, «Система» (в Попечительский совет входят представители ключевых компаний России), фонда Д.Б. Зимина (основателя ОАО «Вымпел-Коммуникации»).

Благотворительная деятельность распространяется на программы поддержки детей-сирот и тяжелобольных детей, внедрение высоких медицинских технологий, на адресную помощь семьям и пожилым людям. Ее осуществляют благотворительные фонды «Русфонд» Л. Амбиндера, фонд семьи Тимченко, «Подари жизнь» Ч. Хаматовой и Д. Корзун, «Виктория» Н. Цветкова, «Линия жизни» (пожертвования российских и иностранных предпринимателей).

На первом месте в направленности благотворительности находится поддержка детям-сиротам. Согласно опросу ФОМ о предпочтениях в выборе благотворительного фонда для пожертвования, в фокусе внимания чаще оказывались фонды указанной направленности – эту группу «выбрали» 69% опрошенных. Другие ответы следуют с большим отрывом: 38% помогли бы инвалидам, 32% – людям с тяжелыми или неизлечимыми заболеваниями (URL: <http://fom.ru/TSennosti/13898>).

Смысл предпринимательства – поиск и исследование не только новых экономических возможностей, но и возможностей поддерживать жизненно важные ценности. Всякий индивид, чье поведение отличается поисковым стилем – потенциальный предприниматель.

В конце 2017 года ФГБУ «Роспредприниматель» провело социологическое исследование на выявление предпочтений в области трудовой

деятельности среди молодежи и действующих предпринимателей. В опросе приняли участие 619 человек, большинство из них в возрасте от 23 до 30 лет. Все респонденты – жители Российской Федерации.

Почти половина опрошенных (48,3%) заявили, что планируют заняться предпринимательством (Российский инвестиционный форум. Сочи 2018). При этом смысл собственного дела для молодежи ассоциируется со свободой (возможностью располагать своим временем, строить собственный удобный рабочий график), стремлением достичь наиболее эффективного сочетания своих знаний с рыночной ситуацией и тем самым обеспечить первенство в конкуренции и большой доход.

Молодые поколения находятся под все усиливающимся воздействием инновационных технологий во всех сферах общества, в их жизнедеятельность внедряются информационные регуляторы социального взаимодействия, не только дополняющие, но и заменяющие нормативные регуляторы. Профессиональное пространство все более затрагивает процесс глобализации. Смысловые установки деятельности становятся обобщенными, определяют поведение индивидов в широком круге сходных ситуаций.

Примером могут служить установки предпринимательской деятельности Павла Дурова, основателя и лидера мессенджера «Телеграм». Мессенджер обладает уникальными механизмами шифрования и защиты от взлома и расшифровки личной информации в переписке пользователей. Программой предпочитают пользоваться представители политических и экономических элит, но по той же причине она может использоваться и незаконными группировками. Эти риски способствовали принятию поправок в закон об информации, которые обязывают вносить данные компаний-разработчиков и владельцев мессенджеров в специальный реестр. Однако создатель мессенджера счел данные законы не совместимыми с защитой частной жизни и политикой конфиденциальности. Смысловая установка его деятельности, объектом которой являются информационные технологии, – не только доходность, но и профессиональные достижения, новые технологии, правда независимо от их значимости и последствий для российского общества. «Глобус большой», – считает бизнесмен (URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/350645>).

Отмеченные смысловые установки деятельности молодых предпринимателей могут выступить ограничением ее содержания. Социально значимые ориентиры отступают на второй план, часто молодые предприниматели уезжают работать за рубеж. Данные социологического

опроса, проведенного в рамках проекта «Жизненный мир россиян» в 2014–2015 гг., показали, что наибольшая доля желающих постоянно жить и работать за рубежом отмечалась среди предпринимателей и бизнесменов (Иванова, 2016).

Общество предлагает меры по воздействию на смысловые установки профессиональной деятельности молодого поколения. В феврале 2018 года начата реализация молодежного проекта «Россия – страна возможностей», в том числе проекта «Билет в будущее», конкурса «Мой первый бизнес». Цель этих проектов состоит в стимулировании массового участия молодежи в научно-технической и инновационной сферах предпринимательской деятельности, направленности их деятельности на решение актуальных социальных проблем российского общества (URL: <http://government.ru/docs/31509/>).

Социальная составляющая бизнеса становится самостоятельным направлением деятельности. Смыслы деятельности предпринимателей, направленные на достижение социального эффекта, воплощаются в функциях новых структур. В России активно формируется социальное предпринимательство как самостоятельное направление деятельности организаций. Сама тема социального предпринимательства в России привлекает внимание государства, бизнеса, предпринимателей, исследователей. Это новый способ социально-экономической деятельности, в котором соединяется социальное назначение организации с предпринимательским новаторством (см.: Социальное предпринимательство 2016. С. 15–16).

В регионах России организуются курсы обучения, объявляются конкурсы грантов по социальному предпринимательству. Как правило, это социально значимые проекты. К примерам социального предпринимательства можно отнести деятельность благотворительного магазина «Спасибо» (социально значимая и общественно-полезная сфера, вся прибыль кроме административных расходов идет на благотворительные нужды); социальные предприятия, на которых работают инвалиды; коммерческий реабилитационный центр для пожилых; платные услуги или деятельность бюджетных учреждений, приносящая доход (например, студенты вуза оказывают платные консультационные услуги по доступной цене, получая практику и помогая социально незащищенным слоям населения).

Несомненно, ценностные предпочтения различных возрастных групп, поколений, социальных и профессиональных групп многообразны.

Современное общество предъявляет особые ожидания к предпринимательской деятельности. Они наполнены социальными смыслами, без которых невозможно решение проблем социально-экономического развития.

Библиографический список

1. *Гинс Г.К.* Предприниматель. М.: Посев, 1992.
2. *Иванова Е.И.* Миграционные намерения современных поколений: новая волна миграции // *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016. С. 89–112.*
3. *Маршал А.* Принципы экономической науки. Т.1. М.: «Прогресс». Серия «Экономическая мысль Запада», 1983. С. 320–408.
4. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.
5. О выделении бюджетных ассигнований на развитие молодежных проектов «Россия – страна возможностей». URL: <http://government.ru/docs/31509/> (дата обращения: 10.02.2018).
6. Опасная связь: спецслужбы разных стран преследуют Telegram Павла Дурова. URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/350645> (дата обращения: 10.02.2018).
7. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии / К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер; пер. с нем. Г. Тиктина и И. Абергуза; под ред. Р.М. Орженцкого. М.: Экономика, 1992. С. 31–242.
8. Отношение к благотворительности. Насколько в России распространена благотворительность? И кому люди выражают готовность помогать? URL: <http://fom.ru/TSennosti/13898> (дата обращения: 10.02.2018).
9. Российский инвестиционный форум. Сочи 2018. URL: <http://www.rusinvestforum.org> (дата обращения: 10.02.2018).
10. Социальное предпринимательство в России и в мире. Практика и исследования / Под ред. А.А. Московской. М.: ВШЭ, 2011.
11. *Тощенко Ж.Т.* Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // *Социологические исследования. 2016. № 11. С. 3–14.*

12. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. С. 170–177.
13. Bocquet R., Servais O. Concurrence et coopération, une approche du système industriel par la convention // Firmes et économie industrielle / sous la direction de C. Palloix et Y. Rizopoulos. L'harmattan, 1997. P. 21–38.

Semantic values of entrepreneurial activity: sociological aspects

Ivanova E.I.,

Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. Special valuable orientations, semantic values appear to be the basis of entrepreneurial social mechanisms of activity. The problem of meanings of entrepreneurial mission was touched in researches of classic and Marxist political economy, marginalism, institutionalism, neoclassicism. The senses of entrepreneurship are as follows: social orientation, professionalism, innovation. The historical retrospective of Russia reconstructs the main senses, such as national mentality, honesty, maecenas. Young generations experience strong influence of innovation technologies, information regulators of social interactions in all spheres of their vital activity. The innovation technologies and information regulators tend to substitute normative regulators. Taking into account the process of globalization of professional space we can assume that semantic values of entrepreneurship appear to be generalized.

Keywords: entrepreneurial activity, senses of entrepreneurship, semantic values.

Ключевые компетенции при руководстве виртуальной командой

Петрушихина Е.Б.,

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва

Аннотация. Статья посвящена проблеме электронного лидерства в виртуальной команде. Обозначена специфика командного руководства, направленного на оптимизацию взаимодействия и улучшение групповых процессов. Подчеркивается сходство и различие руководства виртуальной

и обычной командой. Показаны возможности электронного лидерства, в том числе интенсификация коммуникаций, снижение издержек, улучшение дизайна команды, более полное использование талантов участников команды, усиление клиентоориентированности сотрудников. Проблемы электронного лидерства связаны с формированием мотивации, доверия, контролем социальной лености, наставничеством, поддержанием баланса между работой и личной жизнью. Выделены шесть компетенций электронного лидерства, соответствующие его основным элементам: навыки электронной коммуникации, электронные социальные навыки, электронные навыки командообразования, навыки электронного менеджмента изменений, технологические навыки, надежность в электронной среде.

Ключевые слова: руководство, электронное лидерство, команда, виртуальная команда, командное лидерство, электронные компетенции.

Одна из тенденций XXI века, обусловленных развитием информационных технологий и глобализацией – появление виртуальных организаций, не имеющих четко обозначенных границ во времени и пространстве. Командная работа рассматривается специалистами как одна из отличительных черт виртуальных организаций, в связи с чем проблематика виртуальных команд приобретает особую актуальность (Малкольм, 2005).

Важнейшим фактором эффективности деятельности команд является руководство командой, особенности взаимоотношений руководителя с участниками командного взаимодействия (Кричевский, 2007). В литературе в настоящее время дискутируется вопрос о специфике командного руководства в отличие от руководства обычной группой (Iszatt-White & Saunders, 2014).

Исследователи подчеркивают, что традиционные теории лидерства фокусировались на том, как руководители оказывают влияние на совокупность отдельных подчиненных, не связанных между собой отношениями взаимной ответственности. При этом игнорировались воздействия руководителя, способствующие интеграции усилий подчиненных, его влияние на динамические процессы в группе и развитие командных эффектов. Руководство командой предполагает, прежде всего, оптимизацию взаимодействия и улучшение групповых процессов. Именно эта направленность на групповой процесс характеризует специфику командного руководства и обуславливает формирование отдельного класса концепций, изучающих руководство и лидерство в команде (Петрушихина, 2017).

Как указывает У. Малкольм (Малкольм, 2005), создание виртуальных команд и управление ими сходно с формированием команд других типов, но также имеет свои отличия, обусловленные спецификой данных групп. Члены виртуальных команд рассредоточены во времени и пространстве, они могут работать в различных местах по всему миру и контактируют друг с другом только посредством коммуникационных технологий. Команды, участники которых отвечают за разные функциональные зоны, географически разбросаны, но в то же время в высокой степени взаимозависимы в решении задач и несут ответственность за общий результат, являют собой определенный вызов традиционным подходам к командному руководству.

Как полагают исследователи, проблематике виртуальных команд наиболее релевантен конструкт электронного лидерства, появившийся в литературе около двадцати лет назад и оцениваемый учеными как новая парадигма лидерства (DasGupta, 2011).

Электронное лидерство (*e-leadership*) определяется как процесс социального влияния, встроенный в ближайший и удаленный контекст, опосредованный современными информационными технологиями и имеющий в качестве возможных последствий изменения в установках, чувствах, мыслях поведении и продуктивности (Avolio et al., 2014). Следует отметить, что речь в этом случае идет об организационном лидерстве, то есть, если следовать англоязычной традиции, назначенном лидерстве, а фактически – о руководстве (Кричевский, 2007). Таким образом, используя термин «электронное лидерство», мы будем иметь в виду процесс руководства виртуальной командой.

Основополагающая работа Б. Аволио с сотрудниками в области электронного лидерства вышла в 2000 году (Avolio et al., 2000). Спустя полтора десятилетия, анализируя наработки в данной области, Б. Аволио вынужден констатировать, что изучение электронного лидерства по-прежнему «все еще зарождается», находится в начальной стадии и сильно отстает от запросов практики. К сожалению, достижения в области информационных технологий и их применение на всех уровнях организации и общества сильно опережают теорию и практику лидерства (Avolio et al., 2014).

Проводимые исследования в данной сфере фокусируются на двух вопросах. Во-первых, чем отличается электронное лидерство от лидерства лицом к лицу, а во-вторых, какие факторы способствуют эффективному

объединению людей, являющихся потенциальными участниками команды (Iszatt-White & Saunders, 2014).

Ответ на первый вопрос может быть дан через обозначение новых возможностей и проблем при осуществлении электронного лидерства.

В частности, электронное лидерство дает возможность:

быстро, незамедлительно осуществлять коммуникацию с каждым из большого количества подчиненных;

использовать таланты сотрудников, живущих далеко от офиса;
улучшать деятельность организации за счет создания эффективных мультифункциональных команд, включающих ценных сотрудников независимо от места их проживания;

полнее удовлетворять потребности клиентов, обеспечивая их обслуживание в режиме 24x7;

снижать издержки;

улучшать менеджмент знаний (DasGupta, 2011).

В то же время, осуществление электронного лидерства связано с рядом проблем, среди которых можно отметить следующие:

обеспечение эффективности коммуникации при помощи информационных технологий;

формирование доверия между участниками команды, которые никогда в реальности не взаимодействовали;

создание ощущения реального электронного «присутствия»;

мотивация участников, далеко расположенных друг от друга;

наставничество виртуальных подчиненных;

контроль социальной лености;

поддержание баланса между работой и личной жизнью (DasGupta, 2011).

Вопрос о факторах объединения участников виртуальных команд прежде всего обсуждается с точки зрения компетенций, необходимых для успешной реализации электронного лидерства.

Ван Варт с соавторами выделили шесть ключевых компетенций (*e-competencies*), отражающих основные элементы электронного лидерства (Van Wart et al., 2016).

1. Навыки электронной коммуникации (*e-communication skills*). Они предполагают:

ясность коммуникации. Коммуникация в электронном формате должна быть очень четкой, хорошо организованной, позволять обратной связи избегать ошибок и непроверенных предположений;

предупреждение недопонимания. Электронная коммуникация должна быть особенно корректной и осторожной в плане передачи непреднамеренных посланий, которые могут оскорбить или рассердить получателя;

управление коммуникативными потоками. Передаваемая информация не должна быть избыточной, слишком объемной и противоречивой. Это может мешать выполнению работы и подавлять сотрудников.

2. Электронные социальные навыки (*e-social skills*), что означает:

высокий уровень лидерской поддержки, обеспечение всех сотрудников необходимыми информационными технологиями, использование широкого спектра средств массовой коммуникации, в том числе виртуальных конференций.

3. Электронные навыки командообразования (*e-team building skills*). Их образуют:

мотивация команды. Для мотивации командной работы необходим подготовительный этап, на котором разъясняются подлинный смысл поставленных целей, условия получения вознаграждения. Кроме того, необходимы адаптация и интеграция в команду новых участников;

ответственность команды. Руководитель добивается того, чтобы члены виртуальной команды несли ответственность за выполнение групповых задач;

признание достижений. Создание широкого спектра возможностей для признания, вознаграждения, развития и продвижения членов виртуальной команды.

4. Навыки электронного менеджмента изменений (*e-change management skills*), а именно:

управление изменениями. Подготовка изменений, мониторинг их внедрения, корректировка технологий на основе имеющегося опыта.

5. Электронные технологические навыки (*e-technological skills*), включающие:

определение ценности информационно-компьютерных технологий. Руководитель должен выбирать новые информационные технологии, изучать и сравнивать их между собой, чтобы обеспечивать их эф-

фективность, оптимальное соотношение затрат и выгод, включая финансовые и транзакционные издержки;

сочетание традиционных и виртуальных методов. Использование новых информационных технологий в сочетании с традиционными средствами коммуникации;

базовые технологические навыки. Наличие достаточных навыков и желания для разрешения технологических проблема на индивидуальном и организационном уровне, в том числе с помощью своевременно привлеченных специалистов. Способность помочь подчиненным в случае технологических сбоев.

6. Электронная надежность (*e-trustworthiness*). Ее составляют:

технологическая безопасность. Гарантированное сохранение конфиденциальной информации. Бдительность в отношении хакерских взломов и системных нарушений;

надежность в виртуальной среде. Формирование доверительных отношений на основе честности, последовательности, справедливости, способности руководителя довести начатое до конца;

баланс между работой и личной жизнью. Стремление не позволять виртуальным технологиям чрезмерно вторгаться в личную жизнь работников. Требование клиенториентированности не должно наносить ущерб сотрудникам;

управление многообразием. Поддержка разнообразия в виртуальных командах в той же мере, что и в реальных группах.

Как можно видеть, цели организационного лидерства не изменились, но появились новые средства их достижения. Электронное лидерство – новая парадигма в изучении руководства, предполагающая, что цели организации достигаются при помощи современных информационных технологий в процессе работы виртуальных команд. Дальнейшее развитие данной области требует построения теоретических моделей электронного лидерства, их последующей эмпирической проверки, в том числе в российских условиях.

Библиографический список

1. Кричевский Р.Л. Психология лидерства. М.: Статут, 2007.
2. Малкольм У. Виртуальные организации. Новая форма ведения бизнеса в XXI веке. М.: Добрая книга, 2005.

3. *Петрушихина Е.Б.* Руководитель и команда: основные модели взаимодействия // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017. № 14–15. С. 47–55.
4. *Avolio B.J., Kahai S., Dodge G.E.* E-leadership: implication for theory, research, and practice // *The Leadership Quarterly*. 2000. № 11(4). P. 615– 668.
5. *Avolio B.J., Sosik J., Kahai S., Baker B.* E-leadership: re-examinig transformations in leadership source and transmission // *The Leadership Quarterly*. 2016. № 26(1). P. 105–131.
6. *DasGupta P.* Literature Review: e-Leadership // *Emerging Leadership Journeys*, 2011. Vol. 4(1). P. 1–36.
7. *Iszatt-White, M. & Saunders, C.* Leadership. Oxford, Oxford Univ. Press, 2014.
8. *Van Wart M., Roman A., Wang X. H., Liu C.* (2016). Operationalizing the definition of the e-leadership: identifying the elements of e-leadership // *International Review of Administrative Sciences*. P. 1–18.

Virtual team leadership: key competences

Petrushikhina E.B.,

Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. The article is devoted to the problem of e-leadership in a virtual team. The specifics of the team leadership aimed at optimizing interaction and improving group processes are indicated. The similarity and difference in leadership between a virtual and an ordinary team is emphasized. The possibilities of electronic leadership are shown, including the intensification of communications, the reduction of costs, the improvement of the design of the team, the fuller use of the talents of the team members, the strengthening of the client-centeredness of the staff. Problems of electronic leadership are associated with the formation of motivation, trust, controlling of social loafing, mentoring, maintaining a work-life balance. Six e-leadership competencies have been singled out, corresponding to its main elements: e-communication skills, e-social skills, e-team building skills, e-change management skills, e-technological skills, e-trustworthiness.

Keywords: management, electronic leadership, team, virtual team, team leadership, electronic competences

Социально-психологические особенности пользователей интернета

Скрипкина Т.П.,

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва

Аннотация. В статье излагаются результаты исследования некоторых личностных характеристик пользователей Интернета с разной активностью. Показано, что активные пользователи Интернета, склонные к интернет-зависимости, имеют личностные особенности, связанные с самопрезентацией в виртуальной среде в отличие от обычных пользователей. Они характеризуются неуверенностью в себе, низкой самооценкой, чрезвычайной скудностью презентации своей личности. Они не склонны доверять себе, в особенности в интеллектуальной и профессиональной сферах, их потребности в общении фрустрированы противоречием между выраженной потребностью общаться и желанием «закрыться» от собеседника.

Ключевые слова: киберпсихология, виртуальная среда, активные пользователи Интернета, интернет-зависимые, личностные особенности, самопрезентация, доверие, общение.

Жизнь современного человека без компьютера и Интернета практически невозможно себе представить. Успех современного человека даже на самой незначительной должности напрямую зависит от его умения использовать современные информационные технологии, которые, помимо работы, активно распространяются на межличностные коммуникации и все сферы повседневной жизни. На сегодняшний день трудно назвать сферу, в которую бы не вклинились информационные технологии. Вместе с тем, достаточно хорошо известно, что информационные технологии оказывают существенное влияние на человека, его способы действий, умения и навыки, а также личностные особенности и на особенности возрастного развития личности. Компьютерные технологии, которыми современные дети начинают активно пользоваться, начиная с 4-летнего возраста, не могут не порождать в психике изменения в сознании, в бессознательном, в познавательных и эмоционально-мотивационных процессах, а также в личности в целом.

Это становится объяснимым при рассмотрении данного процесса через призму культурно-исторической психологии Л.С. Выготского

(Выготский, 1982–1984), согласно идеям которого постоянно усложняющиеся знаки и семиотические системы способствуют развитию высших психических функций. Таким образом, данная проблема открывает новые перспективные области исследований в психологической науке. Вместе с тем, далеко не все оптимистично относятся к перспективам развития компьютерной активности. Особенно актуальным эти исследования стали в связи с появлением таких относительно новых феноменов, как интернет-зависимость, гейминг, троллинг и некоторых других, которые свидетельствуют о существовании негативных сторон в развитии компьютерных технологий.

Мы не будем вдаваться в историю изучения влияния компьютерных технологий на психику человека, кратко отметим лишь некоторые моменты. Эта история началась в США в конце 1970-х годов, когда инженерным психологом А. Чапанисом были впервые проведены экспериментальные исследования, посвященные изучению особенностей взаимодействия между человеком и компьютером.

Впервые же привлечь общественное внимание к Интернету в 80-е годы прошлого столетия удалось известному психологу Т. Лири, который увидел в применении компьютеров немало достоинств, главное из которых – способность к «расширению сознания» и пребыванию в иных реальностях. В книге «Хаос и киберкультура» он писал о том, что появление киберкультуры – это культурный переворот, который связан с процессом расширения, освобождения и перепрограммирования сознания (Лири, 2001). Он называл порождение электронного сетевого пространства психоделической революцией, где можно создавать собственные миры и взаимодействовать с ними (URL: <http://www.leary.ru/articles/?n=07/>). Согласно его предсказанию, киберкультура сольется с психоделиками и заменит их.

В отечественной психологии в 1980-е годы также были проведены первые эмпирические исследования, которые в дальнейшем легли в основу изучения психологии Интернета. Выполнены эти исследования были именно в русле психологии, как уже отмечалось, благодаря теоретическим положениям отечественной психологии, в основе которой лежит культурно-историческая теория Л.С. Выготского и более конкретно, положению о знаковой опосредствовании деятельности. Именно постоянно усложняющиеся знаки и семиотические системы способствуют развитию и трансформации высших психических функций. В дальнейшем же проблематика развития и усложнения строения высших психических функ-

ций была поднята А.Н. Леонтьевым (Леонтьев, 2004), О.К. Тихомировым (Тихомиров, Бабанин, 1986) и другими отечественными и зарубежными исследователями.

В настоящее время в отечественной психологии имеется значительное количество исследований разного масштаба, которые в обобщенном виде можно обозначить как изучение психологических аспектов преобразования культуры в целом под действием информационных технологий (Войскунский, 2010).

В настоящее время изучению психологических аспектов влияния Интернета на психику человека посвящены многочисленные работы из разных отраслей психологии: психологии личности, когнитивной психологии, клинической психологии и др. Таким образом, сбывается прогноз ведущего отечественного ученого в области данного направления А.Е. Войскунского: «Киберпсихологическая проблематика будет постепенно “растворяться” в традиционных направлениях психологии и перестанет “выделяться” в ней как нечто специфическое, перестанет быть своего рода “островом” в психологическом знании, поскольку едва ли не все “традиционные” сферы человеческой деятельности будут все больше включать компоненты, осуществляющиеся в киберпространстве, и такие компоненты превратятся в необходимый элемент, на котором не будет акцентироваться внимание» (Войскунский, 2010).

Большой интерес киберпсихологическая наука представляет для социально-психологических исследований. Поскольку Интернет, как известно, гигантская совокупность сетей, объединенных общими правилами коммуникации, где каждый раз за компьютером сидит живой человек, взаимодействующий с сотнями и тысячами таких же пользователей. Ни для кого не секрет, что интернет-среда качественно влияет на взаимодействие людей, изменяет способ и особенности восприятия информации, способствует образованию новых требований к реальности. Появляется даже новый термин «сетевое поколение» – молодые люди, выросшие в эпоху передовых технологий, с детства привыкшие к использованию компьютеров в образовании, развлечениях, на работе. Данные люди живут в ином восприятии информационного пространства, для них общение со сверстником из другой части света или мгновенное получение сведений по любому вопросу – дело совершенно обыденное (Сазонов, <http://www.np.vspu.ac.ru/doc/s10.htm?num=10>).

Обращает на себя внимание специалистов и тот факт, что в социальных сетях порождаются новые феномены – формирование списка

виртуальных друзей, распределение функций в виртуальных группах, своеобразие интернет-контента, порождение авторитетов, а также изменение некоторых сторон идентичности, что возможно только в виртуальном пространстве, и многие другие, которые занимают внимание социальных психологов. Большой простор для изучения представляют также онлайн игры.

Меняется в целом картина развития ребенка, который растет в окружении компьютеров, цифровых устройств, в целом эту картину можно свести к тому, что современный ребенок развивается в иной предметной и знаковой среде, что не может не сказываться на механизмах и закономерностях его развития. Интересно, что японские ученые уже довольно давно выявили это явление и дали ему название «кнопочная психология». Таким образом, в целом применение интернет-технологий ведет к значительным структурным и функциональным изменениям в психической деятельности человека (Арестова, Бабанин, Войскунский, 1996).

Обсуждая проблему интернет-среды, невозможно не остановиться и на негативных сторонах виртуальной реальности, которая в последние годы сильно волнует общество. Это интернет-аддикции и, прежде всего, интернет-зависимость, которая характеризуется сильной зависимостью от этой деятельности (своеобразной компьютерной наркоманией), ведущей к потере контроля над своими действиями (Мюррей, 2000).

Так, Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева отмечают следующее: «Элементы аддиктивного поведения свойственны любому человеку, уходящему от реальности путем изменения своего психического состояния. Проблема аддикций начинается тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь, приводя к отрыву от реальности» (Короленко, Дмитриева, 2000).

При этом известно, что формирование аддиктивности не единственное негативное последствие все возрастающей компьютеризации. Исследования показывают, что у активных пользователей Интернета наблюдаются устойчивые отклонения от нормы некоторых показателей психического состояния: тревога, снижение настроения и активности, что свидетельствует о дезадаптации, неадекватном восприятии себя и окружающего мира. Тревога нарастает с нарастанием диссонанса между «Я виртуальным», который может все в виртуальном мире, и «Я реальным», который является простым обычным человеком. Только в виртуальном

мире человек может все, он там лидер, победитель, он там главный. Все эти переживания себя теряются в реальном мире, который кажется «серым» однообразным и неинтересным, что порождает тревогу. Именно тревога служит показателем возникновения зависимости: с увеличением тревоги увеличивается зависимость, что, в свою очередь, увеличивает тревогу и так по кругу.

Возникает вопрос: почему одни активные интернет-пользователи становятся зависимыми, а другие – нет. В связи с поставленной проблемой, под нашим руководством А.В. Багуславской было проведено небольшое исследование, связанное с изучением психологических характеристик лиц, значительное время проводящих в социальных сетях.

Цели исследования было две. Во-первых, изучить характер самопрезентации в социальных сетях Интернета, и, во-вторых, исследовать особенности потребностей в общении и доверия активных пользователей Интернета. В исследовании приняло участие 80 респондентов в возрасте от 15 до 35 лет.

Первая гипотеза была сформулирована следующим образом: самопрезентация пользователей социальных сетей обусловлена их личностными особенностями. В зависимости от различных особенностей личности стратегии самопрезентации будут значительно различаться.

Как известно, современные технологии позволяют человеку не только создавать желаемый для него образ, но и безгранично изменять его и экспериментировать с разными образами. Подобрал подходящий облик, пользователь может использовать его и прочувствовать новую для себя роль, даже сильно отличающуюся от реального «образа Я». Тем не менее, когда разрыв между реальным и идеальным Я слишком велик, пользователи могут испытывать личностные трудности, а Интернет-коммуникация их лишь усугубляет. Исследование самопрезентации пользователей проводилось на примере социальных сетей, конкретнее на сайте www.vkontakte.ru. В данной части исследования приняло участие 27 человек.

Для изучения личностных особенностей использовались следующие методики: Личностный опросник FPI, тест Персональный Автопортрет (Дж. Олдхэм и Л. Моррис); методика личностного дифференциала (адаптирована в лаборатории В.М. Бехтерева); тест на выявление уровня самооценки; авторская анкета, касающаяся пристрастий человека к Интернету.

Данные анкет, совместно с контент-анализом страницы пользователей в социальной сети «В контакте» были статистически обработаны с помощью статистической программы Statistica 6.0.

На основе кластерного анализа было выявлено 2 группы пользователей Интернета применительно к социальным сетям и изучены их личностные особенности.

Первая группа пользователей, которой можно дать условное название «Реальные», отличались наличием следующих психологических характеристик: высоким уровнем самоуважения, принятием себя, уверенностью в себе, экстравертированностью. Они отмечали, что хотели бы проводить за компьютером меньше времени, больше общаться со своими друзьями и близкими. Данная группа не проявляла признаков интернет-зависимости. В социальной сети «В Контакте» данные пользователи обычно демонстрировали большое количество своих фотографий, информации о себе, своих увлечениях, интересах, имели довольно большое количество контактов.

Вторая группа пользователей, или «Виртуальные», проявляла признаки зависимости от интернет-среды. От первой группы их отличает низкий уровень самооценки, развития волевых сторон и уверенности в себе, интровертированность. Они отмечали, что считают компьютер неотъемлемой частью их жизни. Эти люди чаще приравнивали виртуальное общение реальному. По тесту «Персональный автопортрет» люди данной группы чаще попадали в следующие типы: «Отшельник», «Чувствительный», «Преданный», «Серьезный». Для этих типов, в частности, также характерны такие личностные особенности, как малое проявление эмоций, заниженная самооценка, склонность к анализу, критичность, пессимизм. На сайте «ВКонтакте» их странички отличаются скупостью информации, скрытностью, наличием на месте фото автора фотографий другой тематики (пейзажи, мульт-персонажи, предметы). Данная группа пользователей либо скрывала большую часть информации о себе, либо просто закрывала свою страницу от посторонних лиц.

Таким образом, можно сказать, что стратегия ухода от своего Я в социальных сетях осуществляется за счет: избегания публикации своих фотографий и публикации посторонних фото; указания малого количества информации о себе, либо указание негативной информации; ограничение доступа к разделам своей страницы; отсутствие страницы в социальной сети. Таковы некоторые стратегии самопрезентации людей, имеющих внутриличностный конфликт между Я-социальное и Я-идеальное.

Общий вывод заключается в том, что, как и предполагалось, самопрезентация пользователей социальных сетей взаимосвязана с их личными особенностями и склонностями, а также с отношением к компьютеру.

Целью второй части исследования было изучить межличностные потребности (в области общения) и особенности доверия к себе и к другим компьютеризированных пользователей, а также рассмотреть связи между этими характеристиками и способом использования компьютера.

Основная гипотеза заключалась в следующем предположении: уровень компьютеризации респондентов зависит от уровня их доверия к себе и к другим и межличностных потребностей в общении.

Для этого мы использовали созданную ранее анкету отношения к компьютеру и 5 выделенных нами способов использования компьютера: личное общение (общение на форумах, чатах, посредством ICQ, QIP, Skype и т.д.); пополнение знаний (профессиональные сайты, статьи, обучение в Интернете и т.д.); отдых и развлечение (просмотр фильмов, слушание музыки, игры и т.д.); работа (профессиональные интересы и задачи, разработка программ, сайтов, заработок денег через Интернет и т.д.); деловые контакты (общение с коллегами по работе/учебе, деловая переписка, разработка совместных проектов через Интернет и т.д.).

Проверялось предположение о том, что способ использования человеком компьютера зависит от уровня его доверия к себе и к другим и межличностных потребностей в общении.

Участниками этой части исследования стали 53 респондента средней возрастной группы (16–31 лет).

Исследуемым предлагалось заполнить следующие тестовые методики: методика «Оценка доверия к себе» (Т.П. Скрипкина); методика Дж. Б. Роттера «Шкала межличностного доверия» (переведенная, адаптированная и валидизированная С.И. Достоваловым); опросник межличностных отношений (В. Шутц); авторская анкета, касающаяся пристрастий человека к Интернету.

Корреляционный анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что уровень компьютеризации пользователей Интернета действительно связан с уровнем их доверия к себе в профессиональной и интеллектуальной сфере. Респонденты, имеющие высокие показатели по данным шкалам, проявляли низкий уровень заинтересованности в компьютерной деятельности. При этом уровень компьютеризированности имел обратную корреляцию с возрастом.

Часть нашей гипотезы, касаемая связи способа использования компьютера и межличностных потребностей в общении так же оказалась верна. Полученные данные можно интерпретировать следующим образом: респонденты с выраженной деловой активностью по отношению к компьютеру стремятся принадлежать к различным группам, быть включенным, как можно чаще находиться среди людей, при этом они склонны принимать окружающих, чтобы они, в свою очередь, принимали участие в их деятельности, проявляли к ним интерес. Однако у этих пользователей может наблюдаться фрустрация и некий личностный конфликт, идущий от желания состоять в различных группах и быть в хороших, дружественных отношениях с людьми, но в то же время желанием отделиться, закрыться в себе, избирательность в установлении близких отношений.

Исследование особенностей общения и доверия активных пользователей Интернета позволило нам сделать следующие выводы: высокоактивные, компьютеризированные пользователи действительно отличаются особо низким уровнем доверия к себе в некоторых сферах (в особенности профессиональной и интеллектуальной). Способ использования компьютера также имеет немалое значение. Так, пользователи, использующие ПК, прежде всего, для личного общения и развлечения, чаще отличались низким уровнем доверия к себе в целом, доверием к себе в умении строить взаимоотношения с другими. Кроме того, данная группа респондентов имела некоторые проблемы в общении, в частности обладала противоречивым поведением в области «контроля». Лица с данной особенностью, с одной стороны, жаждут контроля над собой, с другой стороны противятся любым попыткам окружающих руководить ими.

Как и в прошлый раз, противоположностью данной группы стала группа респондентов, использующих ПК преимущественно для работы и пополнения знаний. Эти люди отличались высоким доверием к себе в целом и в большинстве изучаемых сфер (интеллектуальной, профессиональной, в умении строить отношения с другими, нравиться представителям противоположного пола). Тем не менее, данные люди также отличались наличием межличностных конфликтов в области поведения, смысл которого – это желание быть включенным в большое количество групп, как можно чаще находиться среди людей, быть с ними в близких и дружественных отношениях, но в то же время, испытывали желание отделиться, закрыться в себе от других.

Библиографический список

1. *Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.* Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 1996. № 4. С. 14–20.
2. *Войскунский А.Е.* Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010.
3. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984.
4. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.* Социодинамическая психиатрия. М.; Екатеринбург, 2000.
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004.
6. *Лири Т.* Семь языков бога / Перевод с англ. К.: «Янус»; М.: «Пересвет», 2001.
7. *Мюррей К.* Интернет-зависимость с точки зрения нарративной психологии // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А. Е. Войскунского. М., 2000. С.132–140.
8. *Сазонов Д.О.* Личность человека в компьютеризированном мире. URL: <http://www.np.vspu.ac.ru/doc/s10.htm?num=10> (дата обращения: 29.09.2018).
9. *Тихомиров О.К., Баланин Л.Н.* ЭВМ и новые проблемы психологии. М.: изд-во МГУ, 1986. URL: <http://www.leary.ru/articles/?n=07/> (дата обращения: 29.09.2018).

Socio-psychological characteristics of active internet users

Skripkina T.P.,

Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. The article presents the results of the study of some personal characteristics of Internet users with different activity. It is shown that active Internet users, prone to Internet addiction, have personal characteristics associated with self-presentation in a virtual environment, unlike ordinary users. They are characterized by self-doubt, low self-esteem, extreme scarcity of presentation of his personality. In the field of self-confidence, they do not tend to trust themselves, especially in the intellectual and professional spheres, their needs for communication are frustrated by the contradiction between the expressed need to communicate and the desire to "close" from the interlocutor.

Keywords: cyberpsychology, virtual environment, active users of the Internet, Internet-dependent, personal characteristics, self-presentation, trust, communication.

Психологическая связь между субъективными переживаниями одиночества и интернет-зависимостью у современных студентов

Мишина М.М.,
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва

Аннотация. В статье рассматривается актуальная для современного общества проблема взаимосвязи субъективного переживания одиночества со степенью интернет-зависимости у современных студентов. В данном исследовании апробирован и предложен для использования комплекс диагностических методик, ориентированный на изучение феномена одиночества у современных студентов, интернет-зависимости, интернет-независимости, а также даны практические рекомендации по снижению интернет-зависимости у современных студентов. Ключевым способом снятия психологических барьеров в процессе общения современных студентов, испытывающих состояние одиночества, служит формирование побудительных мотивов и интеллектуальной активности. При этом важно развивать умение регуляции собственных эмоциональных состояний. Понятия «одиночество» и «интернет-зависимость» активно взаимодействуют между собой и способствуют самоизменению личности.

Ключевые слова: интернет-зависимость, интернет-независимость, одиночество, юноши, девушки, современные студенты.

Введение. В современном обществе остро стоит проблема одиночества молодого человека и это может быть связано с активным его «проживанием» в виртуальном мире.

Необходимость психологического исследования одиночества современной молодежи обусловлена *противоречиями* между:

постоянно растущим уровнем требований, предъявляемых к личности молодого человека в современных условиях общественного развития и отстающими от него возможностями быстрого переключения индивидуального сознания с учетом исторического этапа;

представлением о структуре феномена одиночества личности молодого человека и причинами его появления,

изменением места деятельности в современной жизни, порождением ее новых видов и отсутствием научно-обоснованной психологической концепции феномена одиночества современного молодого человека [1; 2; 3; 4];

Исследование субъективного переживания одиночества молодежи помогает выявить причины данного явления, расширить возможности предоставления психологической помощи с учетом индивидуальных особенностей.

Цель исследования – выявить связь между субъективным переживанием одиночества и интернет-зависимостью у современной молодежи.

Объект исследования – одиночество как психологический феномен.

Предмет исследования – связь одиночества и интернет-зависимости.

Гипотеза исследования: между субъективным переживанием одиночества и интернет-зависимостью существует причинно-следственная связь: при более выраженном субъективном переживании одиночества проявляется более высокий уровень интернет-зависимости. У студентов с признаками интернет-зависимости имеется низкий показатель самооценки и выражены специфические механизмы психологической защиты.

Эмпирическая база исследования: 50 респондентов (студенты РГГУ) в возрасте от 18 до 25 лет: 25 человек имеют признаки интернет-зависимости; 25 человек не имеют признаков интернет-зависимости.

Методология исследования строится на концепциях:

одиночество как неизбежный этап в становлении личности (А. Камю, Ж.П. Сартр);

одиночество как противоестественный феномен (И. Кант, Ф. Ницше, Э. Фромм).

Методы исследования: аналитический, эмпирический (анкетирование, тестирование), статистической обработки информации.

Методики исследования: Анкета «Одиночество» для исследования субъективного переживания одиночества молодежью; Методика субъективного ощущения одиночества (Д. Рассел и М. Фергюсон); Диагностика переживания одиночества (Е.Е. Рогов); Тест на интернет-зависимость (Кимберли-Янг); Методика Дембо-Рубинштейна: исследование самооценки (в модификации А.М. Прихожан); Методика «Индекс жизненного

стиля» (Опросник Плутчика – Келлермана – Конте). Тест для диагностики механизмов психологической защиты.

Психологический анализ связи субъективного переживания интернет-зависимости и одиночества у студентов

В ходе исследования было выявлено, что интернет-независимые респонденты больше ориентированы на реальное общение, а интернет-зависимые молодые люди воспринимают одиночество как отсутствие единомышленников, поддержки (они пишут «не к кому обратиться за помощью; кажется, что ни один человек не сможет понять твою проблему и оказать помощь»). Из-за постоянного несогласия с окружающим миром они абстрагируются, чаще уединяются и со временем привыкают к этому состоянию. Им становится сложно общаться и находить общий язык с другими людьми в реальной жизни (увеличиваются комплексы, падает самооценка). Они перманентно видят «замкнутый круг» и находятся в состоянии одиночества в реальном мире. Тем не менее, в интернете эта проблема решается, т.к. молодые люди могут общаться под другим именем, указывать другой возраст и пол. Часто именно «непонимание близких» вызывает переживание одиночества и срабатывает механизм психологической защиты («изменение своего статуса в интернете»).

Респонденты, имеющие признаки интернет-зависимости, проводят много времени в сети – 40% опрошенных проводят от 2–5 часов и 40% от 5–10 часов в сутки.

В группе интернет-зависимых испытуемых выявлено 84% респондентов, не состоящих ни в каких близких отношениях, что в 3 раза превышает показатели интернет-независимых респондентов (28%).

Результаты проведенного исследования по методике диагностики переживания одиночества Е.Е. Рогова позволяют сделать следующие выводы:

– в группе интернет-зависимых респондентов выявлен значимый процент людей с завышенным уровнем переживания следующих видов одиночества: временное (56%), постоянное (52%), эмоциональное (48%);

– в группе интернет-зависимых респондентов выявлен значимый процент студентов со средним уровнем переживания следующих видов одиночества: поведенческое (60%) и когнитивное (60%);

– в группе интернет-зависимых респондентов по всем шкалам одиночества выявлена тенденция к усиленному субъективному переживанию данных состояний;

– в группе интернет-независимых респондентов показатели всех шкал одиночества, кроме эмоционального одиночества, не выражены,
– эмоциональное одиночество испытывают 80% интернет-независимых респондентов.

Полученные результаты могут свидетельствовать о высокой чувствительности интернет-зависимых людей ко всем видам одиночества.

Результаты проведенного исследования по методике субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона позволяют сделать следующие выводы:

выявлено 76% интернет-зависимых респондентов, имеющих высокую степень субъективного переживания одиночества, что в 5 раз превышает показатель интернет-независимых респондентов (16%);

выявлено 24% интернет-зависимых респондентов, испытывающих низкую (8%) и среднюю степень одиночества (16%);

в группе интернет-независимых респондентов 48% испытывает низкую степень одиночества;

Результаты, полученные в ходе обработки методики субъективного переживания одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона, свидетельствуют о наличии связи между интернет-зависимостью и высокой степенью переживания одиночества у современных студентов.

Результаты проведенного исследования напряженности механизмов психологических защит по опроснику Плутчика – Келлермана – Конте позволяют сделать следующие выводы:

в группе интернет-зависимых респондентов выявлена напряженность следующих механизмов психологических защит: 36% – проекция (приписывание окружающим различных негативных качеств для создания рациональной основы) и 38% – компенсация (попытка замены неполноценности); 26 % – остальные типы защит. Тенденция к компенсаторному поведению подтверждает теорию об использовании интернета в качестве способа избегания реальности, а высокий уровень напряженности проективных защит может быть связан с чувством апатии, высокой тревожностью, недоверчивостью, закрытостью респондентов, имеющих признаки интернет-зависимости;

в группе интернет-независимых респондентов выявлены следующие типы психологических защит: проекция (28%) и рационализация (24%); напряженность механизма психологической защиты типа ком-

пенсации в группе интернет-независимых респондентов составила 8%, что в 4 раза меньше показателей интернет-зависимых респондентов;

общая напряженность механизма психологической защиты типа проекции выражена в обеих группах, а напряженность механизма компенсации выявлена только в группе интернет-зависимых респондентов.

В ходе проверки непараметрической корреляции Спирмена между показателями «наличие интернет-зависимости» и «выраженность субъективного переживания одиночества» было получено значение 0,462 – свидетельствует о том, что корреляция (двусторонняя) значима на уровне 0,05. Корреляционный анализ по критерию Пирсона выявил, что корреляция между показателями «наличие интернет-зависимости» и «выраженность субъективного переживания одиночества» составляет 0,422 и является значимой на уровне 0,05.

Подводя итоги статистического анализа, полученные в ходе эмпирического исследования, можно сделать следующие *выводы*.

Интернет-зависимых респондентов характеризует наличие отрицательной оценки феномена одиночества. Основными тезисами являются следующие представления об одиночестве: одиночество ведет к снижению уверенности в себе; сопровождается высокой тревожностью. Одиночество – это невозможность говорить о себе, ощущать поддержку, пребывание в социуме, при ощущении абсолютной ненужности; вызывает привыкание (замкнутый круг, редкое общение; ощущение душевной боли, отсутствия свободы).

Интернет-независимые респонденты дают положительную оценку феномену одиночества. Основными тезисами являются следующие высказывания: одиночество – возможность к развитию своей индивидуальности и способностей; возможность отдохнуть от других наедине с собой; одиночество – есть свобода.

По результатам анализа авторской анкеты была сформулирована модель современного молодого интернет-зависимого человека: возраст от 18 до 25 лет; проводит в интернете от 3 до 9 часов в день.

Выявлена положительная статистически значимая связь между интернет-зависимостью и феноменом одиночества.

Интернет-зависимые молодые люди чувствительны ко всем видам переживания одиночества, особенно к временному, постоянному и эмоциональному. Так как временный и постоянный вид одиночества являются противоположными по своему действию, был сделан вывод о том, что для интернет-зависимых людей характерно наличие постоянного

хронического чувства одиночества, перемежающегося со вспышками временного одиночества (связанного с определенными ситуациями), что может ускорять развитие интернет-зависимости. Высокая чувствительность к эмоциональному виду одиночества говорит о том, что чаще всего причина переживания одиночества и погружения в интернет лежит в отсутствии тесных эмоциональных связей.

Для интернет-зависимых студентов свойственна заниженная самооценка по шкалам «характер» и «уверенность в себе»; доминирует компенсация как механизм психологической защиты, низкая самооценка; высокий уровень притязаний совместно с тенденцией к компенсаторному поведению объясняет стремление интернет-зависимых студентов к избеганию своих проблем за счет продолжительного общения в сети.

Подводя итоги научной исследовательской работы по выявлению связи между субъективным переживанием одиночества и интернет-зависимостью студентов, можно сделать следующие выводы.

1. Интернет-зависимость представляет собой активно развивающийся вид аддиктивного поведения, базирующийся на создании виртуального мира, позволяющего осуществлять компенсаторный вид поведения. Интернет-зависимость имеет ряд психологических и физических симптомов, причин возникновения, видов, определенных стадий развития, оказывает негативное влияние на разные сферы человеческой жизни.

2. Между субъективным переживанием одиночества и интернет-зависимостью у студентов существует причинно-следственная связь: молодые люди с признаками интернет-зависимости имеют определенные психологические особенности (низкие показатели самооценки и использование компенсации как механизма психологической защиты), способствующие ее развитию.

3. Между феноменами интернет-зависимости и субъективным переживанием одиночества существует значимая связь. Для интернет-зависимых студентов характерно сильное переживание временного, постоянного и эмоционального видов одиночества, а также их объективная оценка феномена субъективного переживания одиночества в основном отрицательная.

4. Сравнительные статистические данные по пункту «пол» в группах интернет-зависимых и интернет-независимых респондентов показали, что процент респондентов женского пола преобладает в обеих

группах. В мужской выборке интернет-зависимость в два раза больше, чем интернет-независимость.

Рекомендации по снижению интернет-зависимости у современного студента

1. Развивать умение определять собственное эмоциональное переживание и понять причину его появления. От причины следует перейти к конкретным позитивным действиям. Рефлексировать и переосмысливать многие собственные действия, которые регулярно вызывают негативные последствия.

2. Активизировать общественно-полезную деятельность при регламенте работы в интернете. Необходимо научиться конструктивно использовать интернет.

3. Осуществлять поиск альтернативы виртуальному миру (хобби, спортивные секции).

4. Установить реальную коммуникацию и наладить тесные эмоциональные связи с родственниками и друзьями.

Рекомендации для специалиста по снижению интернет-зависимости у современного студента

1. При работе с интернет-зависимыми людьми учитывать все виды чувствительности, которым подвержена современная молодежь.

2. Принимать во внимание как негативные, так положительные эффекты субъективного переживания одиночества.

3. Применять знания о ключевых особенностях стадий формирования интернет-зависимости.

Перспективой дальнейших научных исследований является исследование проблемы разработки клиентоориентированного подхода к профилактике, коррекции и реабилитации интернет-зависимых людей с учетом характерных для них психологических особенностей.

Библиографический список

1. Мишина М.М., Барабанова Н.С. Психологические особенности переживания интернет-зависимыми людьми чувства одиночества // Прикладная психология: современное состояние, эффективность исследований, перспективы развития: Сб. материалов Международной научно-практической конференции XII Левитовские чтения (г. Москва, 19–20 апреля 2017 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2017.
2. Пахомова Т.В. Некоторые психологические проблемы интернет-зависимости // Молодой ученый. 2014. № 15. С. 236–238.

3. *Тихонов Г.М.* Феномен одиночества: гендерный аспект // Вестник Пермского университета. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/fenomen-odinochestva-gendernyy-aspekt> (дата обращения: 24.10.2018).

Features of the psychological connection between the subjective experience of loneliness and internet addiction in modern students

Mishina M.M.,
Russian State University for the Humanities, Moscow

Abstract. The article considers the problem of interrelation between the subjective experience of loneliness and the degree of Internet dependence in modern students, which is topical for modern society. In this study, a set of diagnostic techniques, oriented to studying the phenomenon of loneliness in modern students, Internet addiction, Internet independence, has been tested and proposed for use, and practical recommendations for reducing Internet addiction in modern students are given. The key way to remove psychological barriers in the process of communication of modern students experiencing a state of loneliness is the formation of incentives and intellectual activity. It is important to develop the ability to regulate your own emotional states. The concepts of "loneliness" and "Internet addiction" actively interact with each other and promote self-change of personality.

Keywords: internet addiction, Internet independence, loneliness, young people, girls, modern students.

Компьютерный диагностический инструментарий в оценке работы начальной школы

Улановская И.М., Ривина И.В.,
Психологический институт РАО,
г. Москва

Аннотация. В статье описаны авторские методики, вошедшие в диагностический пакет, позволяющий оценить сформированность метапредметных результатов учащихся на выходе из начальной школы. Этот инструментарий разработан сотрудниками Психологического института

РАО. Статистический анализ на большой выборке испытуемых показал, что разработанные методы являются надежным инструментом для дифференцированной количественной и качественной оценки сформированности всех 16 метапредметных компетенций, сформулированных в новом Стандарте начального образования. Представлены принципы, положенные в основу разработки компьютерной версии диагностического пакета. Каждая методика нацелена на диагностику той или иной компетенции, а также на проверку и подтверждение результатов, полученных по другим методикам пакета. Рассмотрен практический пример многократного использования компьютерного инструментария для решения конкретных задач школ.

Ключевые слова: метапредметные результаты начального образования, диагностика, компьютерный пакет методик, образовательная среда школы, эффективность работы школы.

В новом образовательном Стандарте начального образования (Министерство образования и науки РФ, приказ от 6 октября 2009, № 373) сформулированы требования, никогда ранее не присутствовавшие в наших образовательных документах. В этих требованиях впервые зафиксировано одно из важнейших положений культурно-исторического подхода Л.С. Выготского к проблеме соотношения обучения и развития. Согласно Стандарту важнейшим результатом обучения в начальной школе должны стать сформированные метапредметные компетенции. Метапредметные результаты являются индикатором когнитивного, социального и деятельностного развития младшего школьника. Таким образом, они переносят акцент с педагогических результатов, каковыми являются знания, умения, навыки, на результаты психологические, интерпретируемые в категориях развития. Поэтому логично, что для оценки эффективности работы школы должны применяться инструменты, позволяющие выявить и качественно оценить сформированность метапредметных компетенций.

Ниже мы коротко опишем этапы разработки инструментария и приведем примеры его использования для оценки результатов начального общего образования.

В 2011–2012 годах в связи с внедрением нового образовательного Стандарта коллективом сотрудников Психологического института РАО по заказу МГППУ был разработан пакет методов для оценки сформированности всех 16 метапредметных результатов, сформулированных в

тексте документа, у выпускников начальной школы. Методики были апробированы на 43 школах г. Москвы (более 2000 детей). Результаты этой апробации были подвергнуты всестороннему статистическому анализу. Была доказана валидность и надежность большинства методов. Это значит, что разработанные методы являются надежным инструментом для дифференцированной количественной и качественной оценки сформированности всего набора метапредметных компетенций. Однако проведение метапредметной диагностики с использованием разработанного пакета занимало много учебного времени, требовало большого объема раздаточного материала, обучения ведущих диагностику, технического сопровождения и длительного обсчета и статистического анализа результатов. Поэтому было принято решение создать на базе апробированных методик компактный компьютерный инструмент, доступный для проведения любой школе при наличии сети интернет.

Понятно, что не все метапредметные компетенции можно оценить компьютерными методами. Так, компетенции, входящие в группу социальных метапредметных результатов, не могут быть оценены в ходе индивидуальной работы ребенка по решению компьютерного теста (Поливанова, Ривина, Улановская, 2013). Поэтому мы вынуждены были ограничить диагностические задачи оценкой тех метапредметных результатов, которые можно выявить в индивидуальной работе ребенка. При этом мы старались создать такой диагностический инструментарий, чтобы посредством минимального числа тестов получить как можно более богатую и содержательную характеристику сформированности большинства метапредметных компетенций.

В разработанный нами пакет вошли следующие методики:

Методика «Перестановки». Автор – А.З. Зак.

Методика «Задания из математики». Разработана С.Ф. Горбовым, О.В. Савельевой и Н.Л. Табачниковой.

Методика «Календарь». Разработана Г.А. Цукерман и О.Л. Обуховой.

Методика «Детские задачи». Разработана Г.А. Цукерман, С.Ф. Горбовым, О.В. Савельевой и Н.Л. Табачниковой.

Методика «Подсказки». Автор Е.В. Чудинова.

Методика «Составление текста». Разработана З.Н. Новлянской.

Пакет составлен таким образом, чтобы любой ребенок смог сразу приступить к выполнению заданий, т.е. он не предъявляет никаких особых требований к владению компьютерными технологиями. К каждой мето-

дике прилагается подробная инструкция и при необходимости тренажер для освоения способа работы. Также нами разработаны ключи для автоматизированной обработки результатов диагностики в показателях, соответствующих содержанию основных метапредметных компетенций.

Коротко опишем целевое назначение отдельных методик и процедур.

Методика «Перестановки»

Методика «Перестановки» позволяет различить способ, который использует ребенок для решения проблем поискового характера (Давыдов, 2000). При эмпирическом способе существенные и несущественные отношения в условиях задачи не различаются, ее решение реализуется путем проб и ошибок, способ либо вообще не осознается, либо в нем осознается лишь конкретный состав операций и он целиком не планируется. При теоретическом способе существенные отношения в условиях задачи вычленяются, решение планируется целиком и осуществляется без проб и ошибок, в успешном способе решения осознаются не только конкретные операции, но, главное, его связь с существенными отношениями. В этом случае решение задачи включает теоретическую часть (когда содержание задачи исследуется с помощью особых познавательных действий) и практическую (когда реально достигается конкретный результат). Обобщенный подход к решению задач включает содержательный анализ, познавательную рефлекссию и содержательное планирование (Зак, 1984, 2007).

Методика «Задания из математики»

Методика позволяет оценить следующие метапредметные результаты:

- освоение способов решения проблем поискового характера (выход за пределы наличной ситуации, преодоление визуальных стереотипов);
- овладение логическими действиями сравнения, анализа, синтеза, обобщения, классификации по родовидовым признакам, установления аналогий и причинно-следственных связей;
- выделение закономерностей (умение учитывать несколько признаков);
- умение воспользоваться подсказкой (как один из показателей умения учиться) для решения задач;
- умение использовать знаково-символические средства представления информации для создания моделей изучаемых объектов и процессов (например, переводить и совмещать текст и образно-графический

язык (диаграммы, чертежи), построить модель, преобразовать модель под новую задачу);

– овладение базовыми предметными и межпредметными понятиями.

Методика «Календарь»

Методика представляет собой информационный текст, в соответствии с содержанием которого ребенок должен ответить на вопросы и выполнить различные действия (Цукерман, Обухова, 2012). Текст подобран таким образом, чтобы позволить оценить способность ребенка:

– восстановить ту картину реальности, которая стоит за текстом (воспроизводящее понимание);

– обобщить информацию, заключенную в текстовом сообщении (рефлексивное понимание):

а) использовать авторскую фактологию и логику для реконструкции идей, не упомянутых в тексте, но основанных на прочитанном, т.е. ответить на вопрос: *что будет, если...*;

б) интерпретировать информацию;

– сформулировать и обосновать свое мнение (творческое понимание).

Методика «Составление текста»

Детям предлагается набор из 9 частей простого и короткого текста (предложения или части предложений). Задача для ребенка: «Восстанови из перепутанных частей текст. Пронумеруй кусочки текста так, чтобы получился связный рассказ, и чтобы он соответствовал названию. Учти, что среди перепутанных частей есть две неподходящие, которые следует исключить». Части текста подобраны так, что, в принципе они все могут подойти к содержанию. Поэтому для правильного выполнения задания необходимо вычленив содержательную задачу, «закодированную» в названии. Таким образом, методика позволяет оценить не только способность ребенка создать связный текст, но и решить поставленную коммуникативную задачу.

Методика «Детские задачи»

Умение учиться – главный метапредметный результат эффективной работы начальной школы.

Для оценки рефлексивной составляющей умения учиться в нашем пакете используется методика «Детские задачи». Предметом диагностики в ней является умение отличать решаемую задачу от недоопределенной и задавать вопрос о недостающих условиях действия, т.е. отделять известное от неизвестного (Цукерман, 2003, 2010).

Методика «Подсказки»

Умение пользоваться подсказкой характеризует поисковую составляющую умения учиться. Методика строится на материале задач, понятийное содержание которых неизвестно младшим школьникам, но материал которых относительно освоен в житейском опыте.

Методика состоит из двух частей. Первая часть выявляет исходный уровень владения предложенным материалом. Во второй части ребенку предлагается подсказка/помощь (в виде фрагмента текста, описывающего необходимый способ действия, схематических рисунков-образцов решений и пр.), и новые задачи на применение нового знания.

Анализ результатов работы детей позволяет выявить и оценить:

- умение обнаружить, каких знаний недостает для решения задачи, и воспользоваться справочной информацией для построения способа действия;
- умение реконструировать способ действия (по описанию хода решения задачи и образцу решения; по описанию хода решения задачи и схематическому рисунку);
- умение использовать модель как средство решения задачи;
- умение переводить и совмещать текстовый и образно-графический языки;
- умение преобразовать модель под новые условия задачи.

Выделим общие принципы, положенные в основу создания компьютерного пакета методик диагностики метапредметных результатов начального школьного образования.

Материалом, на котором строится методика, должен быть либо внепредметный материал (как в методике «Перестановки»), либо предметный материал, который точно не изучался в программе начальной школы (как в методике «Подсказки» или «Календарь»), либо очень простой предметный материал, надежно освоенный абсолютным большинством учащихся к концу четвертого класса (как в методиках «Детские задачи», «Задания из математики» и др.).

Методики моделируют учебную ситуацию, т.е. они построены таким образом, чтобы ребенок не просто дал готовый ответ, но продемонстрировал способ своей работы, различил внешне сходные условия, построил или перестроил модель, и т.п.

Во всех методиках предусмотрена возможность для ребенка вернуться к предыдущему заданию, внести исправления, потренироваться. В методиках «Художественные тексты» и «Календарь» тексты доступны

ребенку на всех этапах работы (они всегда представлены на экране). Таким образом, сама организация работы дополнительно обеспечивает ребенку возможность сосредоточиться именно на содержании задания и снимает возможное влияние проблем с запоминанием или скоростью чтения и т.п. на результат работы.

Каждая методика позволяет оценить и качественно описать сформированность той или иной метапредметной компетенции, но дополнительно – подтвердить или уточнить те метапредметные результаты, которые диагностируются другими методиками, включенными в пакет. Это позволяет за относительно короткое время (3 урока) получить более полную и надежную оценку основных метапредметных результатов начальной школы.

Пакет может использоваться многократно на одном контингенте учащихся, т.к. а) учащиеся не имеют информации о правильности решения и б) содержательно задачи требуют выстраивания развернутой поисковой деятельности, которую можно реализовывать по-разному.

Обработка результатов диагностики проводится в автоматизированном режиме, что делает ее более надежной и объективной. Ответы на открытые вопросы анализируются экспертами по Руководству, в котором четко описаны критерии оценки. Эти оценки вносятся в общую базу данных и анализируются по разработанным алгоритмам вместе с оценками, полученными в автоматическом режиме.

Для работы с компьютерным пакетом разработан специальный режим, учитывающий принятые гигиенические требования (динамические паузы, перемены).

В рамках исследовательского проекта МГПУ нами было проведено обследование 15 московских школ с использованием компьютерного пакета диагностики метапредметных результатов начального образования. Полученные данные позволили дать каждой школе характеристику сформированности отдельных метапредметных результатов, выделить сильные и слабые стороны в работе начальной школы. На основе этих данных педагогические коллективы самостоятельно разработали коррекционные программы и внедряли их в учебный процесс на этапе перехода в основную школу. Через год мы повторно провели диагностику с использованием того же компьютерного пакета. Такая исследовательская процедура позволила:

выявить динамику развития метапредметных компетенций на этапе перехода в основную школу;

оценить эффективность коррекционных программ, разработанных школами;

выделить факторы образовательной среды конкретной школы, позитивно и негативно влияющие на развитие метапредметных компетенций учащихся (Высоцкая, 2017).

Библиографический список

1. *Высоцкая Е.В., Улановская И.М., Янишевская М.А.* Образовательная среда школы и качество метапредметного результата: проблемы формирования // *Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики*: Сб. материалов II Международной научно-практической конференции, 20–22 апреля 2017 г. Калуга: АКФ «Политоп», 2017. С.104–118.
2. *Высоцкая Е.В., Улановская И.М., Янишевская М.А.* К вопросу об оценке и коррекции метапредметного образовательного результата в школе // *Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики*: Сб. материалов II Международной научно-практической конференции, 20–22 апреля 2017 г. Калуга: АКФ «Политоп», 2017. С. 464–472.
3. *Давыдов В.В.* Виды обобщения в обучении. М.: Педагогика, 2000.
4. *Зак А.З.* Развитие теоретического мышления у младших школьников. М.: Педагогика, 1984.
5. *Зак А.З.* Диагностика различий в мышлении младших школьников. М.: Генезис, 2007.
6. *Поливанова Н.И., Ривина И.В., Улановская И.М.* Выявление умения учащихся начальной школы действовать совместно в условиях социо-когнитивного конфликта // *Психологическая наука и образование*. 2013. № 4. URL: http://psyedu.ru/journal/2013/4/Polivanova_Rivina_Ulanovskaya.phtml (дата обращения: 16.09.2018).
7. *Цукерман Г.А., Венгер А.Л.* Развитие учебной самостоятельности. М.: ОИРО, 2010.
8. *Цукерман Г.А., Обухова О.Л.* Понимание информационных текстов: что меняется за пять лет обучения? // *Вопросы психологии*. 2012. № 2. С. 3–17.

Computer diagnostic set and evaluation of the elementary school achievements

Ulanovskaya I., Rivina I.,
Psychological Institute of the RAE, Moscow

Abstract. The article describes the author's methods, which are included in the diagnostic set. They allow to assess the formation of the meta-subject results of junior school graduates. This tool was developed by the staff of the Psychological Institute of RAE. Statistical analysis on a large sample of subjects showed that the methods developed are a reliable tool for differentiated quantitative and qualitative assessment of the formation of all 16 meta-subject competencies formulated in the new Standard of Primary Education.

Keywords: meta-subject results of primary education, diagnostics, computer package of methods, school educational environment, school performance.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема информационной социализации в последние годы является одной из самых актуальных и острых, так как подрастающее поколение развивается в принципиально новом социальном и информационном пространстве, в котором слова «информационная культура» являются не абстрактными понятиями, но живой реальностью. В то же время, необходимо отметить, что вопросы информационной социализации и информационного пространства для психологии, в отличие от культурологии и социологии, в значительной мере «*terra incognita*», так как психологические исследования фокусируются в основном на проблемах интернет-коммуникаций и интернет-зависимости. Однако достаточно очевидно, что информационное пространство шире пространства интернет-коммуникации, а отношение к информации, разным информационным полям (источникам), в том числе и интернету, связаны с разнообразными психологическими факторами.

Постоянно проявляющиеся новые данные актуализируют обращение к вопросу информационной социализации как с целью инкорпорирования нового материала в массив общей фактологии, так и с целью анализа и сопоставления новой и старой феноменологии и закономерностей информационной социализации.

Новые материалы относятся и к проблеме возможных идентичностей, проявляющихся при различных формах общения и взаимодействия, и к новым вариантам трансляции идеалов, норм и ценностей, и к вопросу о когнитивных стилях и когнитивном развитии, на которые влияет новые формы информации и новые способы работы с ней. Информация является одним из способов организации, структурирования образа мира, что накладывает особую ответственность на носителей информации и способы ее подачи респондентам, прежде всего, подросткам и молодежи. Культура информационного общества предполагает исследование не только когнитивных, но и эмоционально-личностных и поведенческих аспектов воздействия информации на людей разных возрастных групп. При этом необходимо учитывать и тот факт, что доминировавшая в XX веке вербальная форма информации постепенно трансформируется в визуальную, а в последние годы и аудио-визуальную формы.

Неоднократно подчеркивалось, что особую актуальность «информационное измерение» содержания социализации имеет для подросткового и юношеского возраста, что связано и с задачами развития, и с более

высоким (по сравнению со старшим поколением) уровнем операциональной стороны информационной культуры, и с распространением все новых форм общения и обучения. Актуализирует проблему информационной социализации и тот факт, что информация помогает адекватному позиционированию в постоянно изменяющейся, неопределенной сложной системе, какой и является современная действительность. Эти аспекты цифрового пространства получили отражение в содержании данной монографии.

В статьях также показано, что одним из ведущих направлений современных исследований становится изучение процесса восприятия и переработки информации в разных социальных и возрастных группах. Полученные данные показывают, что выбор информационного пространства существенно влияет на когнитивное развитие уже с дошкольного возраста, что приводит к новым тенденциям в общем интеллектуальном развитии как детей, так и подростков и юношества.

Помимо когнитивной специфики, влияющей на процесс информационной социализации, не меньшее значение на этот процесс оказывают и эмоциональные составляющие поиска, переработки и передачи информации, а также новые языковые формы, активно появляющиеся в интернете и широко распространяющиеся в другие информационные пространства и сферы общения. Полученные материалы показали, что язык интернета тесно связан с совмещением образа и слова, передачей через них эмоциональных переживаний.

Поэтому представляется крайне значимым актуализированная во многих работах идея создания междисциплинарных концепций цифрового пространства и проблемы информационной социализации. В целом, можно констатировать, что представленные в данной монографии статьи, раскрывающие психологическую феноменологию цифрового общества, показали исследовательскую значимость этого направления научной деятельности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблов Олег Игоревич – выпускник магистерской программы по консультативной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет. E-mail: oleg.ablov@gmail.com

Балашова Елена Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: elbalashova@yandex.ru

Бахадова Елена Викторовна – кандидат психологических наук; доцент кафедры психологии и педагогики образования, Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: propsy@rggu.ru.

Белинская Елена Павловна – доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. E-mail: elena_belinskaya@list.ru

Богачева Наталья Вадимовна – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры педагогики и медицинской психологии, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский университет). E-mail: bogacheva.nataly@gmail.com

Бойко Ольга Михайловна – научный сотрудник отдела медицинской психологии, Научный центр психического здоровья, г. Москва. E-mail: olga.m.boyko@gmail.com

Борисова Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии личности, Институт психологии РАН. E-mail: borisova07@bk.ru

Букинич Алексей Михайлович – студент 3 курса факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: aleksey.bukinich@mail.ru

Бурлакова Наталья Семеновна – кандидат психологических наук; доцент факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: naburlakova@yandex.ru

Бусыгина Наталия Петровна – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет. E-mail: boussyguina@yandex.ru

Винокуров Федор Никитич – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. E-mail: fedlav@mail.ru

Войскунский Александр Евгеньевич – кандидат психологических наук; ведущий научный сотрудник факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник. E-mail: vae-msu@mail.ru

Гавриченко Оксана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии личности, Институт психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: Oksana-danshina@rambler.ru

Головей Лариса Арсеньевна – доктор психологических наук, профессор; профессор, зав. кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: lgolovey@yandex.ru

Голубева Наталья Александровна – кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии подростка, Психологический институт РАО. E-mail: 9268881525n@gmail.com

Гришина Наталия Владимировна – доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры психологии личности факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: grinat07@gmail.com

Гусельцева Марина Сергеевна – доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Психологический институт РАО. E-mail: mguseltseva@mail.ru

Данилова Марина Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: dan_m@mail.ru

Емелин Вадим Анатольевич - доктор психологических наук, профессор кафедры методологии психологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: emelin@mail.ru

Жуйкова Екатерина Борисовна – научный сотрудник лаборатории психологии подростка, Психологический институт РАО. E-mail: e.b.zhuykova@gmail.com

Иванова Елена Игоревна – доктор социологических наук, доцент, профессор социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: Ivanova.e@rsuh.ru

Иванова Инесса Витальевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии психолого-педагогического факультета, Благовещенский государственный педагогический университет. E-mail: ivainvita@gmail.com

Калинина Марина Игоревна – магистр психологии, кафедра возрастной психологии, факультет дошкольной педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет. E-mail: poluboyarova@gmail.com

Киселева Екатерина Александровна – кандидат педагогических наук, заместитель директора, Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: vita_ek@mail.ru

Ласьков Глеб Дмитриевич – студент 3 курса факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: laskov.msu@yandex.ru

Мальшева Наталья Георгиевна – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: tasha.malysheva@gmail.com

Марцинковская Татьяна Давидовна – доктор психологических наук, профессор; директор Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета; заведующая лабораторией психологии подростка, Психологический институт РАО; заведующая лабораторией психологии личности, Московский государственный областной университет. E-mail: marsinkovskaya@psystudy.ru

Мишина Марина Михайловна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и методологии образования, Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: mishinamm@yandex.ru

Нестик Тимофей Александрович – доктор психологических наук, профессор РАН; зав. лабораторией социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН. E-mail: nestik@gmail.com

Никитина Елена Альфредовна – кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии РАН. E-mail: nalenka@yandex.ru

Нуркова Вероника Валерьевна – доктор психологических наук, профессор факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: nourkova@mail.ru

Олешкевич Валерий Иванович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник «НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ». E-mail: ov-6161@mail.ru

Орестова Василиса Руслановна – доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии личности, Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: v.r.orestova@gmail.com

Петрушихина Елена Борисовна – кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет. E-mail: ebpetr@mail.ru

Печникова Леонора Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: rech56@mail.ru

Полева Наталья Сергеевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии подростка, Психологический институт РАО. E-mail: proleva@mail.ru

Ривина Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Психологический институт РАО. E-mail: irinarivina@mail.ru

Соболева Мария Олеговна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: maria.soboleva1988@gmail.com.

Ткаченко Дарья Павловна – аспирант, преподаватель кафедры психологии личности, Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: bigbro-littlebro@yandex.ru

Ткаченко Дарья Павловна – аспирант, преподаватель кафедры психологии личности, Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: bigbro-littlebro@yandex.ru

Улановская Ирина Михайловна – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Психологической институт РАО. E-mail: iulanovskaya@mail.ru

Фоломеева Татьяна Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. E-mail: tfolomeeva@gmail.com

Хорошилов Дмитрий Александрович – кандидат психологических наук; старший научный сотрудник факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. E-mail: d.khoroshilov@gmail.com

Хузеева Гузелия Рифкатовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, Институт психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: guzeliya.h@yandex.ru

Шаехов Забир Дамирович – аспирант, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. E-mail: shaehovzd@gmail.com

Шнейдер Лидия Бернгардовна – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой специальной психологии Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: lshnejder@yandex.ru